This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

the original book,
rofilm-xerography
nternational
S.A.

This is an authorized facsimile of the original book,
and was produced in 1978 by microfilm-xerography
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England

РУССКІЕ

ПОВѢСТИ

и

РАЗСКАЗЫ

А. Марлинскаго.

Изданіе третіе.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ III. ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРІИ.

1838.

PA3321
B45
1838
v. 5

PG3321
.B45
1838

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON, D. C. 20540

7 C
21196
57

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Мадлинскаго.

ПОЛНОЕ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

А. Марлинскаго.

ЧАСТЬ V.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 11 Мая 1838 года.

Цензоръ *А. Никитенко*

АММАЛАТЪ-БЕКЪ.

Кавказская быль.

«Будь медленъ на обиду — къ мщенью скоръ!»

Надпись Дагестанскаго кинжала.

ГЛАВА I.

Была Джума*.

Близъ Буйнаковъ, обширнаго селенія въ Сѣверномъ Дагестанѣ, Татарская молодежь съѣхалась на скачку и джигетовку, т. е. на ристанье, со всѣми опытами удальства. Буйнаки лежатъ въ два уступа на крутомъ обрывѣ горы. Влѣво отъ дороги, ведущей изъ Дербента къ Таркамъ, возвышается надъ ними

* Джума соотвѣтствуетъ нашей недѣлѣ, т. е. воскресенью. Вотъ имена прочихъ дней магометанской недѣли: шамби (наша суббота), ихшамба (воскресенье), душамба (понедѣльникъ), сешамба (вторникъ), чершамба (среда), пханшамба (четвергъ), джума (пятница).

гребень Кавказа, опереный лѣсомъ; вправо, берегъ, понижаясь непримѣтно, раскидывается лугомъ, на который плещетъ вѣчно роптивое, какъ само человѣчество, Каспійское море. Вешній день клонился къ вечеру и всѣ жители, вызванные свѣжестью воздуха, еще болѣе чѣмъ любопытствомъ, покидали сакли свои и толпами собирались по обѣимъ сторонамъ дороги. Женщины безъ покрывалъ, въ цвѣтныхъ платкахъ, свернутыхъ чалмою на головѣ, въ длинныхъ шелковыхъ сорочкахъ, стянутыхъ короткими архалухами (тюника) и въ широкихъ туманахъ *, садились рядами, между тѣмъ, какъ вереницы ребятъ рѣзвились передъ ними. Мужчины, собравшись въ кружки, стоя или сидя на колѣняхъ ** или по-двое и по-трое, прохаживались медленно кругомъ;

---

* Хотя въ существѣ нѣтъ никакой разницы между мужскими шальварами и женскими туманами (панталонами), но для мужчины будетъ обидно, если вы скажете, что онъ носитъ туманы и на оборотъ.

** Обыкновенный образъ сидѣнья у Азіятцевъ на улицѣ или предъ старшимъ. А потому Н. М. Карамзинъ очень ошибся, переводя слова Волынскаго лѣтописца: Злѣ тѣ Романе, на колѣняхъ предъ ханомъ сѣдиши; — худо тебѣ, Романъ, на колѣняхъ *стоишь* передъ ханомъ. Конечно сидѣть на корточкахъ было не весело для Галицкаго князя, но не такъ унизительно, какъ думаетъ историкъ.

старики курили табакъ изъ маленькихъ деревянныхъ трубокъ; веселый говоръ разносился кругомъ и порой возвышался надъ нимъ звонъ подковъ и крикъ: *кагь, кагь!* (посторонись) отъ всадниковъ, приготовляющихся къ скачкѣ.

Дагестанская природа прелестна въ маѣ мѣсяцѣ. Милліоны розъ обливаютъ утесы румянцемъ своимъ, подобно зарѣ; воздухъ струится ихъ ароматомъ; соловьи не умолкаютъ въ зеленыхъ сумеркахъ рощи. Миндальныя деревья, точно куполы пагодовъ, стоятъ въ серебрѣ цвѣтовъ своихъ, и между нихъ высокія раины, то увитыя листьями, какъ винтомъ, то возникая стройными столпами, кажутся Мусульманскими минаретами. Широколистые дубы, словно старые ратники, стоятъ на часахъ тамъ, видѣ, между тѣмъ какъ тополи и чинары, собравшись купами и окруженные кустарниками, какъ дѣтьми, кажется, готовы откочевать въ гору, убѣгая отъ лѣтнихъ жаровъ. Игривыя стада барановъ, испещренныхъ розовыми пятнами; буйволы, упрямо погрязающіе въ болотѣ при фонтанахъ, или по цѣлымъ часамъ лѣниво бодающіе другъ другъ рогами; да тамъ и самъ по горѣ статные кони, которые разбросавъ на вѣтеръ гриву, гордой рысью бѣгаютъ по холмамъ — вотъ рамы каждаго Мусульманскаго селенія. Можно себѣ во-

обрывать, что въ день этой джумы, окрестности Буйнаковъ еще болѣе оживлены были живописною пестротою народа. Солнце лило свое золото на ярчныя стѣны саклей съ плоскими кровлями, и облекая ихъ въ разнообразныя тѣни, придавало имъ пріятную наружность . . . Вдали, тянулись въ гору, скрипучія арбы, мелькая между могильными камнями кладбища . . . предъ ними несся всадникъ, взвивая пыль по дорогѣ . . . Горный хребетъ и безграничное море придавали всей картинѣ величіе, вся природа дышала теплою жизнію.

— Идетъ, идетъ! раздалось въ толпѣ — и всѣ зашевелились.

Всадники, которые досель разговаривали съ знакомыми, ступили на землю, или пестрою разъѣзжали въ полѣ, вскочили на коней и понеслись на встрѣчу поѣзда, спускающагося съ горы: то былъ Аммалатъ-Бекъ, племянникъ Тарковскаго *шамхала* * со своею свитою. Онъ былъ одѣтъ въ черную Пер-

---

* *Первые шамхалы были родственники и наѣстники халифовъ Дамасскихъ. Послѣдній шамхалъ умеръ, возвратившись изъ Россіи, и съ нимъ кончилось это безполезное достоинство. Сынъ его, Сулейманъ-Паша, владѣетъ наслѣдствомъ просто, какъ частнымъ имѣніемъ.*

сидскую чуху, обложенную галунами; внизу рукава закидывались за плеча. Турецкая шаль обвивала подъ исподомъ надѣтый архалухъ изъ букетовой термаламы. Красныя шальвары скрывались въ верховые желтые сапоги съ высокими каблуками. Ружье, кинжалъ и пистолетъ его блистали серебромъ и золотою насѣчкою. Ручка сабли осыпана была дорогими каменьями. Сей владѣтель Тарковъ былъ высокій, статный юноша, открытаго лица; черныя *зильбляры* (кудри) вились за ухомъ изъ-подъ шапки . . . легкіе усы отѣняли верхнюю губу . , . очи сверкали гордою привѣтливостію. Онъ сидѣлъ на червонномъ конѣ, и тотъ крутился подъ нимъ, какъ вихорь. Противъ обыкновенія, не было на конѣ Персидскаго, круглаго, расшитаго шелками чепрака, но легкое Черкесское сѣдло съ серебромъ подъ чересдью, съ расписанными потебнями, и со стременами чернаго Хорасанскаго булата подъ золотою насѣчкою. Двадцать нукеровъ * на лихихъ скакунахъ, въ чухахъ, блестящихъ галунами, сдвинувъ шап-

---

* *Нукеръ, общее имя для прислужниковъ; по собственно это то же самое, что у древнихъ Шотландцевъ* Necshian (*прибедренникъ*). *Онъ всегда и вездѣ находится при господинѣ, служитъ ему за столомъ, рѣжетъ и рветъ руками жаркое, и такъ далѣе.*

ки на бокрень, скакали, набочась, сзади. Народъ почтительно встанулъ передъ своимъ бекомъ и склонился, прижимая правую руку къ правому колѣну. Ропотъ и шопотъ одобренія разлился вслѣдъ ему между женщинъ.

Подъѣхавъ къ южному концу ристалища, Аммалатъ остановился. Почетные люди, старики, опираясь на палки, и старшины Буйнаковъ обстали его кругомъ, стараясь вызвать на себя привѣтливое слово бека, но Аммалатъ ни на кого не обращалъ особеннаго вниманія и съ холодною учтивостью отвѣчалъ односложными словами на лесть и поклоны своихъ подручниковъ. Онъ махнулъ рукой: это былъ знакъ начинать скачку.

Безъ очереди, безъ всякаго порядка кинулись человѣкъ двадцать самыхъ горячихъ ѣздоковъ скакать взадъ и впередъ, гарцуя, перегоняя другъ друга. То перерѣзывали они другъ другу дорогу и вдругъ сдерживали коней, то вновь пускали ихъ во всю прыть съ мѣста. Послѣ этого всѣ взяли небольшія палки, называемыя джиридами, и начали на скаку метать въ слѣдъ и встрѣчу противниковъ, то ловя ихъ на лету, то подхватывая съ земли. Иные падали долой изъ сѣдла отъ сильныхъ ударовъ, и тогда раздавался громкій смѣхъ зрителей побѣжденному, громкіе клики

приѣта побѣдителю, иногда кони спотыкались и всадники нерѣдко падали черезъ голову, выброшенные двойною силою короткихъ стремянъ. Затѣмъ началась стрѣльба.

Аммалатъ-Бекъ все это время стоялъ поодаль, любуясь. Пукеры его, одинъ по одному, вмѣшивались въ толпу джигитующихъ, такъ что подъ конецъ при немъ осталось только двое. Сначала онъ стоялъ неподвиженъ, и равнодушнымъ взоромъ слѣдилъ подобіе Азіятской битвы, но мало по малу участіе стало разыгрываться въ немъ сильнѣе и сильнѣе... Онъ уже съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ на удальцевъ — сталъ ободрять ихъ голосомъ и движеніемъ руки, вставать выше на стременахъ и наконецъ наѣздническая кровь закипѣла въ немъ, когда любимый его пукеръ не попалъ, на всемъ скаку, въ брошенную передъ нимъ шапку; онъ выхватилъ у своего оруженосца ружье и стрѣлой полетѣлъ впередъ, увиваясь между стрѣлками.

— Раздайся, раздайся! послышалось кругомъ, и всѣ какъ дождь разсыпались по сторонамъ, давъ мѣсто Аммалатъ-Беку.

На разстояніи одной версты стояло десять шестовъ съ повѣшанными на нихъ шапками. Аммалатъ проскакалъ въ одинъ конецъ, крутя ружье надъ головою; но едва миновалъ край-

ній столбъ смѣлымъ поворотомъ, онъ всталъ на стременахъ, приложился назадъ — пафъ; — и шапка упала на земъ; не умѣряя бѣга, онъ зарядилъ ружье, съ брошенными поводами — сбилъ шапку съ другаго, съ третьяго — и такъ со всѣхъ десяти . . . Говоръ похвалъ раздался со всѣхъ сторонъ, но Аммалатъ, не останавливаясь, бросилъ ружье въ руку нукера, выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, и выстрѣломъ изъ него отбилъ подкову съ задней ноги своего скакуна; подкова взвилась и свистя, упала далеко назади; тогда онъ снова подхватилъ заряженное нукеромъ ружье, и велѣлъ ему скакать передъ собою . . .

Быстрѣе мысли понеслись оба.

На полдорогѣ нукеръ вынулъ изъ кармана серебряный рубль и высоко взбросилъ его на воздухъ; Аммалатъ приложился вверхъ, не ожидая паденія, но въ то же самое мгновеніе конь его споткнулся со всѣхъ четырехъ ногъ, и, бороздя пыль мордою, покатился впередъ съ размаха. Всѣ ахнули — но ловкій всадникъ, стоявшій стойма на стременахъ, не тряхнулся, не подался впередъ, какъ будто не слышалъ паденія — выстрѣлъ сверкнулъ, и вслѣдъ за выстрѣломъ серебряный рубль улетѣлъ далеко въ народъ. Толпа заревѣла отъ удовольствія. — Игидъ! игидъ (удалецъ) — Алла, Вал-

ла-га! Но Аммалать-Бекъ скромно отъѣхалъ въ сторону, сошелъ съ коня, и бросивъ повода въ руки джиладара, т. е. конюшаго, велѣлъ сей же часъ подковать коня.

Скачка и стрѣльба продолжались.

Въ это время подъѣхалъ къ Аммалату эмджекъ его*, Сафиръ-Али, сынъ одного изъ небогатыхъ бековъ Буйнакскихъ, молодой человѣкъ, пріятной наружности и простаго, веселаго нрава. Онъ выросъ вмѣстѣ съ Аммалатомъ, и потому очень коротко обходился съ нимъ. Онъ спрыгнулъ съ коня, и кивнувъ головою, сказалъ:

— Пукеръ Мемет-Расуль измучилъ твоего старика безгриваго жеребца**, заставляетъ его скакать черезъ ровъ, шириною шаговъ семи.

— И онъ не прыгаетъ? вскричалъ нетерпѣливый Аммалатъ. Сей часъ, сей же мигъ привести его ко мнѣ!

---

* Эмджекъ — грудной, молочный братъ; отъ слова: эмджекъ — сосецъ. У Кавказскихъ народовъ это родство священнѣе природнаго; за своего эмджека каждый положитъ голову. Матери стараются заранѣ связать такимъ узломъ надежныя семьи. Мальчика приносятъ къ чужой матери, та кормитъ его грудью — и обрядъ конченъ — и неразрывное братство начато.

** Славная въ Персіи порода Трухменскихъ лошадей, называемая теке.

Онъ встрѣтилъ коня на полдорогѣ, не вступая въ стремя, вспрыгнулъ въ сѣдло и полетѣлъ къ утесистой рытвинѣ — доскакавъ, стиснулъ колѣна: но усталый конь, не надѣясь на свои силы, вдругъ повернулъ на право, на самомъ краю, и Аммалатъ долженъ былъ сдѣлать еще кругъ.

Во второй разъ конь, подстрекаемый плетью, взвился на дыбы, чтобы перепрыгнуть черезъ ровъ — но замялся, заартачился и уперся передними ногами.

Аммалатъ вспыхнулъ.

Напрасно упрашивалъ его Сафиръ-Али, чтобы онъ не мучилъ бѣгуна, утратившаго въ бояхъ и разъѣздахъ упругость членовъ — Аммалатъ не внималъ ничему и понуждалъ его крикомъ, ударами обнаженной сабли, и въ третій разъ подскакалъ онъ къ рытвинѣ, и когда въ третій разъ сталъ съ разбѣга старый конь, не смѣя прыгать — онъ такъ сильно ударилъ его рукоятью сабли въ голову, что конь грянулся на всемъ бездыханенъ.

— Такъ вотъ награда за вѣрную службу! сказалъ Сафиръ Али, съ сожалѣніемъ глядя на издохшаго бѣгуна.

— Вотъ награда за ослушанье! — возразилъ Аммалатъ, сверкая очами.

Видя гнѣвъ бека, всѣ умолкли и отстранились. Всадники джигитовали.

И вдругъ загремѣли Русскіе барабаны, и штыки Русскихъ солдатъ засверкали изъ-за холма. То была рота Куринскаго пѣхотнаго полка, отправленная изъ отряда, ходившаго тогда въ Аварію, возмущенную Шихъ-Али-Ханомъ, изгнаннымъ владѣтелемъ Дербента. Рота сія должна была конвоировать обозъ съ продовольствіемъ изъ Дербента, куда и шла горною дорогою. Ротный командиръ, капитанъ . . . . и съ нимъ одинъ офицеръ, ѣхали впереди. Не доходя до ристалища, ударили отбой, и рота стала, сбросила ранцы и составила въ козлы ружья, расположась на привалъ, но не разводя огней.

Прибытіе Русскаго отряда не могло быть новостью для Дагестанцевъ въ 1819 году; но оно и до сихъ поръ не дѣлаетъ имъ удовольствія. Изувѣрство заставляетъ ихъ смотрѣть на Русскихъ какъ на вѣчныхъ враговъ — но враговъ сильныхъ, умныхъ и потому вредить имъ рѣшаются они не иначе, какъ въ тайнѣ, скрывая непріязнь подъ личиною доброхотства.

Ропотъ разлился въ народѣ при появленіи Русскихъ; женщины окольными тропинками потянулись въ селеніе, не упуская однако жъ

случая взглянуть украдкою на пришлецовъ. Мужчины, напротивъ, поглядывали на нихъ искоса, черезъ плечи, и стали сходиться кучками, разумѣется, потолковать, какимъ бы средствомъ отдѣлаться отъ постоя, отъ подводъ, и тому подобнаго. Множество зѣвакъ и мальчишекъ окружили однако Русскихъ, отдыхающихъ на травкѣ. Нѣсколько кекхудовъ (старостъ) и чаушей (десятниковъ), назначенныхъ Русскимъ правительствомъ, поспѣшили къ капитану, и снявъ шапки послѣ обычныхъ привѣтовъ: *хошъ вальды* (милости просимъ), и *яхшимусень, тазамусень сень-немамусень* (какъ живешь, можешь), добрались и до неизбѣжнаго при встрѣчѣ съ Азіятцами вопроса: что новаго? *на хаберъ?*

— Новаго у меня только то, что конь мой расковался, и отъ того бѣдняга захромалъ, отвѣчалъ имъ капитанъ довольно чисто по-Татарски. Да вотъ кстати и кузнецъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ широкоплечему Татарину, который опиливалъ уже копыто вновь подкованнаго Аммалатова бѣгуна. Кунакъ — подкуй мнѣ коня! . . . подковы есть готовыя — стоитъ брякнуть молоткомъ, и дѣло кончено въ минуту!

Кузнецъ, у котораго лице загорѣло отъ горна и отъ солнца, угрюмо взглянулъ на капи-

тана изъ подлобья, поправилъ широкій усъ, падающій на давно небритую бороду, которая бы щетинами своими сдѣлала честь любому борову, подвинулъ на головѣ аракчинъ (ермолку) и хладнокровно продолжалъ укладывать въ мѣшокъ свои орудія.

— Понимаешь ли ты меня, волчье племя? сказалъ капитанъ.

— Очень понимаю! отвѣчалъ кузнецъ — тебѣ надобно подковать свою лошадь.

— И ты самъ долженъ подковать ее, отвѣчалъ капитанъ, замѣтя въ Татаринѣ охоту шутить словами.

— Сегодня праздникъ: я не стану работать.

— Я заплачу тебѣ за труды, что хочешь; но знай, что волей и неволей ты у меня сдѣлаешь, что я хочу.

— Прежде всѣхъ нашихъ идетъ воля Аллаха: а онъ не велѣлъ работать въ джуму. Довольно грѣшимъ мы изъ выгоды и въ простые дни . . . такъ въ праздникъ не хочу я себѣ покупать за серебро уголья.

— Да вѣдь ты работалъ же сей часъ, упрямая башка? Развѣ не равны кони? Притомъ же мой настоящій мусульманинъ. Взгляни-ка на тавро: кровный Карабахскій.

— Кони всѣ равны, да не равны тѣ, кто

на них ѣздить: Аммалать-Бекъ мой ага (господинъ).

— То есть, если бы ты вздумалъ отпираться, онъ бы велѣлъ обрѣзать тебѣ уши; а для меня ты не хочешь работать, въ надеждѣ, что я не смѣю сдѣлать того же? Хорошо, пріятель: я точно не обрѣжу тебѣ ушей, но знай и вѣрь, что я въ твою православную спину влѣплю двѣсти самыхъ горячихъ нагаекъ, если ты не перестанешь дурачиться. Слышалъ?

— Слышалъ — и все-таки буду отвѣчать по прежнему: не кую — потому что я добрый мусульманинъ.

— А я заставлю тебя копать, потому что я добрый солдатъ. Когда ты работалъ для прихоти своего бека, ты будешь работать для необходимости Русскаго офицера — безъ этого я не могу выступить. Ефрейторы, сюда!!

Между тѣмъ кружокъ любопытныхъ около упрямаго кузнеца расширялся, подобно кругу на водѣ отъ брошеннаго камня. Въ толпѣ иные уже ссорились за передніе мѣста, не зная, что смотрѣть бѣгутъ они, и наконецъ раздалось: — этого не надо, этому не бывать, сегодня праздникъ, сегодня грѣхъ работать! Нѣкоторые смѣльчаки, надѣясь на число, надвинули шапки на глаза, и держась за руко-

ятя кинжаловъ, подлѣ самаго капитана стали кричать: — не куй, Алекперъ, не дѣлай ему ничего... Вотъ тебѣ новости! Что нажъ за пророки эти немытые Русскіе!

Капитанъ былъ отважевъ и зналъ очень коротко Азіятцевъ.

— Прочь, бездѣльники! закричалъ онъ гнѣвно, положа руку на ручку пистолета — молчать, или я первому, кто осмѣлится выпустить брань изъ-за зубовъ, запечатаю роть свинцовою печатью!

Это увѣщаніе, подкрѣпленное штыками нѣсколькихъ солдатъ, подѣйствовало мгновенно: кто былъ поробче — давай Богъ ноги; кто посмѣлѣе — прикусилъ языкъ. Самъ набожный кузнецъ, видя, что дѣло идетъ не на шутку, поглядѣлъ на всѣ стороны, проворчалъ: пожелезимъ (что жъ мнѣ дѣлать?), засучилъ рукава, вытащилъ изъ мѣшка клещи и молотъ, и началъ подковывать Русскую лошадь, приговаривая сквозь зубы: *Валла билла битлы эддылъ* (а это значитъ на ровнѣ съ Польскимъ: дали Богъ, не позвалимъ).

Надобно знать, что все это происходило за глазами Аммалата: онъ едва завидѣлъ Русскихъ, какъ избѣгая непріятной для себя встрѣчи, сѣлъ на неподкованнаго коня и

поскакалъ въ домъ свой, надъ Буйнаками стоящій.

Между тѣмъ, какъ это происходило на одномъ концѣ ристалища, по фронту отдыхающей роты подъѣхалъ всадникъ средняго роста, но атлетическаго сложенія: онъ былъ въ кольчугѣ, въ шлемѣ, въ полномъ боевомъ вооруженіи; за нимъ слѣдомъ тянулось пять пукеровъ. По запыленной ихъ одеждѣ, по конямъ въ поту и пѣнѣ, видѣлось, что они совершили скорый и дальній переѣздъ. Первый всадникъ, разсматривая солдатъ, тихимъ шагомъ проѣзжалъ вдоль составленныхъ въ козлы ружей — задѣлъ и опрокинулъ двѣ пирамиды. Пукеры, слѣдуя за господиномъ, вмѣсто того, чтобъ своротить въ сторону, дерзко топтали упавшее оружіе. Часовой, которыя еще издали кричалъ, чтобъ они не приближались, схватилъ подъ устцы коня наперсника, между тѣмъ какъ множество солдатъ, раздраженныхъ такимъ презрѣніемъ отъ мусульманъ, окружили поѣздъ съ бранью. Стой! кто ты? было восклицаніе и вмѣстѣ вопросъ часоваго.

— Ты видно рекрутъ, когда не узналъ Султанъ-Ахметъ-Хана Аварскаго *, хладно-

* Онъ былъ родной братъ Гассанъ-Хана-Джемутайскаго, а сдѣлался ханомъ Аварскимъ, женясь на вдовѣ хана, единственной его наслѣдницѣ.

кровно отвѣчалъ панцырникъ, отрывая руку часоваго отъ поводьевъ. Кажется, въ прошломъ году я задалъ Русскимъ въ Башлахъ* по себѣ славную поминку. Переведи ему это, сказалъ онъ одному изъ своихъ нукеровъ. Аварецъ повторилъ его слова по-Русски довольно понятно.

— Это Ахметъ-Ханъ! Ахметъ-Ханъ! раздалось между солдатами. Лови его, держите его! Тащите его на расплату за Башлинское дѣло... Бездѣльники въ куски нарубили нашихъ раненыхъ!

— Прочь, грубіяны! вскричалъ султанъ Ахметъ-Ханъ по-Русски рядовому, который снова схватилъ коня за узду. Я Русскій генералъ!

— Русскій плѣнникъ! зашумѣли множество голосовъ. Ведите его къ капитану, потащимъ его въ Дербентъ, къ полковнику Верховскому!

— Только въ адъ пойду я съ такими проводниками! сказалъ Ахметъ-Ханъ съ презри-

---

* Тогда отрядъ нашъ, состоявшій изъ 3000 человѣкъ, окруженъ былъ 60000 Горцевъ. Тамъ былъ уцмій Каракайдахскій, Аварцы, Акушинцы, Койсу-Булинцы и другіе. Русскіе пробились ночью — и съ урономъ.

тельною улыбкою, и въ то же мгновеніе поднялъ коня на дыбы, бросилъ его влѣво, вправо и вдругъ повернувъ на воздухѣ кругомъ, ударилъ нагайкою, и былъ таковъ. Пукеры не сводили глазъ съ хана и съ гикомъ кинулись за нимъ слѣдомъ, опрокинули нѣкоторыхъ солдатъ и открыли себѣ дорогу. Отскакавъ не болѣе какъ шаговъ на сто, ханъ снова поѣхалъ шагомъ, не оглядываясь назадъ, не измѣнялся въ лицѣ, и хладнокровно поигрывая уздечкою. Толпа Татаръ, собравшихся около кузнеца, привлекла его вниманіе.

— Что у васъ за споры, пріятели? спросилъ у ближнихъ Ахметъ-Ханъ, сдерживая коня.

Всѣ съ уваженіемъ приложили руки ко лбу при поклонѣ, завидѣвъ хана.

Тѣ, которые были поробче или посмирнѣе, очень смутились отъ этой встрѣчи: того и гляди, попадешь въ бѣду отъ Русскихъ, зачѣмъ не взяли врага ихъ, или подъ месть хана, если ему не уважишь. За то всѣ головорѣзы, всѣ бездѣльники, и всѣ, которые съ досадой смотрѣли на владычество Русское, окружили его веселою толпою. Ему въ одинъ мигъ разсказали, въ чемъ дѣло.

— И вы какъ буйволы смотрите, когда вашего брата запрягаютъ въ ярмо, громко ска-

залъ ханъ окружающимъ: когда вамъ въ глаза смѣются надъ вашими обычаями, топчутъ подъ ноги вашу вѣру! и вы плачете, какъ старыя бабы, вмѣсто того, чтобы мстить, какъ прилично мужамъ! Трусы, трусы!

— Что мы сдѣлаемъ? возразили ему многіе голоса. У Русскихъ есть пушки! есть штыки! . . . .

— А у васъ развѣ нѣтъ ружей, нѣтъ кинжаловъ? Не Русскіе страшны — а вы робки! Позоръ мусульманамъ — Дагестанская сабля дрожитъ передъ Русскою нагайкою. Вы боитесь пушечнаго грома, а не боитесь укоровъ. Фирманъ Русскаго пристава для васъ святѣе главы изъ курана. Сибирь пугаетъ васъ пуще ада . . . такъ ли поступали дѣды ваши, такъ ли думали отцы? . . . Они не считали враговъ и не расчитывали, выгодно или не выгодно сопротивляться насилію, а храбро бились и славно умирали. Да и чего бояться? Развѣ чугунные у Русскихъ бока? Развѣ у нихъ пушекъ нѣтъ заду? Вѣдь скорпіоновъ ловятъ за хвостъ!!

Рѣчь эта возмутила толпу. Татарское самолюбіе было тронуто заживо.

— Что смотрѣть на нихъ! что позволять имъ хозяйничать у насъ, будто въ своемъ карманѣ! послышалось отовсюду. Освободимъ кузнеца

отъ работы, освободимъ! закричали всѣ и стѣснили кружокъ около Русскихъ солдатъ, посреди конхъ Алекперъ ковалъ капитанскую лошадь.

Смятеніе росло.

Довольный возбужденіемъ мятежа, Султанъ-Ахметъ Ханъ не желалъ однако жъ замѣшиваться въ ничтожную схватку, и выѣхалъ изъ толпы, оставивъ тамъ двухъ нукеровъ для поддерживанія духа запальчивости между Татаръ, а съ двумя остальными быстро поскакалъ въ утахъ * Аммалата.

— Будь побѣдитель! сказалъ Султанъ-Ахметъ-Ханъ Аммалатъ-Беку, который встрѣтилъ его на порогѣ. Это обыкновенное на Черкесскомъ языкѣ привѣтствіе, было произнесено имъ съ такимъ значительнымъ видомъ, что Аммалатъ, поцѣловавшись съ нимъ, спросилъ:

— Насмѣшка это, или предсказаніе, дорогой гость мой!

— Зависитъ отъ тебя, отвѣчалъ пришлецъ.

---

* Домъ по-Татарски называется *ева*; *утахъ* значитъ палаты, а *сарай* вообще зданіе, *Гарамъ-Ханъ* — женское отдѣленіе (отъ этого происходитъ Русское слово: хоромы). Въ смыслѣ дворца употребляютъ иногда слово *шарать*. Русскіе все это смѣшиваютъ въ одно названіе *сакли*, что по-Черкесски значитъ домъ.

Настоящему наслѣднику шамхальства * стоитъ только вынуть изъ ноженъ саблю, чтобы...

— Чтобы никогда ее не вкладывать, ханъ? Незавидная участь: все таки лучше владѣть Буйнаками, нежели съ пустымъ титуломъ, прятаться въ горахъ, какъ шакалу.

— Какъ льву прядать съ горъ, Аммалатъ, и во дворцѣ твоихъ предковъ опочить отъ славныхъ подвиговъ.

— Не лучше ль не пробуждаться отъ сна вовсе!

— Чтобы и во снѣ не видать, чѣмъ долженъ ты владѣть на яву? Русскіе не даромъ подчуютъ тебя макомъ и убаюкиваютъ сказками, между тѣмъ какъ другой рветъ золотые цвѣты ** изъ твоего сада,

— Что могу я предпринять съ моими силами?

— Силы — въ душѣ, Аммалатъ! . . . Осмѣлься, и все преклонится передъ тобою . . . Слышишь ли? примолвилъ Султанъ-Ахметъ-

---

* Отецъ Аммалата былъ старшій въ семействѣ, и потому настоящій наслѣдникъ шамхальства; но Русскіе, завладѣвъ Дагестаномъ и не надѣясь на его доброхотство, отдали власть меньшому брату.

** Игра словъ, до которой Азіятцы большіе охотники: *козыль-гульляръ* собственно значитъ *розы*, но ханъ намекаетъ на *козыль* — червонецъ.

Ханъ, когда раздались въ городѣ выстрѣлы:— это голосъ побѣды!

Сафиръ-Али вбѣжалъ въ комнату со встревоженнымъ лицемъ.

— Буйнаки возмутились, произнесъ онъ торопливо: толпа буяновъ осыпала роту и завела перестрѣлку изъ-за камней...

— Бездѣльники! вскричалъ Аммалатъ, взбрасывая на плечо ружье свое. Какъ смѣли они шумѣть безъ меня? Бѣги впередъ, Сафиръ-Али, грози моимъ именемъ, убей перваго ослушника!

— Я уже унималъ ихъ, возразилъ Сафиръ-Али: да меня никто не слушаетъ, потому что пукеры Султанъ-Ахметъ-Хана поджигаютъ ихъ, говорятъ, что онъ совѣтовалъ и велѣлъ бить Русскихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ мои пукеры это говорили? спросилъ ханъ.

— Не только говорили, да и примѣромъ ободряли, сказалъ Сафиръ-Али.

— Въ такомъ случаѣ я очень ими доволенъ, молвилъ Султанъ-Ахметъ-Ханъ — это по-молодецки.

— Что ты сдѣлалъ, ханъ! вскричалъ съ огорченіемъ Аммалатъ.

— То, что бы тебѣ давно слѣдовало дѣлать!

— Какъ оправдаюсь я передъ Русскими!!

— Свинцомъ и желѣзомъ . . . Пальба загорѣлась — судьба за тебя работаетъ — сабли на голо — и пойдемъ искать Русскихъ!!

— Они здѣсь! возгласилъ капитанъ, который съ десятью человѣками пробился сквозь нестройные ряды Татаръ въ домъ владѣтеля.

Смущенъ неожиданнымъ бунтомъ, въ которомъ его могли счесть участникомъ, Аммалатъ привѣтливо встрѣтилъ разгнѣваннаго гостя.

— Приди на радость, сказалъ онъ ему по-Татарски.

— Не забочусь, на радость ли пришелъ я къ тебѣ, отвѣчалъ капитанъ: но знаю, и испытываю, что меня встрѣчаютъ въ Буйнакахъ не по-дружески. Твои Татары, Аммалатъ-Бекъ, осмѣлились стрѣлять въ солдатъ моего, твоего, общаго нашего Царя.

— Въ самомъ дѣлѣ, это очень дурно, что они стрѣляли въ Русскихъ, сказалъ ханъ, презрительно разлегаясь на подушкахъ... когда имъ бы должно было убивать ихъ.

— Вотъ причина всему злу, Аммалатъ, сказалъ съ гнѣвомъ капитанъ, указывая на хана. Безъ этого дерзкаго мятежника ни одинъ курокъ не бракнулъ бы въ Буйнакахъ! Но хорошъ и ты, Аммалатъ-Бекъ . . . Зовешься другомъ Русскихъ и принимаешь врага ихъ, какъ гостя, укрываешь, какъ товарища, че-

стишь, какъ друга. Аммалатъ-Бекъ! именемъ главнокомандующаго требую: выдай его.

— Капитанъ! отвѣчалъ Аммалатъ: у насъ гость — святыня. Выдача его навлекла бы на мою душу грѣхъ, на голову позоръ неокупимый; уважьте мою просьбу, уважьте наши обычаи!

— Я скажу тебѣ въ свою очередь: вспомни Русскіе законы, вспомни долгъ свой; ты присягалъ Русскому Государю, а присяга велитъ не жалѣть роднаго, если онъ преступникъ.

— Скорѣе брата выдамъ, чѣмъ гостя, капитанъ! Не ваше дѣло судить, что и какъ обѣщалъ я выполнять: въ моей винѣ мнѣ диванъ (судъ), Аллахъ и Падшахъ!... Пускай въ полѣ бережетъ хана судьба, но за моимъ порогомъ, подъ моею кровлею, я обязанъ быть его защитникомъ — и буду имъ!

— И будешь въ отвѣтѣ за этого измѣнника!

Ханъ безмолвно лежалъ, во время этого спора, гордо пуская дымъ изъ трубки, но при словѣ: измѣнникъ, кровь его вспыхнула; онъ вскочилъ и съ негодованіемъ подбѣжалъ къ капитану.

— Измѣнникъ я, говоришь ты? сказалъ онъ. Скажи лучше, что я не хотѣлъ быть измѣн-

никомъ тѣмъ, кому обязанъ вѣрностію. Русскій Падишахъ далъ мнѣ чинъ, сардаръ ласкалъ меня — и я былъ вѣренъ, покуда отъ меня не потребовали невозможнаго или унизительнаго. И вдругъ захотѣли, чтобъ я впустилъ въ Аварію войска, чтобы позволилъ выстроить тамъ крѣпости— но какого имени достоинъ бы я сталъ, если бъ продалъ кровь и потъ Аварцевъ — братьевъ моихъ! Да если бъ я покусился на это, то неужели думаете вы, что могъ бы это исполнить? Тысячи вольныхъ кинжаловъ и неподкупныхъ пуль устремились бы въ сердце предателя — самыя скалы рухнули бы на голову сына отцепродавца. Я отказался отъ дружбы Русскихъ, но еще не былъ врагомъ ихъ — и что жъ было наградой за мое доброжелательство, за добрые совѣты? Я былъ лично, кровно обиженъ письмомъ одного вашего генерала, когда предостерегалъ его... Ему дорого стоила въ Башлахъ дерзость... рѣку крови пролилъ я за нѣсколько капель брачныхъ черпилъ, и эта рѣка дѣлитъ меня навѣчно съ вами.

— Эта кровь зоветъ месть, вскричалъ капитанъ сердито — и ты не уйдешь отъ нея. разбойникъ!

— А ты отъ меня, возразилъ вспыльчивый ханъ, вонзая кинжалъ въ животъ капитана,

когда тотъ занесъ руку, чтобы схватить его за воротъ.

Тяжело раненный капитанъ, простонавъ, упалъ на коверъ.

— Ты погубилъ меня! произнесъ Аммалатъ, всплеснувъ руками: онъ Русскій и гость мой . . .

— Есть обиды, которыхъ не покрываетъ кровля! возразилъ мрачно ханъ. Кости судьбы выпали; колебаться не время: запирай ворота, скличь своихъ и ударимъ на непріятелей.

— За часъ еще я не имѣлъ ихъ . . . теперь нечѣмъ ихъ отражать . . . У меня нѣтъ въ запасѣ ни пуль, ни пороху; люди въ разбродѣ . . .

— Народъ разбѣжался! въ отчаяніи вскричалъ Сафиръ-Али. Русскіе идутъ въ гору скорымъ шагомъ. Они ужь близко!! . . .

— Если такъ, то поѣзжай со мною, Аммалатъ! молвилъ ханъ. Я ѣхалъ въ Чечню, чтобы поднять ее на линіи... Что будетъ, Богъ вѣсть, но и въ горахъ хлѣбъ есть! . . . Согласенъ ты?

— Ѣдемъ!... рѣшительно сказалъ Аммалатъ... Теперь мнѣ одно спасеніе въ бѣгствѣ... не время теперь ни спорить, ни уморовъ.

— Гей, конь, и шесть нукеровъ за мною!

— И я съ тобой, произнесъ со слезой въ окѣ Сафиръ-Али: съ тобой въ волю и въ неволю.

— Нѣтъ, добрый мой Сафиръ-Али, нѣтъ! Ты останешься здѣсь похозяйничать, чтобы свои и чужіе не растащили всего дома. Спеси отъ меня привѣтъ женѣ и проводи ее къ тестю, шамхалу. Незабудь меня — и до свиданья!

— Едва успѣли они выскакать въ одни ворота, какъ Русскіе вторглись въ другіе.

ГЛАВА II.

Вешній полдень сіялъ надъ высью Кавказа, и громкіе крики муллъ звали жителей Чечни къ молитвѣ. Постепенно возникали они отъ мечети, до незримой за гребнями мечети, и одинокіе звуки ихъ, на мигъ пробуждая отголосокъ утесовъ, затихали въ неподвижномъ воздухѣ.

Мулла Гаджи-Сулейманъ, набожный Турокъ, одинъ изъ ежегодно насылаемыхъ въ горы Стамбульскимъ Диваномъ для распространенія и укрѣпленія православія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ненависти къ Русскимъ, отдыхалъ на кровлѣ мечети, совершивъ обычный призывъ, омовеніе и молитву. Онъ былъ еще недавно при-

нять муллою въ Чеченскомъ селеніи Игали, и потому погруженный въ глубокомысленное созерцаніе своей сѣдой бороды и кружковъ дыма, летящихъ съ его трубки, порою онъ поглядывалъ съ любопытнымъ удовольствіемъ и на горы, и на ущеліе, лежащее къ сѣверу, прямо подъ его глазами. Влѣво возникали стремнины хребта, отдѣляющаго Чечню отъ Аваріи, далѣе сверкали снѣга Кавказа. Сакли, неправильно разбросанныя по обрыву, уступами сходили до полугоры, и только узкія тропинки вели къ этой крѣпости, созданной природою и вынесенной горскими хищниками для обороны воли своей, для охраны добычи. Все было тихо въ селеніи и по горамъ окрестнымъ; на дорогахъ и улицахъ ни души... стада овецъ лежали въ тѣни скалъ, буйволы тѣснились въ грязномъ водоемѣ у ключа, выставляя одни морды изъ болота. Лишь жужжаніе насѣкомыхъ, лишь однозвучная пѣсня кузнечика были голосомъ жизни, среди пустыннаго безмолвія горъ — и Гаджи-Сулейманъ, залегши подъ куполомъ, вполнѣ наслаждался тишью и бездѣйствіемъ природы, столь сходными съ лѣнивою неподвижностію Турецкаго характера. Тихо поводилъ онъ глазами, въ которыхъ погасъ свой огонь и потускнѣлъ свѣтъ солнца, и наконецъ взоры его встрѣти-

ли двухъ всадниковъ, медленно взбирающихся вверхъ по противоположной сторонѣ ущелія.

— Нефтали! закричалъ нашъ мулла, обратившись къ ближней саклѣ, у дверей которой стоялъ осѣдланный конь.

И вотъ стройный Чеченецъ, съ подстриженною бородкою, въ мохнатой шапкѣ, закрывающей полліца, выбѣжалъ на улицу.

— Я вижу двухъ вершниковъ, продолжалъ мулла: они объѣзжаютъ селеніе!

— Вѣрно Жиды, либо Армяне, — отвѣчалъ Нефтали: имъ конечно не хочется нанимать проводника; да они сломятъ себѣ шею на объѣздной тропинкѣ. Тамъ и дикія козы и наши первые удальцы скачутъ, оглядываясь.

— Нѣтъ, братъ Нефтали, я два раза ходилъ въ Мекку* и навидался Армянъ и Жидовъ во всѣхъ сторонахъ... Только эти всадники не тѣмъ глядятъ, чтобы имъ торговать по-Жидовски — развѣ на перекресткѣ мѣнять желѣзо на золото! Съ ними нѣтъ и вьюковъ. Взгляни-ка самъ сверху, твои глаза вѣрнѣе моихъ;

---

* Гаджи — собственно значитъ путешественникъ, но придается въ родѣ титула тѣмъ, кои были въ Меккѣ. Они имѣютъ право носить бѣлую витую чалму; магеды рѣдко однако жъ ее носятъ.

мои отжили и отглядѣли свое. Бывало, за версту я могъ считать пуговицы не кафтанѣ Русскаго солдата, и винтовка моя не знала промаха по невѣрнымъ, а теперь я и даренаго барана вдали не распознаю.

Между тѣмъ Нефтали стоялъ уже подлѣ муллы, и орлинымъ взоромъ своимъ слѣдилъ проѣзжихъ.

— Полдень жарокъ и путь тяжелъ, примолвилъ Сулейманъ: пригласи путниковъ освѣжить себя и копей; можетъ, не знаютъ ли чего новенькаго; да и принимать странника крѣпко на крѣпко заповѣдано курапомъ.

— У насъ въ горахъ и раньше курапа, ни одинъ путникъ не выходилъ изъ деревни голоденъ или грустенъ, никогда не прощался безъ чурека, безъ благословенья и безъ провожатаго въ напутье — только эти люди мнѣ подозрительны: зачѣмъ имъ обѣгать добрыхъ людей, и по околицамъ, съ опасностью жизни, миновать деревню нашу?

— Кажется, они земляки твои, сказалъ Сулейманъ, осѣнивъ глаза рукою, чтобы пристальнѣе вглядѣться. На нихъ Чеченское платье. Можетъ быть, они возвращаются изъ набѣга, куда и твой отецъ помчался съ сотнею другихъ сосѣдовъ; или, можетъ быть, ѣдутъ братья мстить кровью за кровь.

— Нѣтъ, Сулейманъ, это не по нашему. Утерпѣло ли бы сердце горекое не заѣхать къ своимъ, похвалитьея молодечествомъ въ бою съ Русскими — пощеголять добычею! Это и не кровожестники, и не абреки — лица ихъ не закрыты башлыками; впрочемъ одежда обманчива, и кто порука, что это не Русскіе бѣглецы? Недавно изъ Гумбетъ-Аула ушелъ казакъ, убивъ узденя хозяина, у котораго жилъ, и завладѣвъ его конемъ, его оружіемъ... Чортъ силенъ!

— На тѣхъ, у кого слаба вѣра, Нефтали... однако, если я не ошибаюсь, у задняго всадника изъ-подъ шапки вьются волосы!

— Пускай я разсыплюсь прахомъ, если не правда! Это или Русской, или еще и того хуже, шагидъ-Татаринъ*. Постой, пріятель, я расчешу тебѣ твои эпьфэляры (кудри); черезъ полчаса я возвращусь, Сулейманъ, или съ ними, или кто нибудь изъ насъ тройхъ упитаетъ горныхъ беркутовъ.

Нефтали стремглавъ сбѣжалъ съ лѣстницы, накинувъ на плечо ружье, прыгнулъ въ сѣдло и помчался съ горы кубаремъ, не разбирая

---

* Всѣ Горцы плохіе мусульмане; но держатся секты сунни; напротивъ большая часть Дагестанцевъ шагиды, какъ и Персіяне... Объ секты сіи ненавидятъ другъ друга отъ чистаго сердца.

ни рытвинъ, ни камней. Только пыль взвивалась и камни катились слѣдомъ за безстрашнымъ наѣздникомъ.

— Алла акберъ! преважно сказалъ Сулейманъ и закурилъ трубку.

Нефтали скоро догналъ всадниковъ. Усталые кони ихъ, покрытые пѣною, кровили потомъ узкую, стремнистую стезю, по которой взбирались они въ гору. Передній былъ въ кольчугѣ, задній въ Черкесскомъ платьѣ; только Персидская сабля, вмѣсто шашки, висѣла на позументовомъ поясѣ. Лѣвая рука его была окровавлена, перевязана платкомъ и висѣла на темлякѣ. Лицъ обоихъ не могъ онъ видѣть. Долго ѣхалъ онъ сзади по скользкой тропѣ, висящей надъ пропастью, но при первой площадкѣ заскакалъ впередъ и поворотилъ коня навстрѣчу. Селамъ алейкюмъ, сказалъ онъ, преграждая путь на едва пробитую въ скалѣ стезю и выправляя оружіе.

Передовой всадникъ подвилъ бурку на лицо, такъ что лишь одни нахмуренныя брови его остались видимы.

— Алейкюмъ селамъ! отвѣчалъ онъ, взводя курокъ ружья и укрѣпляясь въ стременахъ.

— Дай Богъ добраго пути, молвилъ Нефтали, повторяя обыкновенный привѣтъ встрѣчи, и

между тѣмъ готовясь при первомъ непріязненномъ движеніи застрѣлить незнакомца.

— Дай тебѣ Богъ ума, чтобъ не мѣшать путникамъ! возразилъ нетерпѣливо противникъ. Чего ты хочешь отъ насъ, кунакъ?

— Предлагаю покой и братскую трапезу вамъ, ячмень и стойло конямъ вашимъ. Порогъ мой искони цвѣтетъ гостепріимствомъ: благодаренье путниковъ множитъ стада и закаляетъ оружіе добраго хозяина . . . не кладите же клейма упрека на все наше селеніе, чтобъ не сказали: они видѣли путниковъ въ полдневный жаръ и не освѣжили, не угостили ихъ!

— Благодаримъ за участіе, пріятель. Мы не привыкли на сворѣ ходить въ гости . . . да и быстрота для насъ нужнѣе покоя.

— Вы ѣдете на встрѣчу погибели, не взявши провожатаго.

— Провожатаго! воскликнулъ путникъ. Да я знаю всѣ туриныя стежки на Кавказѣ, не только ваши конные проѣзды. Я бывалъ тамъ, куда не ползали змѣи, не взбирались тигры, не летали орлы ваши. Отстранись, товарищъ . . . на Божьей дорогѣ нѣтъ твоего порога; мнѣ нѣкогда точить съ тобою вздоры.

— Я не уступлю шагу, покуда не узнаю: кто ты и откуда.

— Дерзкій мальчишка! прочь съ дороги... или черезъ мигъ, твоя мать будетъ вымаливать у шакаловъ и вѣтровъ твои раздробленныя кости! Благодари судьбу, Нефтали, что я водилъ хлѣбъ-соль съ отцемъ твоимъ и не разъ о бокъ съ нимъ пускалъ коня въ сѣчу. Недостойный сынъ! Ты бродишь по дорогамъ и готовъ нападать на мирныхъ путниковъ, а тѣло отца твоего тлѣетъ теперь на поляхъ Русскихъ и жены казаковъ продаютъ на станичномъ базарѣ его оружіе!! Нефтали! отецъ твой убитъ вчера за Терекомъ: узнай меня!

— Султанъ Ахметъ-Ханъ! вскричалъ Чеченецъ, пораженный нечаяннымъ, пронзающимъ взоромъ хана и страшною вѣстію; голосъ его замеръ; онъ упалъ на гриву коня въ тоскѣ невыразимой.

— Да, я Султанъ Ахметъ-Ханъ! Но врѣжъ въ память, Нефтали, что если ты скажешь кому нибудь: я видѣлъ Аварскаго хана, месть моя переживетъ поколѣнія!

Странники проѣхали мимо.

Ханъ безмолствовалъ, погруженный, какъ видно, въ непріятныя воспоминанія — Аммалатъ-Бекъ (это былъ онъ) въ черныя думы. У обоихъ платье носило слѣды недавняго боя, усы были опалены вспышками полки, и брызги чужой крови засохли на лицахъ. Но гор-

дый взоръ перваго вызывалъ, казалось, на бой судьбу и природу; мрачная улыбка досады, смѣшанная съ презрѣніемъ, сжимала уста. Напротивъ истома была написана на блѣдномъ лицѣ Аммалата. Онъ едва поводилъ полузакрытыми глазами, и порою стонъ вырывался отъ боли въ раненой рукѣ его: неровный ходъ Татарскаго, непривычнаго къ горнымъ дорогамъ коня, еще болѣе разбережалъ рану. Онъ первый прервалъ молчаніе.

— Почему ты отказался отъ предложенія этихъ добрыхъ людей? Заѣхали бы отдохнуть часочекъ, другой, и по росѣ помчались бы далѣе.

— Ты думаешь, потому что ты чувствуешь какъ юноша, любезный Аммалатъ. Привыкъ ты повелѣвать своими Татарами, какъ рабами, и полагаешь, что такъ же легко обходиться съ вольными горцами! Рука судьбы отяготѣла надъ нами; мы разбиты и прогнаны, сотни храбрыхъ Горцевъ, твои и мои нукеры легли въ битвѣ съ Русскими . . . и показать Чеченцамъ побѣжденное лицо Султанъ Ахметъ-Хана, которое привыкли они видѣть звѣздой побѣды, явиться посреди ихъ бѣглецемъ, быть вѣстникомъ своего позора, принять пищеское угощеніе, можетъ быть слышать укоры за гибель мужей и сыновъ, увлеченныхъ мною въ дера-

кій набѣгъ — значитъ навсегда потерять ихъ довѣріе. Пройдетъ время: слезы высохнутъ, жажда мести замѣнитъ тоску по убитыхъ, и тогда снова увидятъ они Султанъ Ахмета, пророка добычъ и крови; тогда снова раздастся въ этихъ горахъ призывъ къ бою, и снова поведу я летучія толпы мстителей въ Русскія границы. Приди я теперь, и въ пылу огорченія Чеченцы не разсудятъ, что Аллахъ даетъ и отнимаетъ побѣду... Они могутъ, пожалуй, обидѣть меня дерзкимъ словомъ, а мои обиды искупимы, и личная месть можетъ заградить широкую дорогу на Русскихъ. Зачѣмъ же накликать себѣ ссору съ храбрымъ народомъ, и сокрушать идола собственной славы, на который привыкли они глядѣть съ изумленіемъ? Человѣкъ никогда не кажется обыкновеннѣе, какъ въ безсиліи, когда всякій безбоязненно можетъ помѣрять съ нимъ плечо. Притомъ, тебѣ нуженъ искусный лекарь, а нигдѣ не найдешь ты лучшаго, какъ у меня. Завтра мы будемъ дома; потерпи до тѣхъ поръ.

Аммалать-Бекъ съ признательностію приложилъ руку къ сердцу и ко лбу: онъ чувствовалъ вполнѣ справедливость рѣчей хана, но слабость одолѣвала его съ каждымъ часомъ.

Избѣгая селеній, они провели ночь между утесами, питаясь горстью пшена вареная съ

же,дожъ, безъ котораго Горцы рѣдко отправляются въ дорогу. Переправясь черезъ Кой-су, по мосту близъ Аширте, они давно уже оставили за собой сѣверный рукавъ ея, и Анде, и землю Кой-су-Булинцевъ, и голый хребетъ Салатау. Непроторенный путь ихъ лежалъ по лѣсамъ, по крутизнамъ, ужасающимъ взоръ и духъ; и вотъ стали они взбираться на послѣдній хребетъ, раздѣляющій ихъ съ сѣвера отъ Хунзаха или Аваръ — столицы хановъ. Исчезъ и лѣсъ, и кустарникъ на кремнистой пустынѣ горъ, по которой кочуютъ лишь облака и вьюги. Чтобы достичь гребня, принуждены были наши путники ѣхать то вправо, то влѣво реями: такъ стремниста была круть утесовъ. Привычный конь хана осторожно и вѣрно ступалъ съ камня на камень, пыталъ копытомъ, не катятся ли они, и на хвостѣ сползалъ въ обрывы; но гордый, пылкій жеребецъ Аммалата, питомецъ холмовъ Дагестанскихъ, горячился, прядалъ и оступался. Избалованный холею, онъ не могъ выдержать двухдневнаго побѣга на знойѣ солнца и холодѣ вершинъ, по острымъ скаламъ, едва подкрѣпленный скудною травою въ разсѣлинахъ. Тяжело храпѣлъ онъ, взбираясь выше и выше; потъ струею бѣжалъ съ нагрудника; широкія ноздри пышали огнемъ, и пѣ-

на кипѣла на удилахъ. Аллахъ-Берекетъ! воскликнулъ Аммалатъ, достигнувъ до вершины, съ которой открылся ему видъ на Аварію; но въ ту же минуту изнемогшій конь грянулся подъ нимъ на землю, кровь хлынула изъ оскаленнаго рта, и послѣдній вздохъ его порвалъ сѣдельную подпругу.

Ханъ поспѣшилъ помочь беку выбиться изъ стремянъ. Онъ со страхомъ замѣтилъ, что усилія сдвинули перевязку съ раны Аммалатовой, и кровь пробилась снова. Молодой человѣкъ, казалось, былъ нечувствителенъ къ боли: слезы его катились о павшемъ бѣгунѣ . . .

Такъ одна капля не наполнитъ, но переполнитъ чашу.

— Ты ужъ не будешь носить меня, какъ пухъ по вѣтру, говорилъ онъ: ни въ пыльномъ облакѣ на скачкѣ, слыша за собой досадные клики соперниковъ и восклицанія народа, ни въ пламя битвы; уже не вынесешь еще однажды изъ-подъ чугуннаго дождя Русскихъ пушекъ. Съ тобой добылъ я славу наѣздника: зачѣмъ же мнѣ переживать и се и тебя!

Онъ склонилъ лице въ колѣна и долго безмолвствовалъ, между тѣмъ какъ ханъ заботливо перевязывалъ раненую его руку. Наконецъ Аммалатъ поднялъ голову.

— Оставь меня, Султанъ-Ахметъ-Ханъ, сказалъ онъ рѣшительно: оставь несчастливца собственной участи. Путь далекъ, а я изнемогаю. Оставшись со мной, ты дорожъ погибнешь. Взгляни, какъ вьется надъ нами орелъ: онъ чуетъ, что мое сердце скоро замретъ въ когтяхъ его . . . и слава Богу! Лучше найти воздушный гробъ въ хищной птицѣ, чѣмъ отдать свой прахъ подъ ногу христіанина. Прощай, не медли.

— Не стыдно ли тебѣ, Аммалатъ, падать, запнувшись за соломенку! . . . Велика бѣда, что ты раненъ, что конь твой палъ! Рана заживетъ до свадьбы, коня найдемъ лучше прежняго, и впереди у Аллаха не одинъ бѣды приготовлены. Въ цвѣтѣ лѣтъ и въ мужествѣ ума грѣшно отчаяваться. Садись на моего коня: я поведу его подъ устцы, и къ ночи мы дома. Время дорого!

— Для меня ужъ нѣтъ времени, Султанъ-Ахметъ-Ханъ . . . Благодарю отъ сердца за твою братскую заботливость; но я не пользуюсь ею . . . тебѣ самому не вынести пѣшеходнаго пути послѣ такой усталости. Повторяю: оставь меня на произволъ судьбы. Здѣсь, на неприступныхъ высотахъ, умру я воленъ и доволенъ . . . Да и чѣмъ можетъ манить меня жизнь! Родители мои лежатъ въ

землѣ, жена лишилась зрѣнія, дядя и тесть шамхалъ ползаютъ въ Таркахъ передъ Русскими . . . въ родинѣ, въ наслѣдіи моемъ пируютъ гауры, и теперь самъ я изгнанникъ изъ дому, бѣглецъ изъ боя. Я не хочу и не долженъ жить!

— Не долженъ бы говорить такого вздора, любезный Аммалатъ, и одна только лихорадка извиняетъ тебя. Мы созданы для того, чтобъ жить долѣе отцевъ нашихъ; женъ ты можешь найти еще три, если одна не наскучила; если нелюбъ тебѣ шамхалъ, а любо твое кровное наслѣдство, такъ для этого самого и надо тебѣ жить: потому что для мертвеца не нужна власть и не возможна побѣда. Мстить Русскимъ святой долгъ: оживи хоть для него; а что мы разбиты, это не новость для воина; сегодня выпадаетъ удача имъ, завтра выпадетъ намъ. Аллахъ даетъ счастье, но человѣкъ создаетъ себѣ славу не счастьемъ, а твердостью . . . Ободрись, другъ Аммалатъ . . . Ты раненъ и слабъ, я крѣпокъ привычкою и не утомленъ бѣгомъ; садись на коня, и мы еще побьемъ не разъ Русскихъ.

Лице Аммалата вспыхнуло . . .

— Да, я буду жить для мести имъ! вскричалъ онъ: для мести тайной и явной. Вѣрь, Султанъ-Ахметъ-Ханъ, лишь для этого я при-

нимаю твое великодушіе! . . . Отнынѣ я твой . . . клянусь гробомъ отца: я твой! руководи моими шагами, направляй удары моей руки, и если я, потонувъ въ нѣгѣ, забуду клятву свою, напомни мнѣ эту минуту, эту вершину: Аммалатъ-Бекъ пробудится, и кинжалъ его будетъ молнія!

Ханъ обнялъ, поднимая на сѣдло воспламененнаго юношу . . .

— Теперь я узнаю въ тебѣ чистую кровь эмировъ, сказалъ онъ: кровь пламенную дѣтей ихъ, которая, какъ сѣра, течетъ въ жилахъ нашихъ и въ нѣдрѣ утесовъ, и порой вспыхивая, потрясаетъ и рушитъ громады.

Поддерживая одною рукою въ сѣдлѣ раненаго, ханъ осторожно сталъ спускаться съ обнаженнаго черепа. Случалось, камни съ шумомъ катились изъ-подъ ногъ, или конь скользилъ внизъ по гладкому граниту, а потому они очень рады были, добравшись до мшистой полосы. Мало по малу, кудрявыя растенія разстилать начали свою зеленую пелену, то вѣя изъ трещинъ опахалами, то спускаясь съ крутинъ длинными плетеницами наподобіе лентъ и флаговъ. Наконецъ они въѣхали въ густой лѣсъ орѣшниковъ, потомъ дуба, черешни, и еще ниже чинара и чинара. Разнообразіе, богатство растеній, и величавое без-

молвіе сѣнистыхъ дубравъ вселяло какое-то невольное благоговѣніе къ дикой силѣ природы. Порой изъ ночнаго мрака вѣтвей, какъ утро, разсвѣтала поляна, украшенная благоуханнымъ ковромъ цвѣтовъ, нетронутыхъ стопою человѣка. Тропинка то скрывалась въ чащѣ, то выходила на край утеса, и подъ нимъ въ глубинѣ шумѣлъ и сверкалъ ручей, то пѣнясь между каменьями, то дремля на каменномъ днѣ водоема, подъ тѣнью барбариса и шиповника. Фазаны, сверкая радужными хвостами, перелетывали въ кустарникахъ; стада дикихъ голубей вились надъ скалами, то стѣной, то столбомъ, восходящими къ небу, и закатъ разливалъ на нихъ воздушный пурпуръ свой, и тонкіе туманы тихо подымались въ ущеліяхъ: все дышало вечернею прохладою, незнакомою жильцамъ полей. Уже путники наши были близки къ селенію Акохъ, лежащему за небольшой горой отъ Хунзаха. Невысокій гребень раздѣлялъ ихъ съ этимъ селеніемъ, когда ружейный выстрѣлъ раздался въ горахъ, и какъ зловѣщій знакъ повторился отголоскомъ утесовъ. Путники остановились въ недоумѣніи: перекаты постепенно затихли.

— Это наши охотники, сказалъ Султанъ-Ахметъ-Ханъ, отирая потъ съ лица. Они не ждутъ меня и не чаютъ встрѣтить въ такомъ

положеніи. Много радостныхъ, много и горестныхъ слезъ принесу я въ Хунзахъ!

Непритворная горесть изобразилась на грозномъ лицѣ Ахметъ-Хана: всѣ нѣжныя и всѣ злобныя чувства такъ легко играютъ душой Азіятца.

Другой выстрѣлъ однако жъ развлекъ его вниманіе . . . ударъ и ударъ еще . . . выстрѣлы отвѣчали выстрѣламъ, и наконецъ слились въ жаркую перепалку.

— Тамъ Русскіе! вскричалъ Аммалатъ, выхватывая изъ ноженъ саблю.

Онъ сжалъ каблуками коня, какъ будто одинъ прыжокъ хотѣлъ перепрыгнуть за гребень, но мгновенныя силы его оставили, и клинокъ, звуча, покатился изъ опавшей руки.

— Ханъ, сказалъ онъ, ступая на землю: спѣши на помощь своимъ землякамъ: твое лице будетъ для нихъ дороже сотни воиновъ.

Ханъ не слышалъ словъ его: онъ прислушивался къ полету пуль, какъ будто желая различить Русскія отъ Аварскихъ.

— Ужели съ легкостію коз, заняли они и крылья у орловъ Кясбека! И откуда могли они пройти на наши неприступныя твердыни? говорилъ онъ, весь склонясь надъ сѣдломъ, со вложенною въ стремя ногою. Прощай, Аммалатъ! вскричалъ онъ наконецъ, послы-

шавъ, какъ загорѣлась сильная пальба. Я ѣду погибнуть на развалинахъ, разразясь какъ перунъ ударомъ!

Въ это время пуля, жужжа, упала къ ногамъ его; онъ наклонился, поднялъ ее, и лице его просіяло улыбкою. Спокойно онъ вынулъ ногу изъ стремени и обратился къ Аммалату.

— Садись верхомъ, сказалъ онъ ему: скоро ты своими глазами разгадаешь эту загадку . . . У Русскихъ свинцовыя пули, а эта мѣдная, Аварская *, моя милая землячка. Притомъ же она прилетѣла съ южной стороны, откуда никакъ не могутъ прійти Русскіе.

Они взъѣхали на вершину гребня, и взорамъ ихъ открылись двѣ двери, лежащія на двухъ противоположныхъ краяхъ глубокой рытвины: и изъ нихъ-то производилась перестрѣлка. Жители, залегши за камнями, за оградами, палили другъ въ друга. Между ними безпрестанно бѣгали женщины, съ воплемъ и плачемъ, когда какой нибудь удалецъ, приблизясь къ самому краю пропасти, падалъ раненый. Онѣ носили каменья, и заботливо и безстрашно подъ свистомъ пуль, складывали передъ нимъ родъ щита. Радостные крики

* Не имѣя собственнаго свинца, Аварцы большею частію стрѣляютъ мѣдными пулями, ибо у нихъ есть мѣдныя руды.

раздавались на той или на другой сторонѣ, когда видѣли, что выносятъ изъ дѣла раненаго противника. Печальные стоны оглашали воздухъ, когда падалъ кто нибудь изъ родныхъ или товарищей. Аммалатъ долго и съ удивленіемъ смотрѣлъ на битву эту, въ которой было болѣе грому, чѣмъ вреда. Наконецъ онъ обратилъ вопрошающій взоръ къ хану.

— У насъ это обыкновенная вещь, отвѣчалъ тотъ, любуясь каждымъ удачнымъ выстрѣломъ. Такія стычки поддерживаютъ между нами воинственный духъ и боевой навыкъ. У васъ частныя ссоры кончаются нѣсколькими ударами кинжала: у насъ онѣ становятся общимъ дѣломъ цѣлыхъ селеній, и самая бездѣлица можетъ дать къ тому поводъ. Я чай, и теперь дерутся за какую нибудь украденную корову, которой не хотѣли отдать. У насъ не стыдно воровать въ чужомъ селеніи: стыдно только быть уличену въ томъ. Полюбуйся на смѣлость нашихъ женщинъ: пули какъ мухи жужжатъ, а имъ горя мало! Достойныя матери и жены богатырей! . . . Конечно въ великій стыдъ вмѣнится тому, кто ранитъ женщину: да вѣдь за пулю нельзя поручиться. Острый глазъ направляетъ ее, но слѣпая судьба несетъ въ цѣль. Однако темно-

та льется съ неба и разлучаетъ минутныхъ враговъ. Поспѣшимъ къ роднымъ моимъ.

Одна привычка хана могла спасти нашихъ путниковъ отъ частыхъ паденій, по крутому спуску къ рѣкѣ Узени. Аммалатъ почти ничего не видалъ передъ собою: двойная завѣса ночи и слабости задергивала его очи; голова его кружилась; будто сквозь сонъ взглянулъ онъ, поднявшись снова на высоту, на ворота дома ханскаго, на сторожевую башню. Невѣрной ногой ступилъ онъ на землю середи двора, середи восклицаній пукеровъ и челядинцевъ, и едва перешагнулъ за рѣшетчатый порогъ гарама, духъ его занялся, смертная блѣдность бросила снѣгъ свой на лице раненаго, и юный бекъ, истощенный кровью, утомленный путемъ, голодомъ и душевною тоскою — безъ чувствъ упалъ на узорные ковры.

ГЛАВА III.

Аммалатъ пришелъ въ память на зарѣ.

Медленно, по одиначкѣ сходились въ умъ его мысли, и тѣ мелькали будто въ туманѣ отъ чрезвычайнаго разслабленія. Онъ вовсе не ощущалъ боли въ тѣлѣ своемъ, и это состояніе было даже пріятно ему: оно отнимало у жизни горе, у смерти ужасъ, и въ эту пору онъ услышалъ бы вѣсть о выздоровленіи такъ же безпечно, какъ вѣсть о неизбѣжной кончинѣ. Ему не хотѣлось молвить слова, пошевелить пальцемъ. Это полуусыпленіе было однако жъ непродложительно. Въ самый полдень, послѣ посѣщенія лекаря, когда прислужники разошлись исполнять обряды полуденной мо-

литвы, когда стихъ усыпляющій говоръ ихъ, и только крикъ муллы раздавался вдали, Амалатъ послышалъ тихіе, осторожные шаги по коврамъ спальни. Онъ приподнялъ тяжелыя вѣки, и сквозь сѣть рѣсницъ показалось ему, что прелестная черноокая дѣвушка, въ оранжевой сорочкѣ, въ глазетовомъ архалухѣ, съ двумя рядами эмалевыхъ пуговокъ, съ длинными косами, распущенными по плечамъ, тихо приблизилась къ его ложу, и такъ заботливо обвѣяла его чело, такъ сострадательно взглянула на рану, что въ немъ затрепетали всѣ жилки. Потомъ осторожно налила она лекарства въ чашечку и . . . больше не могъ онъ разсмотрѣть . . . вѣки его опали, какъ свинецъ . . . онъ только ловилъ слухомъ шелестъ ея шелковаго платья, будто шумъ крыльевъ улетающаго ангела, и снова все стихло; и каждый разъ потомъ, когда нетвердый еще разумъ его хотѣлъ разгадать ея появленіе, оно сливалось съ пеясными грезами горячки, такъ что первымъ вздохомъ, первымъ словомъ его, когда онъ очнулся, было: это сонъ!

Но это не былъ сонъ.

Прелестная эта дѣвушка была шестнадцатилѣтняя дочь Султанъ-Ахмета-Хана. У всѣхъ Горцевъ, вообще, незамужнія пользуются боль-

шою свободою обращенія съ мужчинами, не смотря на законъ Магомета. Тѣмъ болѣе независима была любимая дочь хана. Подлѣ ней только отдыхалъ онъ отъ заботъ и досадъ; подлѣ ней только лицо его находило улыбку, а сердце шутки. Въ кругу ли Аварскихъ старшинъ и уздеей разсуждалъ онъ о дѣлахъ горской политики, или давалъ судъ правымъ и виноватымъ, между домашними ли слушалъ разсказы о прежнихъ удальствахъ, или замышлялъ новые набѣги, она прилетала какъ ласточка и приносила ему весну душевную. Счастье было того виноватаго, на чье осужденіе являлась хана при отцѣ. Замахнутый кинжалъ останавлялся на воздухѣ, и часто, взглянувъ на нее, ханъ отлагалъ кровавые замыслы, чтобы не разлучаться съ милою дочерью. Все было ей позволено, все доступно. Запретить ей что-либо не подумалъ бы Ахметъ Ханъ ни для какихъ пересудовъ; а подозрѣніе въ чемъ нибудь, недостойномъ ея пола или ея сана, было также далеко отъ его мыслей, какъ отъ ея сердца. Да и кто могъ ей внушить нѣжныя чувства изъ окружающихъ хана? Склонить свои мысли, унизить свои чувства до человѣка, низшаго ея родомъ, было бы неслыханнымъ позоромъ для дочери послѣдняго узденя; тѣмъ выше ханская дочь

— отъ самой колыбели напитывалась гордынею предковъ, и она, какъ ледяное забрало, отдѣляла сердце ея отъ всего видимаго общества. Доселѣ ни одинъ гость не былъ равенъ съ нею родомъ; но крайней мѣрѣ ни про одного не спросило о томъ сердце. Вѣроятно, что и безпечный, безстрастный возрастъ ея былъ тому виною, можетъ быть, но теперь часъ любви пробилъ, и сердце встрепенулось въ груди неопытной красавицы. Она спѣшила заключить въ объятія отца, и со страхомъ увидала прекраснаго юношу, падающаго какъ мертвецъ къ ногамъ ея . . . Первое ея чувство былъ ужасъ; но когда отецъ разсказалъ, какъ и почему Аммалатъ гость его, когда сельскій лекарь объявилъ, что рана неопасна, нѣжное соучастіе къ раненому проникло все ея существо. Цѣлую ночь на пролетъ мечталася ей окровавленный гость, и она встрѣтила зарю впервые не такъ румяная, какъ заря; въ первый разъ прибѣгла она къ хитрости, чтобы взглянуть на пріѣзжаго, вошла въ комнату его, чтобы поздороваться съ отцемъ . . . и потомъ вкралась туда въ полдень. Непостижимое, неодолимое любопытство влекло ее посмотрѣть на глаза Аммалата. Никогда въ дѣтствѣ не желала она такъ сильно игрушки, никогда въ настоящемъ возрастѣ не манило ее

такъ неодолимо новое, богатое платье или блестящее украшеніе, какъ страстно хотѣлось ей встрѣтить глаза гостя; и наконецъ, ввечеру, она встрѣтила томный, но выразительный, безпламенный, но свѣтлый взоръ его. Она не могла отвесть очей отъ черныхъ очей Аммалата, прилѣпленныхъ къ ней. Казалось, они говорили: не скрывайся, звѣзда души моей! поглощали исцѣленіе и отраду изъ ея взоровъ. Она не знала, что съ нею дѣлается, не чувствовала, на землѣ ли была она, или въ воздухѣ носилась; летучія краски смѣнялись на лицѣ ея. Наконецъ она рѣшилась, дрожащимъ голосомъ, спросить его о здоровьѣ . . .

Надо быть Татариномъ, который считаетъ за грѣхъ и обиду сказать слово чужой женщинѣ, который ничего женскаго не видитъ, кромѣ покрывала и бровей, чтобы вообразить, какъ глубоко возмущенъ былъ пылкій бекъ взоромъ и словомъ прелестной дѣвушки, столь близко и столь нѣжно на него брошеннымъ. Сладкій огонь пробѣжалъ по сердцу его, не смотря на слабость.

— О, мнѣ очень хорошо теперь, отвѣчалъ онъ, стараясь приподняться: такъ хорошо, что я бы готовъ былъ умереть, Селтанета.

— Алла сахла-сынъ (Богъ да сохранитъ тебя), возразила она. Живи, живи долго!... Неужели не жаль тебѣ жизни?

— Въ сладкія минуты сладка и смерть, Селтанета! А если бъ я прожилъ еще сто лѣтъ, краше настоящей не нашелъ бы!

Селтанета не поняла словъ гостя, но она поняла взоръ его, поняла выраженіе его голоса. Она закраснѣлась еще болѣе, и сдѣлавъ рукою знакъ, чтобы онъ успокоился, упорхнула изъ комнаты.

Между Горцами есть весьма искусные лекаря, особенно для всѣхъ переломовъ и ранъ; но Аммалата исцѣляло лучше всѣхъ травъ и пластырей присутствіе милой Горянки. Съ пріятною надеждою засыпалъ онъ, увѣренный, что увидитъ ее во снѣ и радостенъ просыпался, зная, что на яву съ нею встрѣтится. Силы его возвращались быстро и съ силами росла привязанность къ Селтанетѣ. Аммалатъ былъ женатъ, но, какъ водится на Востокѣ, для однихъ расчетовъ. Онъ никогда не видалъ до свадьбы невѣсты своей, и послѣ ничего не нашелъ въ ней привлекательнаго, ничего такого, что бы могло пробудить его спящее сердце. Въ послѣдствіи жена его ослѣпла, и это обстоятельство еще болѣе охла-

дило связь, основанную на Азіятской чувственности. Семейная непріязнь къ тестю и дядѣ шамхалу еще болѣе раздѣляла молодыхъ супруговъ, до того, что они очень рѣдко бывали вмѣстѣ. Мудрено ли жъ послѣ этого, что юноша, пылкій по природѣ, сверхъ-страстный по привычкѣ, загорѣлся новою для него любовью! Быть съ нею было для него самымъ высокимъ счастьемъ, ждать ея появленія приятнѣйшимъ занятіемъ. Бывало, онъ вздрогнетъ, чуть послышится ея голосъ; каждый звукъ, будто лучь солнца, проникалъ въ душу, и ощущеніе это походило на боль, но боль такъ восхитительную, что онъ желалъ бы на вѣки продлить ее. Мало по малу знакомство между молодыми людьми скрѣпилось въ дружбу . . . Они почти безпрестанно бывали вмѣстѣ. Ханъ часто уѣзжалъ внутрь Аваріи по дѣламъ хозяйства, по расправамъ, по военнымъ распоряженіямъ, оставляя гостя на попеченіе жены своей, тихой, молчаливой женщины. Онъ очень видѣлъ склонность Аммалата къ дочери своей, и втайнѣ тому радовался; это оживляло его честолюбивые и воинственные виды: родство съ бекомъ, имѣющимъ право на шамхальство, предавало ему въ руки тысячу поводовъ и средствъ вредить Русскимъ. Ханша, занимаясь урядомъ домаш-

нимъ, оставляла нерѣдко по цѣлымъ часамъ Аммалата въ покояхъ своихъ, какъ родпаго, и Селтанета, съ двумя или тремя своими приближенными дѣвушками, сидя на подушкѣ за рукодѣльемъ, не видѣла, какъ летитъ время, то разговаривая съ гостемъ, то внимая его разсказамъ. Бывало и то, что долго, долго сиживалъ Аммалатъ, склонясь у ногъ своей Селтанеты, не вымолвивъ слова, то глядясь въ черные, поглощающіе глаза ея, то любуясь съ ней горными видами изъ окна ея, обращеннаго къ сѣверу, и крутыми берегами и крутыми изворотами гремучей Ѵзени, надъ которою виситъ замокъ ханскій. Подлѣ этого, дѣтски невиннаго существа, забывалъ Аммалатъ желанія, которыхъ она еще не знала, и тая въ неизвѣстномъ, непонятномъ для него наслажденіи, онъ не думалъ ни о прошедшемъ, ни о будущемъ; онъ не думалъ ни о чемъ, онъ только могъ чувствовать, и безъ-заботно, не отнимая отъ чаши устъ, пилъ блаженство капля по капль.

Такъ протекло лѣто.

Аварцы народъ свободный. Они не знаютъ и не терпятъ надъ собой никакой власти. Каждый Аварецъ называетъ себя узденемъ, и если имѣетъ есыря (плѣннаго), то считаетъ

себя важнымъ баріномъ. Бѣдны, слѣдственно и храбры до чрезвычайности; мѣткіе стрѣлки изъ винтовокъ, славно дѣйствуютъ пѣшкомъ; верхомъ отправляются только въ набѣги, и то весьма немногіе. Лошади ихъ мелки, но крѣпки невѣроятно; языкъ дробится на множество нарѣчій, но въ основѣ Лезгинскій, ибо и сами Аварцы племени Лезгинскаго. Помнятъ Христіанскую Вѣру, ибо не болѣе 120 лѣтъ поклонились Магомету, но до сихъ поръ плохіе магометане: пьютъ водку, пьютъ бузу, нерѣдко виноградное вино, но всего чаще вино вареное, называемое у нихъ джапа. Вѣрность Аварскаго слова въ горахъ обратилась въ пословицу. Дома тихи, гостепріимны, радушны, не прячутъ ни женъ, ни дочерей: за гостя готовы умереть и мстить до конца поколѣній. Месть для нихъ — святыня; разбой — слава. Впрочемъ, нерѣдко принуждены бываютъ къ тому необходимостію. Выходя по вершинѣ Аталы и Тхезерукъ, чрезъ хребетъ Турпи-тау въ Кахетію, за рѣку Алазань, для сельскихъ работъ, изъ очень скудной платы, они нерѣдко остаются дня по два и по три безъ дѣла, и потомъ, уговорившись, какъ голодные волки бросаются ночью на ближнія селенія, и если удастся, угоняютъ стада, похищаютъ женщинъ, захватываютъ плѣнниковъ, но все-

го чаще слагаютъ свои буйныя головы въ неровномъ бою. Въ Русскія границы владенія ихъ затихли съ тѣхъ поръ, какъ укротили Акушинцевъ, и Асланъ-Ханъ Кумыкскій стережетъ черезъ его владѣніе лежащій выходъ изъ Аваріи. Но селеніе Хунзахъ, или Аваръ, лежащее на восточномъ краю Аваріи, искони составляетъ наслѣдіе хановъ, и власть ихъ тамъ законъ. Впрочемъ, имѣя право велѣть своимъ пукерамъ изрубить кинжалами любаго жителя Хунзаха, даже любаго проѣзжаго, ханъ не смѣетъ наложить никакой подати, никакой пошлины на народъ, и долженъ довольствоваться доходами со стадъ и съ полей своихъ, обработываемыхъ каравашами (рабами) и есырями (плѣнниками). Не бравши однако жъ прямыхъ налоговъ, ханы не отказываются отъ требованія повинностей, освященныхъ болѣе силою, чѣмъ обычаемъ. Взять во дворъ мальчика или дѣвку, нарядить подводы на волахъ или буйволахъ для собственной перевозки или работы, послать гонца и т. п. суть вещи ежедневныя. Жители Хунзаха живутъ однако же богаче всѣхъ своихъ одноземцевъ; домы ихъ чисты и почти всѣ въ два яруса; мужчины стройны, женщины красивы, тѣмъ болѣе, что между ними множество Грузинокъ, захваченныхъ въ плѣнъ. Въ Аваріи много занимаются

Арабскимъ языкомъ, и потому слогъ людей грамотныхъ очень цвѣтенъ. Гаремъ ханскій всегда полонъ гостями и нерѣдко просителями, которые, по Азіятскому обычаю, не смѣютъ показать глазъ безъ *пежкеша* (подарка), хотя бы то былъ пятокъ яицъ. Нукеры ханскіе, на числѣ и отважности коихъ опирается власть его, съ утра до вечера толкаются во дворахъ и въ комнатахъ хана, всегда съ заряженными пистолетами за поясомъ и съ кинжаломъ на брюхѣ*. Любимые уздени и пріѣзжіе гости изъ Чеченцевъ или изъ Татаръ, обыкновенно каждый день являлись по утру на поклонъ къ хану, откуда всей гурьбой отправлялись къ ханшѣ, и не рѣдко цѣлый день оставались пировать въ особыхъ комнатахъ, угощаемые и въ отсутствіе хана изобильно.

Однажды приходитъ въ бесѣду уздень Аварскій, и за новость разсказываетъ, что не вдалекѣ появился огромный тигръ, и что двое отличнѣйшихъ стрѣлковъ легли жертвою его лютости. Это такъ напугало нашихъ охотниковъ, что никто не рѣшается въ третій разъ отвѣдать удачи.

— Я отвѣдаю счастья! вскричалъ Аммалатъ, горя нетерпѣніемъ *выказать удальство* свое

---

* Азіятцы носятъ кинжалъ не на боку, а впереди.

передъ Горцами. Пусть только наведутъ меня на слѣдъ звѣря.

Широкоплечій Аварецъ измѣрилъ взоромъ, съ ногъ до головы, дерзостнаго бека, и улыбнувшись молвилъ:

— Тигръ не чета Дагестанскому кабану, Аммалатъ! Его слѣдъ нерѣдко ведетъ къ смерти!

— Неужели ты думаешь, возразилъ тотъ гордо: что на этой скользкой дорожкѣ у меня закружится голова, или дрогнетъ рука? Не зову тебя помогать, зову посмотрѣть моего боя съ тигромъ. Я надѣюсь, ты повѣришь тогда, что если сердце Аварца твердо, какъ гранитъ его горъ, то сердце Дагестанца закалено, какъ славный булатъ ихъ. Согласенъ?

Аварецъ былъ пойманъ.

Отказаться было бы постыдно, и онъ протянулъ руку, развеселилъ лице . . .

— Охотно иду съ тобою, отвѣчалъ онъ. Отлагать нечего . . . совершимъ клятву въ мечети, и въ путь и въ бой неразлучно! Алахъ судитъ: намъ ли взять его кожу на чапракъ, или ему скушать насъ.

Не въ Азіятскомъ нравѣ, еще менѣе въ Азіятскомъ обычаѣ, прощаться съ женщинами, отправляясь даже на долго, навсегда. Это принадлежитъ однимъ роднымъ, и развѣ случаемъ

выпадаетъ гостю. Аммалатъ-бекъ со вздохомъ однако жъ взглянулъ на окна Селтанеты, и тихими шагами пошелъ къ мечети. Тамъ уже ожидали его старшины селенія и толпа любопытной молодежи.

По старинному Аварскому обыкновенію, ловцы должны были поклясться на Куранѣ, что не выдадутъ другъ друга ни въ битвѣ со звѣремъ, ни въ преслѣдованіи; не покинутъ раненаго, если судьба допуститъ, что звѣрь сломаетъ его; будутъ защищать другъ друга, лягутъ рядомъ, не щадя жизни, а во всякомъ случаѣ безъ шкуры звѣря не воротятся назадъ; или тотъ, кто преступитъ завѣтъ сей, да будетъ сброшенъ со скалы, какъ трусъ, какъ измѣнникъ! Товарищи послѣ присяги обнялись; мулла надѣлъ на нихъ оружіе, и они отправились въ путь при громкихъ кликахъ всей толпы.

— Или оба, или ни одного! кричали имъ вслѣдъ.

— Убьемъ, или умремъ! отвѣчали охотники.

Минулъ день.

Укатилъ другой за хребты ледяные. Старики притомили глаза, глядя съ кровель на дорогу. Мальчики далеко выбѣгали на окрестные холмы, чтобы встрѣтить охотниковъ: нѣтъ ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Въ цѣломъ Хунзахѣ, едва ль не у каждаго очага, кто отъ бездѣлья, кто

отъ участія, толковали объ этомъ, но всѣхъ болѣе горевала Селтанета. Крикнутъ ли на дворѣ, зашумитъ ли кто на лѣстницѣ, вся кровь у нея вспыхнетъ, какъ на огнѣ жожженельникъ, и сердце запрыгаетъ отъ ожиданія; вскочитъ, бывало, бѣдняжка и побѣжитъ къ окну или дверямъ, и, въ двадцатый разъ обманутая, потупитъ очи, тихо пойдетъ за рукодѣлье, которое вѣрные показалось ей скучно и безконечно. Наконецъ, за сомнѣніемъ, и страхъ наложилъ свою ледяную руку на сердце красавицы. Она спрашивала у отца, у братьевъ, у гостей, какова звѣрь тигръ на рану? далеко ли, близко ли ходитъ онъ къ селеніямъ? И всякій разъ расчитавъ время, она, сплеснувъ руками, говорила сама себѣ: они погибли! и тихо клонила голову къ неровно-волнуемой груди, и крупныя слезы катились по ея прелестному лицу.

На третій день оказалось, что опасенія всѣхъ не были напрасны.

Уздень, товарищъ Аммалата въ ловитвѣ, насилу приплелся одинъ до Хунзаха. Кафтанъ его былъ изодранъ когтями звѣриными, самъ онъ блѣденъ, какъ смерть, и въ изнеможеніи отъ голода и устали. Съ изумленіемъ, съ любопытствомъ обстали его и старъ и малъ, и

вотъ что разсказывалъ онъ, подкрѣпивъ себя чашкою молока и кускомъ чурека:

— Въ тотъ же день, какъ вышли отсюда, выслѣдили мы тигра. Мы нашли его спящимъ между такимъ калинникомъ и чащею, что Аллахъ упаси! По жеребью первому досталось стрѣлять мнѣ: я подкрался и намѣтилъ очень ловко; стрѣльнулъ... анъ на бѣду звѣрь спалъ, закрывъ морду лапою, и пуля пробивъ ее, угодила въ шею. Пробужденъ громомъ и болью, тигръ взревѣлъ, и въ два прыжка прямо ринулся на меня, такъ что я не успѣлъ выхватить и кинжала: съ размаху онъ сбилъ меня съ ногъ, смялъ задними ногами, и только помню я, что въ мигъ этого промежутка раздался крикъ и выстрѣлъ Аммалата, и за тѣмъ оглушающее, ужасное рыканіе. Раздавленный, я потерялъ память и дыханіе и долго ли я лежалъ въ обморокѣ, не вѣдаю.

— Когда открылъ я глаза, все было тихо кругомъ меня; мелкій дождь сѣялся изъ густаго тумана... былъ ли то вечеръ, было ли то утро? — Мое ружье подернутое ржавчиною, лежало подлѣ; ружье Аммалата, переломленное по поламъ, не вдалекѣ; тамъ и сямъ обрызганы были камни кровью... только чьею кровью? Тигровой ли! Аммалатовой ли! какъ дознаться? Выломленные кустарники лежали

кругомъ: вѣрно звѣрь выторгнулъ ихъ упорными прыжками. Я кликалъ, сколько было голосу, товарища: нѣтъ отвѣта. Посижу, посижу, да еще покличу; напрасно! Ни звѣря, ни птицы перелетной. Много разъ пытался я итти, искать по слѣду Аммалата, или найти его, или умереть на его тѣлѣ... хоть бы отмстить звѣрю за смерть удалаго: силы нѣтъ! Взяло меня горе; я всплакался горько: зачѣмъ погибаю и тѣломъ и доброю славою! Рѣшился было ждать смертнаго часа въ пустынѣ, только голодъ одолѣлъ меня. Дай, подумалъ я, повѣщу въ Хунзахѣ, что Аммалатъ пропалъ, безъ вѣсти, и хоть умру между своими. Вотъ я и приползъ сюда, какъ раздавленный змѣй. Братья! голова моя предъ вами: судите, какъ положитъ Аллахъ на сердце. Приговорите ли мнѣ жить: буду жить, поминаючи вашу правду; приговорите умереть: и то воля ваша! умру невиненъ. Аллахъ свидѣтель; я сдѣлалъ, что могъ!

Ропотъ разсыпался по народу, когда выслушали пришельца. Одни правили, другіе винили его, хотя и всѣ жалѣли.

— Всякой себя охраняетъ, говорили нѣкоторые изъ обвинителей. Кто порука, что онъ не бѣжалъ съ поля? На немъ нѣтъ раны, нѣтъ и свидѣтельства... а что онъ выдалъ товари-

ща, это почти безъ сомнѣнія! — Не только выдалъ, можетъ быть и нарочно предалъ, — толковали другіе: они не ладно между собою говаривали!

Ханскіе нукеры пошли еще далѣе: они подозрѣвали, что уздень убилъ Аммалата изъ ревности. Онъ слишкомъ умильно поглядывалъ на дочь ханскую, а ханская дочь не сму чету нашла въ Аммалатѣ.

Султанъ-Ахметъ-Ханъ, свѣдавъ, для чего собрался народъ на улицѣ, прискакалъ и самъ на сходку.

— Трусъ! сказалъ онъ вмѣстѣ съ гнѣвомъ и огорченіемъ уздею. Ты пустилъ позоръ на имя Аварское . . . Теперь можетъ всякій Татаринъ укорить насъ, что мы звѣрями скормили гостя, не умѣя защитить его! Но крайней мѣрѣ мы съумѣемъ за него отмстить! ты клялся на Куранѣ по старинѣ Аварской, не покидать въ бѣдѣ товарища, и если онъ падетъ, не ворочаться домой безъ шкуры звѣря . . . ты измѣнилъ клятвѣ . . . но мы не переступимъ завѣта: гибни! гибни! Даю три дня сроку душѣ твоей: но потомъ, если Аммалатъ не найдется, тебя сброситъ съ утеса! Вы головами отвѣчаете мнѣ за его голову! прикомандовалъ онъ, обращаясь къ своимъ нуке-

рахъ; надвинулъ шапку на брови и поворотилъ къ своему дому коня.

Тридцать Горцевъ помчались изъ Хунзаха во всѣ стороны, провѣдывать хоть объ остаткахъ Бунпакскаго бека. У Горцевъ священною обязанностію считается, съ честью похоронить своего родственника или товарища, и они часто, какъ Омировскіе герои, кидаются въ пылъ битвы, чтобы выхватить изъ рукъ Русскихъ убитаго собрата, и порой десятками падаютъ на тѣло, котораго не хотятъ выдать.

Несчастнаго узденя повлекли на конюшню ханскую — мѣсто, замѣняющее обыкновенно тюрьму. Народъ, разсуждая о происшедшемъ, угрюмъ, но безропотенъ разошелся по домамъ, ибо приговоръ ханскій былъ согласенъ съ правдою ихъ обычаевъ.

Печальная вѣсть скоро проникла до Селтаниты, и какъ ни желали смягчить ее, она жестоко поразила дѣвушку, столь много любящую. Со всѣмъ тѣмъ она противъ ожиданія казалась спокойною: не плакала, не жаловалась, но за то и не улыбалась болѣе, не молвила слова. Ей говорила мать, она не слышала. Искры изъ трубки отца прожигали ея платье: она не замѣчала. Холодный вѣтеръ вѣялъ на грудь ея: она не чувствовала. Всѣ ея чувства сжались въ сердцѣ на муку; но это

сердце глубоко лежало отъ взоровъ: и ничего не отражалось на гордомъ лицѣ ея. Ханская дочь боролась съ шестнадцати-лѣтнею Селтанетою; можно было предсказать, кто падетъ прежде.

Но эта скрытая тоска удушала Селтанету; ей хотѣлось убѣжать отъ людскихъ глазъ и на свободѣ выплакать горе.

— Боже мой! думала она: лачѣмъ, потерявъ друга, не имѣю права плакать о немъ! Всѣ такъ и смотрятъ на меня, чтобы посмѣяться послѣ; такъ и стерегутъ каждую слезку, чтобъ поймать ее на злословный языкъ свой. Чужое горе имъ потѣха. Секина! молвила она своей прислужницѣ: пойдемъ гулять по берегу Узени!

На треть агача* разстоянія отъ Хунзаха къ западу, есть развалины стариннаго христіанскаго монастыря, уединеннаго памятника забытой вѣры туземцевъ. Рука времени, будто изъ благоговѣнія, не коснулась самой церкви, и даже изувѣрство пощадило святыню предковъ. Она стояла цѣла между разрушенныхъ келлій и павшей ограды. Глава ея съ острокопечною каменною кровлею уже почернѣла отъ дыханія вѣковъ; плющъ заплелъ сѣткою

* Агачъ — семь веретъ. Онъ называется конныхъ. Пѣшеходный 4 версты.

узкія окна и въ трещинахъ стѣнъ росли деревья. Внутри мягкій мохъ разостлалъ коверъ свой, и въ зной влажная свѣжесть дышала тамъ, питаемая горнымъ ключемъ, который, промывъ стѣну, прислоненную къ утесу, падалъ черезъ каменный алтарь и распрядался въ серебристыя, вѣчно-звучныя струны чистой воды, и потомъ, сочась въ сѣни плитнаго пола, вился ниже и ниже. Одинокій лучъ солнца, закравшись сквозь окно, мелькалъ и переливался сквозь зыбкую зелень по угрюмой стѣнѣ, какъ рѣзвый младенецъ на колѣняхъ столѣтняго дѣда. Туда-то направила Селтанета свою прогулку; тамъ-то отдохнула она отъ взоровъ тяготившихъ ее. Все было такъ мирно, такъ прелестно, такъ счастливо около нея, и все это тѣмъ болѣе множило печаль . . . горькую печаль ея. Переливный свѣтъ на стѣнѣ, лепетаніе ласточекъ и журчанье ключа растопило въ слезы свинецъ, лежавшій у нея на сердцѣ, и горесть ея разлилась жалобами. Секина убѣжала нарвать грушъ, растущихъ въ изобиліи около церкви, и Селтанета тѣмъ беззавѣтнѣе предалась природѣ, требующей облегченія.

И вдругъ, поднявъ голову, она вскрикнула отъ испуга: передъ нею стоялъ стройный Ава-

рецъ, забрызганный грязью и кровью. Кожа тигра падала на землю съ плечъ его.

Ужели твое сердце, твои глаза, Селтанета, не узнали своего любимца? Нѣтъ, съ другаго взора она узнала Аммалата, и, забывъ все на свѣтѣ, кинулась ему на шею, обвила ее руками своими, и долго, долго вглядывалась въ истомленное, но всегда милое лице, и наконецъ огонь увѣренія, огонь восторга заблисталъ сквозь необсохшія еще слезы печали. Могъ ли тогда удержать пылкій Аммалатъ радость свою? Онъ прильнулъ, какъ пчела, къ розовымъ губкамъ Селтанеты. Онъ довольно слышалъ за минуту, для своего счастія: теперь онъ былъ на верху блаженства. Еще ни слова не вымолвили любовники о любви своей, но они уже поняли другъ друга.

— И ты, ангелъ, любишь меня? произнесъ наконецъ Аммалатъ, когда Селтанета, застыдясь поцѣлуя, уклонилась изъ его объятій. И ты меня любишь!

— Сохрани Алла! отвѣчала невинная дѣвушка, опустивъ рѣсницы, но не очи. Любишь! Это страшное слово. Съ годъ тому назадъ, проходя по улицѣ, я увидѣла, какъ побивали каменьями дѣвушку; съ ужасомъ убѣжала я домой, но нигдѣ не могла спрятаться. Кровавая грѣшница вездѣ стояла передо

мною, и стонъ ея еще до сихъ поръ отзывается въ ушахъ моихъ. Когда я спросила, за что такъ безчеловѣчно казнили эту нестастную? Мнѣ отвѣчали: она любила одного юношу!

— Нѣтъ, милая, не за то, что она любила, а за то, что любила не одного, за то, что измѣнила, быть можетъ, обоимъ . . . ее убили!

— Что значитъ: *измѣнила*, Аммалатъ? Я не понимаю этого!

— О, дай Богъ, чтобъ ты никогда не испытала, никогда не выучилась измѣнять; чтобы ты никогда не забыла меня для другаго!

— Ахъ, Аммалатъ, въ эти четыре дня я узнала, какъ тяжела для меня съ тобой разлука! Бывало долго не вижу братьевъ, Пуцала и Сурхая, и рада съ ними свидѣться, но безъ нихъ не тоскую; безъ тебя же на свѣтѣ жить не хочется!

— Для тебя я готовъ умереть, звѣзда моя утренняя, за тебя положу свою душу, не только жизнь, милая!

Шелестъ шаговъ прервалъ рѣчи любящихся: то была прислужница Селтанеты.

Втроемъ они поспѣшили обрадовать хана, и ханъ былъ радъ, былъ утѣшенъ непритворно.

Аммалатъ въ короткихъ словахъ разсказалъ какъ было съ нимъ дѣло.

— Чуть завидѣлъ я падшаго товарища впереди меня, я встрѣтилъ звѣря на лету пулею: она разбила ему челюсть. Чудовище съ ужаснымъ ревомъ кинулось кружиться, прыгать, метаться, нѣсколько разъ порывалось ко мнѣ, и снова, развлекаемо болью, бросалось въ сторону. Въ это-то время, ударивъ его прикладомъ по черепу, изломалъ я ружье. Я долго гнался за нимъ, когда онъ пошелъ на уходъ, то по виду, то по кровавому слѣду; между тѣмъ день вечерѣлъ, и когда я вонзилъ кинжалъ въ горло павшаго тигра, темная ночь надала на землю. Волей и неволею, принужденъ я былъ ночевать, имѣя палатами утесы, а собесѣдниками волковъ и шакаловъ. Утро было дождливо и туманно: облака, задѣвая меня за голову, выжимали, какъ губки, на мнѣ свою воду. Въ десяти шагахъ передъ носомъ ничего нельзя было видѣть. Не видя солнца, не зная мѣста, напрасно бродилъ я вкругъ, да около: дорога убѣгала меня, усталость и голодъ томили. Застрѣленная изъ пистолета куропатка подкрѣпила на время силы, но все таки не могъ я найти выхода изъ этого каменнаго гроба. Только шумъ водъ, ниспадающихъ съ крутизнъ, только шумъ крыльевъ про-

летающихъ въ тучѣ орловъ, слышались изъ вечеромъ, а ночью дерзкіе шакалы въ трехъ шагахъ отъ меня заводили свою плачевную пѣсню. Сего дняшнимъ утромъ красно встало солнце и самъ я всталъ бодрѣе, направилъ бѣгъ къ востоку, и скоро послышалъ крикъ и выстрѣлы: это были твои посланцы. Утомленъ жаромъ, зашелъ я напиться чистой ключевой воды въ старую мечеть, и тамъ нашелъ Селтанету. Благодарность тебѣ, слава Богу!

— Слава Богу, хвала и тебѣ! сказалъ, обнимая его, ханъ. Но удальство твое чуть-чуть не стоило жизни твоей и вмѣстѣ твоего товарища. Промедли ты день, онъ бы отправился плясать лезгинку на воздухѣ. Кстати вспомнился ты. Джембулатъ, извѣстный нападникъ малой Кабарды, присылалъ звать тебя въ набѣгъ на Русскихъ: вотъ достойное тебя поле. Вмѣсто того, чтобъ дразнить судьбу, гоняясь за тиграми, лучше гонять Русскихъ. Тебѣ же надо выкупить свою славу, плѣненную въ прошломъ бѣгствѣ. Время не терпитъ; завтра чѣмъ свѣтъ тебѣ должно отправиться.

Какъ ни досадна была такая вѣсть Амалату, но онъ, скрѣпя сердце, отвѣчалъ, что ѣдетъ охотно. Онъ очень чувствовалъ, что громкое имя нападника есть порука будущихъ успѣховъ.

По Селтанета поблекла, склонилась какъ

цвѣтокъ головою, услышавъ о новой, грознѣйшей разлукѣ: взоръ ея, остановленный на Аммалатѣ, выражалъ тоску опасенія, боль предчувствія бѣды.

— Алла! произнесла она съ горестію: опять набѣги, опять убійство! Когда-то перестанетъ литься кровь на угоріяхъ?

— Когда горные потоки потекутъ молокомъ и сахарный тростникъ заколышется на снѣжныхъ вершинахъ, сказалъ ханъ съ усмѣшкою.

ГЛАВА IV.

Дико-прекрасенъ гремучій Терекъ въ Дарьяльскомъ ущелін. Тамъ, какъ геній, черная силы изъ небесъ, борется онъ съ природой. Индѣ свѣтелъ и прямъ какъ мечъ, разсѣкшій гранитную стѣну, сверкаетъ онъ между утесами. Индѣ, чернѣя отъ гнѣва, реветъ и рется, какъ лютый звѣрь, подъ вѣковыя громады отрываетъ, рушитъ, катитъ вдаль ихъ обломки. Въ бурную ночь, когда запоздалый всадникъ, завернувшись въ косматую бурку, озирается, ѣдетъ по забережью, висящему надъ пучиною Терека, всѣ ужасы, какіе только породить можетъ досужее воображеніе, ничто въ сравненіи съ истинными, его одолѣвающи-

ми. Съ глухимъ шумомъ крутятся дождевые потоки подъ ногами, падаютъ на голову со скалъ, пахмуренныхъ надъ нею и каждый мигъ грозящихъ подавленіемъ. Вдругъ, какъ лава, прорывается молнія — и вы съ ужасомъ видите только черную, разторгнутую тучу надъ собою, а подъ собой зіяющую бездну, утесы по сторонамъ, и на встрѣчу вамъ съ крутизны ревущій, прыщущій Терекъ, осыпанный огненною пѣною. На одинъ мигъ видите вы, какъ мутныя, буйныя волны его, словно адскіе духи, скачутъ, прядаютъ, мечутся въ бездну со стономъ, пораженные мечемъ архангеловъ. Вслѣдъ имъ съ грохотомъ катятся огромные камни. И вдругъ послѣ ослѣпительнаго озаренія молніею, вы опять погружены въ черное море ночи; и вдругъ за тѣмъ раздается выстрѣлъ грома, зыблющій основаніе скалъ, будто тысячи горъ рушатся другъ на друга: такъ вторятъ отголоски удару небесъ. Потомъ долгій, протяжный гулъ, будто стонъ оторванныхъ съ корней дубовъ или звукъ сокрушенныхъ скалъ, или вой раздавленныхъ въ безднѣ великановъ, сливается съ шумомъ вѣтра, и вѣтеръ превращается въ ураганъ, и дождь низвергается ливнемъ. И снова молнія слѣпитъ васъ, и снова громъ, на который отвѣчаетъ вдали рокотъ обваловъ, оглушаетъ...

камни сыплются мимо, и звучно падаютъ въ воду . . . Испуганный конь упирается, садится назадъ, фыркаетъ, трепещетъ, грива его хлещетъ въ глаза всадника, и всадникъ творитъ невольную молитву . . .

Но за то, какъ привѣтливо заглядываетъ утро въ ущеліе, на днѣ котораго бьетъ и кипитъ и плещется Терекъ! Облака, будто раздернутый пологъ, клубятся отъ вѣтра, и сквозь нихъ являются и опять изчезаютъ ледяныя вершины. Точно рѣзные изъ золота, лучи солнца рисуютъ зубчатые силуэты вершинъ восточныхъ на противуположной стѣпѣ горъ. Скалы блестятъ, еще высеребренныя дождевою влагою. Ключи и горные потоки пышатъ пѣною, летятъ сквозь туманъ съ крутизнъ, и самые туманы, индѣ катятся внизъ по ущелію, подобны потоку, индѣ вьются улиткой съ ключа, будто дымокъ съ хижины, индѣ обвиваютъ какъ чалмой одинокую, древнюю на утесѣ башню, а мрачный Терекъ прядаетъ по каменьямъ и кружится, будто ищетъ мѣста успокоиться.

Должно признаться однако жъ, что на Кавказѣ нѣтъ водъ, въ кои бы достойно могли глядѣться горы — исполины творенія. Нѣтъ на немъ рѣкъ плавныхъ, нѣтъ огромныхъ озеръ, и Терекъ между громадами, его тѣснящими, кажется ручейкомъ. Подъ Владикавказомъ,

вырвавшись на долину, онъ кажется радъ вольному раздолью: ходить по ней широкими кругами, разбрасывая похищенные въ горахъ валуны. Дальше, уклонялась къ сѣверо-западу, онъ все еще быстръ, но менѣе шуменъ, будто усталый послѣ труднаго подвига. Наконецъ, охватив крутымъ поворотомъ мысъ Малой Кабарды, онъ, какъ мусульманинъ, набожно обращается къ востоку, и мирно наполя враждующіе берега, несется, то по грядамъ камней, то по глинистымъ отмелямъ, упасть въ Кизляромъ въ чашу Каспія. Тутъ уже онъ терпитъ на себѣ челны, и какъ работникъ, ворочаетъ огромныя колеса плоскихъ мельницъ. По правому берегу его, между холмами и перелѣсками, разсѣяны аулы Кабардинцевъ, которыхъ мы смѣшиваемъ въ одно названіе Черкесовъ, живущихъ за Кубанью, или Чеченцевъ, обитающихъ гораздо ниже къ морю. Побережные аулы сіи мирны только по имени, но въ самомъ дѣлѣ они притоны разбойниковъ, которые пользуются и выгодами Русскаго правленія, какъ подданные Россіи, и барышами грабежей, производимыхъ Горцами въ нашихъ предѣлахъ. Имѣя всюду свободный входъ, они извѣщаютъ единовѣрцевъ и единомышленниковъ о движеніи войскъ, и состояніи укрѣпленій; скрываютъ ихъ у себя, когда

тѣ сбираются въ набѣгъ; дѣлять и перекупають добычу при возвратѣ, снабжають ихъ солью и порохомъ Русскими, и нерѣдко участвуютъ лично въ тайныхъ и явныхъ набѣгахъ. Самое дурное, что, подъ видомъ этихъ Горцевъ, враждующіе нами народы безбоязненно переплываютъ Терекъ человѣка по два, по три, по пяти, и середи бѣлаго дня отправляются на разбой, никѣмъ не преслѣдуемые, ибо одежда ихъ ничѣмъ не отличена. На оборотъ, сами мирные, пользуясь этою отговоркою, нападаютъ, когда въ силахъ, открыто на проѣзжихъ, или похищаютъ скотъ и людей украдкою, рубятъ безъ пощады, или перепродаютъ въ плѣнъ далеко.

Правду сказать, мѣстное положеніе ихъ между двумя сильными сосѣдями, поневолѣ заставляетъ такъ контрабандничать. Зная, что Русскіе не поспѣютъ изъ-за рѣки защитить ихъ отъ мести Горцевъ, налетающихъ какъ снѣгъ, они по необходимости, равно какъ по привычкѣ, дружатъ одинаковымъ, но въ то же время льстятъ передъ Русскими, которыхъ боятся.

Конечно, между ними есть нѣсколько человѣкъ истинно преданныхъ Русскимъ, но большая часть даже и своимъ изѣняютъ изъ награды, и то лишь при вѣрномъ успѣхѣ, и то лишь до тѣхъ поръ, покуда видятъ въ томъ

свою пользу. Вообще, нравственность этихъ мирныхъ самая испорченная: они потеряли всѣ доблести независимаго народа, и уже переняли всѣ пороки полуобразованности. Клятва для нихъ игрушка, обманъ — похвальба, самое гостепріимство — промыселъ. Едва ли не каждый изъ нихъ готовъ наняться поутру къ Русскому въ кунаки, а ночью въ проводники къ хищнику, чтобы ограбить новаго друга.

Лѣвый берегъ Терека унизанъ богатыми станицами Линейныхъ Казаковъ, потомковъ славныхъ Запорожцевъ. Между ними кое-гдѣ есть крестьянскія деревни. Казаки эти отличаются отъ Горцевъ только небритою головою: оружіе, одежда, сбруя, ухватки — все горское. Мило видѣть ихъ въ дѣлѣ съ Горцами: это не бой, а поединокъ, гдѣ каждый на славу хочетъ доказать превосходство силы, храбрости, искуства. Двое Казаковъ не струсятъ четверыхъ наѣздниковъ, и въ равномъ числѣ всегда побѣдители. Почти всѣ они говорятъ по-Татарски, водятъ съ Горцами дружбу, даже родство по похищеннымъ взаимно женамъ, но въ полѣ враги неумолимые. Какъ ни запрещено переѣзжать на горную сторону Терека, но удальцы отправляются туда вплавь, на охоту разнаго рода. Въ свою очередь горскіе хищники ходятъ за Терекъ ночью, или

переплываютъ его на бурдюкахъ (мѣхахъ), залегаютъ въ камыши, иль подъ навѣсъ берега, потомъ перелѣсками пробираются къ дорогѣ, чтобы увлечь въ плѣнъ безпечнаго путника, или захватить женщинъ на гребляхъ сѣна. Случается, что самые отчаянные проводятъ дня по два въ виноградникахъ при деревнѣ, выжидая удобнаго случая напасть въ расплохъ, и отъ того Линейскій Казакъ не ступитъ за порогъ безъ кинжала, не выѣдетъ въ поле безъ ружья за спиной: онъ коситъ и пашетъ вооруженный.

Въ послѣднее время большими толпами Горцы стали нападать только на крестьянскія деревни, ибо въ станицахъ отпоръ становился имъ очень дорого. Для угонки табуновъ, они смѣло и глубоко впадаютъ въ границы наши, но въ такомъ случаѣ рѣдко обходится безъ битвы. Самые лихіе удэни стараются попасть въ подобные наѣзды, чтобы снискать себѣ имя, которое цѣнятъ они выше всякой добычи.

Осенью, въ 1819 году, Кабардинцы и Чеченцы, ободренные отсутствіемъ главнокомандующаго, собрались въ числѣ полуторы тысячи человѣкъ, сдѣлать нападеніе на какую нибудь деревню за Терекомъ, ограбить ее, увезти плѣнниковъ, угнать табунъ.

Предводителемъ былъ Кабардинскій князекъ,

Джембулатъ. Аммалатъ-бекъ, пріѣхавшій къ нему съ письмомъ отъ Султанъ-Ахметъ-Хана, былъ принятъ съ радостію. Правду сказать, ему не дали никакого отряда, но это отъ того, что у нихъ нѣтъ никакого строя, ни порядка въ войскѣ; борзый конь и собственная запальчивость указываютъ каждому мѣсто въ битвѣ. Сначала сдумаютъ, какъ завязать дѣло, какъ завлечь непріятеля, но потомъ нѣтъ ни повиновенія, ни повелѣнія, и случай докапчиваетъ сраженіе. Обославшись съ сосѣдними уздепями и наѣздниками, Джембулатъ назначилъ сборное мѣсто, и вдругъ, по условному знаку, по всѣхъ ущеліяхъ раздался крикъ: *варай! варай!* (тревога), и въ одинъ часъ слетѣлись со всѣхъ сторонъ наѣздники Чеченскіе и Кабардинскіе. Во избѣжаніе измѣны, никто не зналъ, кромѣ вождей, гдѣ будетъ ночлегъ, гдѣ переправа. Раздѣлясь на небольшія кучки, пошли они по едва видимымъ тропамъ въ мирный аулъ, гдѣ должно было скрыться до ночи. Въ сумеркахъ всѣ отряды уже сошлись туда. Разумѣется, мирные встрѣтили своихъ земляковъ съ распростертыми объятіями, но Джембулатъ, не довѣряя этому, оцѣпилъ селеніе часовыми и объявилъ жителямъ, что если кто покусится уйти къ Русскимъ, будетъ изрубленъ въ куски. Большая

часть узденей разошлись по саклямъ кунаковъ, или родственниковъ, но самъ Джембулатъ съ Аммалатомъ и лучшими наѣздниками остался на чистомъ воздухѣ, подлѣ разведеннаго огня, покуда освѣжались усталые ихъ кони. Джембулатъ, простершись на буркѣ, опершись рукою объ руку, раздумывалъ распорядокъ набѣга; но далека была мысль Аммалата отъ поля битвы; она орленкомъ носилась надъ горами Аваріи, и тяжко, тяжко было сердце разлукою. Звукъ металлическихъ струнъ горской балалайки (комусъ), сопровождаемый протяжнымъ пѣвомъ, извлекъ его изъ задумчивости: то Кабардинецъ пѣлъ пѣсню старинную.

«На Кавбекъ слетѣлись тучи,
Словно горные орлы . . .
Имъ на встрѣчу, на скалы
Узденей отрядъ летучій,
Выше, выше, круче, круче,
Скачетъ Русскими разбитъ:
Слѣдъ ихъ кровію кипитъ.
На хвостахъ полки погони;
Занесенъ и штыкъ и мечъ;
Смертью свѣтея картечь . . .
Нѣтъ спасенья въ силѣ, въ бронѣ . . .
«Бѣгу, бѣгу, кони, кони!»
Пали вы — а далека
Крѣпость горнаго хлѣка *!

* Рѣдко случались примѣры, чтобы мы стрѣлками

Сердце наших Русским мѣта . . .
На колѣни палъ мулла —
И молитва, какъ стрѣла,
До пророка Магомета,
Въ море свѣта, въ небо свѣта,
Полетѣла, понеслась,
«Иль-Алла — не выдай насъ!»

Нѣтъ спасенья ни откуда!!
Вдругъ, по манію небесъ,
Зашумѣлъ далекій лѣсъ:
Вьетъ, плещетъ, катитъ грудой
Ниже, ближе, чудо, чудо! . . .
Мусульмане спасены
Средь лѣсистой крутизны!

— Такъ бывало въ старину, сказалъ съ улыбкою Джембулатъ, когда наши старики больше вѣрили молитвѣ, а Богъ чаще ихъ слушалъ; но теперь, друзья, лучшая надежда — своя храбрость. Наши чудеса въ ножнахъ *шашки* (сабли), и намъ точно должно показать ихъ, чтобы не осрамиться. Послушай, Аммалатъ! примолвилъ онъ, крутя усъ свой: не скрою отъ тебя, что дѣло можетъ быть жаркое. Я сей часъ провѣдалъ, что полковникъ К*** собралъ отрядъ свой; но гдѣ онъ? по сколько у него войска? этого никто не знаетъ.

своими могли выжить Горцевъ изъ лѣсу, и потому лѣсъ считаютъ они лучшею крѣпостью. Вся пѣсня переведена почти слово въ слово.

— Чѣмъ больше будетъ Русскихъ, тѣмъ лучше — отвѣчалъ Аммалатъ спокойно — тѣмъ менѣе будетъ промаховъ.

— За то труднѣе добыча!

— Но мнѣ хоть бы нѣкъ ея не было: я хочу мести, ищу славы.

— Хороша лишь та слава, которая несетъ золотыя яица; а то съ пустыми тороками воротясь домой, стыдно женѣ глаза показать. Близка зима: надобно запастись хозяйствомъ на Русскій счетъ, чтобы угощать друзей и пріятелей. Выбирай себѣ мѣсто, Аммалатъ-бекъ: хочешь, стунай въ передовые, заскакать стадо; хочешь, останься со мной назади. Я съ абреками шагъ за шагъ буду удерживать погоню!

— Разумѣется, я буду тамъ, гдѣ больше опасности. Но что такое абреки, Джембулатъ?

— Это не легко тебѣ растолковать. Вотъ видишь: многіе изъ самыхъ удалыхъ наѣздниковъ иногда даютъ зарокъ, года на два, на три, на сколько вздумается, не участвовать ни въ играхъ, ни въ веселіяхъ, не жалѣть своей жизни въ набѣгахъ, не щадить враговъ въ битвѣ, не спущать ни малѣйшей обиды ни другу, ни брату родному, не знать зависти на чужое, не боясь преслѣдованій или мести;

Одним словом: быть непріятелем каждаго, чужим въ семьѣ своей, котораго каждый можетъ, если сможетъ, убить. Въ аулѣ они опасные сосѣди, потому что, встрѣчаясь съ ними, надо всегда держать курокъ на взводѣ. За то въ дѣлѣ на нихъ первая надежда *.

— Для какой же выгоды, для какой причины берутъ на себя уздени такую обузу?

— Одни просто изъ молодечества, другіе отъ бѣдности, третьи съ какого нибудь горя. Вонъ, этотъ, напримѣръ, высокій Кабардинецъ, поклялся пять лѣтъ быть абрекомъ, послѣ того, какъ любовница его умерла отъ оспы. Съ тѣхъ поръ, лучше водить дружбу съ тиграми, чѣмъ съ нимъ. Онъ ужъ три раза раненъ въ отплату за кровь, а все неймется.

— Чудный обычай! Какъ же воротится абрекъ въ мирную жизнь послѣ такой жизни?

— Что тутъ мудренаго: старое, какъ съ гуся вода. Сосѣди будутъ радехоньки, что срокъ ему кончился разбойничать; а онъ скинувъ съ себя абречество, будто змѣиную шкурку, станетъ смирнѣе овца. У насъ одни кровоместники помнятъ вчерашнее. Однако ночь

* Это настоящіе Берсеркеры древнихъ Нордмановъ, которые, приходя въ неистовство, рубили даже товарищей. Примѣры такой безумной храбрости не рѣдки между Азіятцами.

стемнѣла; туманъ стелется надъ Терекомъ: пора за дѣло.

Джембулатъ свиснулъ, и свистъ его повторился во всѣхъ концахъ стана: вмигъ собралась вся шайка. Къ ней присоединились многіе уздени изъ окрестныхъ мирныхъ деревень. Потолковавъ съ ними, гдѣ лучше переправиться, отрядъ въ тишинѣ двинулся къ берегу. Аммалатъ-бекъ не могъ надивиться молчаливости, не только всадниковъ, но и самыхъ коней: ни одинъ изъ нихъ не ржалъ, не храпѣлъ и будто остерегался, ставилъ копыто на землю. Отрядъ несся неслышнымъ облакомъ; скоро добрались до берега Терека, который излучиною образовалъ въ томъ мѣстѣ мысъ, и отъ него къ противоположному берегу тянулась каменистая коса. Вода въ то время была не высока и бродъ возможенъ: не смотря на это, часть отряда потянулась выше, для переправы вплавь, чтобы оттянуть Казаковъ отъ главной переправы и прикрыть ее, ежели бы дали отпоръ. Тѣ, которые надѣялись на коней своихъ, прыгали прямо съ берега. Другіе подвязывали подъ переднія лопатки по парѣ небольшихъ мѣховъ, надутыхъ, какъ пузыри. Быстрина сносила и разносила ихъ, и каждый выходилъ на сушу, гдѣ находилъ удобное мѣсто, чтобы вскарабкать-

ся коню. Непроницаемая завѣса тумана скрывала все движеніе.

Надобно знать, что по всей горской прибрежной линіи тянется маячная и сторожевая цѣпь. По всѣмъ курганамъ и возвышенностямъ стоятъ конные пикеты. Проѣзжая мимо днемъ, вы видете на каждомъ холмѣ высокій шестъ съ бочонкомъ на верху: онъ полонъ смолой и соломою, и готовъ вспыхнуть при первой тревогѣ. При этомъ шестѣ обыкновенно привязана казацкая лошадь, и подлѣ нея лежитъ часовой. Въ ночь часовые удвоиваются. Но не смотря на такую предосторожность, Черкесы, подъ буркой мрака и тумана, нерѣдко малыми шайками протекаютъ сквозь цѣпь, будто вода сквозь сито. Точно то же случилось и теперь: зная совершенно мѣстность, *белады* (проводники) изъ мирныхъ, ночи каждую партію и тихомолкомъ миновали курганы. Въ двухъ только мѣстахъ, хищники, чтобы прервать линію маяковъ, могущихъ извѣстить имя, рѣшились снять часовыхъ. На одинъ шестъ отправился самъ Джембулатъ, а нашему беку велѣлъ ползкомъ выбраться на берегъ, обогнуть пикетъ сзади, сосчитать сто и потомъ ударить нѣсколько разъ въ огниво. Сказано, сдѣлано. Чуть поднявъ голову съ забережья, весьма крутого, Джембулатъ высмо-

трѣлъ казака, дремлющаго надъ фитилемъ, держа въ поводу лошадь. Послышавъ шорохъ, часовой встрепенулся и устремилъ безпокойные взоры на рѣку. Боясь, чтобы тотъ не замѣтилъ его, Джембулатъ метнулъ вверхъ шапку и припалъ за кряжъ.

— Проклятая утица! сказалъ Донецъ. Имъ и ночью масляница! плещутся, да летаютъ, словно вѣдьмы Кіевскія!

— Но въ это время искры, мелькнувшія въ другой сторонѣ, привлекли его вниманіе.

— Неужто волки? подумалъ онъ. Бываетъ, они крѣпко сверкаютъ глазами!

Но искры посыпались снова, и онъ обомлѣлъ, вспомнивъ разсказы, что Чеченцы даютъ такіе сигналы, управляя ходомъ своихъ товарищей. Этотъ мигъ изумленія и раздумья былъ мигомъ его погибели; кинжалъ, рванутый сильною рукою, свистнулъ — и пронзенный Казакъ безъ стона упалъ на землю. Товарищъ его былъ изрубленъ сонный, и вырванный шестъ съ бочонкомъ кинули въ воду.

Быстро соединился весь отрядъ по данному знаку, и разомъ устремился на деревню, на которую заранѣ предположено было напасть. Набѣгъ совершенъ былъ очень удачно, т. е. вовсе неожиданно. Всѣ крестьяне, которые успѣли вооружиться, были перебиты послѣ

отчаяннаго сопротивленія; другіе спрятались или разбѣжались. Кромѣ добычи, множество плѣнныхъ и плѣнницъ было наградой отваги. Кабардинцы вторгались въ домы, уносили, что попалось или что въ горячихъ попадало подъ руку, но не жгли домовъ, не топтали умышленно нивъ, не ломали виноградниковъ. Затѣмъ трогать даръ Божій и трудъ человѣка, говорили они, и это правило горскаго разбойника, не ужасающагося никакимъ злодѣйствомъ, есть доблесть, которою бы могли гордиться народы самые образованные, если бы они ее имѣли. Въ часъ все было кончено для жителей, но не для грабителей: тревога распространилась уже по всей линіи. Какъ утреннія звѣзды, засверкали сквозь туманъ маяки, и призывъ къ оружію раздавался во всѣхъ сторонахъ.

Между тѣмъ нѣсколько человѣкъ опытныхъ наѣздниковъ обскакали большой табунъ, далеко въ степи ходившій. Пастухъ былъ захваченъ съ разу. Съ крикомъ и выстрѣлами бросились они потомъ на коней съ полевой стороны; кони шарахнулись, набросили гривы и хвосты на вѣтеръ и стремглавъ кинулись вслѣдъ за Черкесомъ, котораго на лихомъ скакунѣ нарочно оставили на рѣчной сторонѣ, чтобы онъ былъ водакомъ испуганнаго стада.

Как добрый кормчій, зная и въ туманахъ напусть всѣ опасности этого степнаго моря, Черкесъ летѣлъ впереди прядающихъ коней, вился между постами, и наконецъ, набравъ самое крутое мѣсто берега, спрыгнулъ въ Терекъ со всего разскака. Весь табунъ за нимъ слѣдомъ; только прыскала шумная пѣна отъ паденія.

Занялась заря, разступились туманы, и открыли картину вмѣстѣ пышную и ужасную. Главная толпа нападниковъ плачила за собою плѣнныхъ, кого при стремени, кого за сѣдломъ, со связанными руками. Плачъ и стонъ и вопль отчаянія заглушались угрозами и пѣстовымъ крикомъ побѣдной радости. Отягощенные добычей, замедляемые въ ходу стадами рогатаго скота, они медленно подвигались къ Тереку. Князья и лучшіе нападники, въ кольчугахъ и шлемахъ, блистающихъ, переливающихся, какъ вода, увивались около поѣзда, словно молніи изъ сизой тучи. Вдали со всѣхъ сторонъ скакали Линейскіе казаки, залегали за дубы, за кустарники, и скоро завязали перепалку съ высланными противъ нихъ удальцами. Тамъ и сямъ сверкали, гремѣли выстрѣлы; порой падалъ Черкесъ съ коня. Между этимъ, передовые успѣли переплавить часть стада, когда пыльное облако и топотъ

коней возвѣстили, что на нихъ несется гроза. Сотъ шесть Горцевъ, предводимыхъ Джембулатомъ и Аммалатомъ, оборотили коней, чтобъ отразить нападеніе и дать время своимъ убраться за рѣку. Безъ всякаго порядка, съ гикомъ и крикомъ пустились они на встрѣчу Казакамъ, но ни одно ружье не было вынуто изъ нагалища за спиною, ни одна шашка не сверкала въ рукахъ: Черкесъ до послѣдняго мгновенія не обнажаетъ оружія. И точно, доскакавъ лишь на двадцать шаговъ, они выхватили ружья свои, выстрѣлили на всемъ скаку, забросили ружья за лѣвую руку и ударили въ шашки; но Линейскіе казаки, отвѣтивъ имъ залпомъ, понеслись прочь, и, разгоряченные преслѣдованіемъ, Горцы дались въ обманъ, столь часто самими употребляемый. Казаки павели ихъ на скрытыхъ въ опушкѣ егерей храбраго 43-го полка. Будто изъ земли выросли небольшія карэи, штыки склонились, и бѣглый огонь посыпался наперекресть. Напрасно, спѣшась, хотѣли Горцы занять лѣски и съ тыла ударить на нашихъ; подоспѣвшая артиллерія рѣшила дѣло. Опытный полковникъ К***, гроза Чеченцевъ, человѣкъ, котораго они равно боялись храбрости и уважали правдушіе, безкорыстіе, распоряжалъ дѣйствіями войскъ, и успѣхъ не могъ быть со-

мителемъ. Пушки развѣяли толпы хищниковъ и картечь прыснула въ бѣгущихъ. Пораженіе было ужасно. Двѣ пушки заскакали на мысъ, не вдали отъ котораго Черкесы кидались вплавь съ берега: онѣ пронизывали вдоль всю рѣку. Съ ревомъ прыгала картечь по вспѣненнымъ волнамъ и за каждымъ выстрѣломъ нѣсколько лошадей обращались вверхъ ногами, утопляя своихъ всадниковъ. Жалко было видѣть, какъ раненые цѣплялись за хвосты и узды чужихъ коней, погружали ихъ и не спасали себя: какъ бились усталые у крутаго берега, желая выползть, обрывались, и несытая пучина уносила, поглащала ихъ. Трупы убитыхъ неслись между полуживыми, и кровавыя полосы змѣями вились по бѣлой пѣнѣ, дымъ катился по Тереку, и вдали снѣговыя вершины Кавказа, нахмуренныя туманами, грозно замыкали поле боя. Джембулатъ и Аммалатъ-бекъ дрались, какъ отчаянные; двадцать разъ опрокинуты и двадцать разъ нападая, утомлены, но не побѣждены; съ сотнею удальцевъ переплыли они за рѣку, спѣшились, сбатовали коней * и завели жаркую перестрѣлку

* Русской конницѣ не худо бы перенять Горскій образъ *батовать* (связывать при спѣшиваніи) коней. Мы батуемъ, продѣвая поводъ въ поводъ; но для этого нужно много сторожей, и лошади имѣютъ слишкомъ

съ другаго берега, чтобы прикрыть остальныхъ спутниковъ. Занятые этимъ, они поздно замѣтили, что выше ихъ плавятся за рѣку Линейскіе казаки, на перерѣзъ имъ. Съ радостнымъ крикомъ перескакивали, окружали ихъ Русскіе. Гибель ихъ неизбѣжна.

— Ну, Джембулатъ! сказалъ бекъ Кабардинцу: судьба наша кончилась! Дѣлай самъ, какъ хочешь, но я не отдамся въ плѣнъ живой. Лучше умереть отъ пули, чѣмъ отъ позорной веревки.

— Не думаешь ли ты, возразилъ Джембулатъ: что мои руки сдѣланы для цѣпей? Сохрани меня Алла отъ такого поношенія! Русскіе могутъ полонить мое тѣло, но душу . . . никогда, никакъ! Братцы, товарищи! крикнулъ онъ къ остальнымъ: намъ измѣнило счастье, но булатъ не изменитъ: продадимъ дорого жизнь свою Гяурамъ! Не тотъ побѣдитель, за кѣмъ поле: тотъ, за кѣмъ слава, а слава тому, кто цѣнитъ смерть выше плѣну!

— Умремъ! умремъ! только славно умремъ!

много мѣста бѣситься. Черкесы, напротивъ, ворочаютъ черезъ одну лошадь головой къ хвосту, продѣваютъ поводъ сквозь пахви сосѣдней и потомъ уже потягиваютъ въ узду третьей. Отъ этого кони не могутъ шевельнуться, такъ что можно ихъ оставлять безъ надзора.

закричали всѣ, вонзая кинжалы въ ребра коней своихъ, чтобы они не достались врагамъ въ добычу, и потомъ, сдвинувъ изъ нихъ завалъ, залегли за него, приготовляясь встрѣтить нападающихъ свинцомъ и булатомъ.

Зная, какое упорное сопротивленіе встрѣтятъ, казаки остановились, сбираясь, готовясь на ударъ . . . Ядра съ противоположнаго берега иногда ложились въ кругъ безстрашныхъ Горцевъ; порой разрывало между нихъ гранату, осыпая ихъ землей и осколками, но они не смущалась, не прятались, и, по обычаю, запѣли грозно-унылымъ голосомъ смертныя пѣсни, отвѣчая по очереди куплетомъ на куплетъ.

Смертныя пѣсни.

Хоръ.

Слава намъ, смерть врагу,
Алла-га, Алла-гу!!

Полухоръ.

Плачьте, красавицы, въ горномъ аулѣ,
Правьте поминки по насъ:
Вслѣдъ за послѣднею мѣткою пулей,
Мы покидаемъ Кавказъ.
Здѣсь не цѣвница къ ночному покою
— Насъ убаюкаетъ громъ;
Очи, не милая черной косою —
Воронъ закроетъ крыломъ!

Дѣти, забудьте отцовской обычай:
Онъ не потѣшитъ васъ Русской добычей!

Второй полухоръ.

Дѣвы, не плачьте: ваши сестрицы,
Гуріи, свѣтлой толпой,
Къ смѣлымъ склоняя солнцы-зѣницы,
Въ рай увлекутъ за собой!
Братья, вы насъ поминайте за чашей:
Вольная смерть намъ безславія краше!

Первый полухоръ.

Шуменъ, но кратокъ пешній ключъ!
Свѣтелъ, но гдѣ онъ — зарницы лучъ?
Мать моя, звѣзда души,
Спать ложись, огонь туши!
Не томи напрасно ока,
У порога не сиди;
Издалека, издалека,
Сына ужинать не жди.
Не ищи его родная,
По скаламъ и по доламъ:
Спитъ онъ . . . ложе пыль степная,
Мечъ и сердце пополамъ!

Второй полухоръ.

Не плачь, о мать! твоей любовью
Мнѣ билось сердце высоко,
И въ немъ кипѣло львиной кровью
Родимой груди молоко;
И никогда нагорной волѣ
Удалый сынъ не измѣнялъ:
Онъ въ грозной битвѣ, въ чуждомъ полѣ,

Постигнутъ Аэраломъ, палъ;
Но кровь моя, на радость краю,
Нетлѣнными цвѣтомъ будетъ цвѣсть;
Я дѣтямъ славу завѣщаю,
А братьямъ гибельную месть!

Хоръ.

О братья! творите молитву;
Съ кинжалами ринемся въ битву!
Ломай ихъ о Русскую грудь . . .
По трупамъ безстрашнаго путь!
Слава намъ, смерть врагу,
Алла-га, Алла-гу!

Пораженны какимъ-то непольнымъ благоговѣніемъ, сперва и казаки безмолвно внимали страшнымъ звукамъ сихъ пѣсенъ; но наконецъ громкое ура! раздалось съ обѣихъ сторонъ*.

Черкесы вскочили съ воплемъ, выстрѣлили въ послѣдній разъ изъ ружей, и разбивъ ихъ о камни, кинулись на Русскихъ съ кинжалами. Абреки, чтобъ не разорваться въ патискѣ, связались другъ съ другомъ поясками, и такъ бросились въ сѣчу: она была безпощадна; все пало подъ штыками Русскихъ.

---

* *Ура*, *ура*, значитъ *бей*, по-Татарски. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ крикъ вошолъ у насъ въ употребленіе со времени владычества Монголовъ, а не со временъ Петра, будто бы заимствованъ hurre! у Англичанъ.

Впередъ, за мной, Аммалатъ-бекъ! вскричалъ неистовый Джембулатъ, кидаясь въ послѣднюю для него схватку. Впередъ! для насъ смерть — свобода!

Но Аммалатъ уже не слышалъ призыва: ударъ съ зади прикладомъ по головѣ повергъ его на земь, усѣянную убитыми, залитую кровью.

ГЛАВА V.

Письмо Полковника В*** къ его невѣстѣ

Изъ Дербента въ Смоленскъ.

1819 года въ октябрѣ.

Два мѣсяца — легко сказать! два вѣка — ползло до меня, безцѣнная Марія, письмо твое! Въ это время луна дважды совершила свое путешествіе около земли. Не повѣришь, милая, какъ грустно мнѣ жить безъ настоящаго, даже въ самой перепискѣ. За воротами встрѣчаешь казака, съ трепетомъ сердца ломаешь печать, съ восхищеніемъ цѣлуешь строки, написанныя милою ручкою, внушенныя чистымъ сердцемъ твоимъ, съ жадною радостью пожираешь очами письмо . . . въ то время я счастливъ, я внѣ себя. Но едва закрою письмо, безпокойныя мысли ужъ тутъ какъ тутъ . . . Все это прекрасно, думается,

но все это *было*, а я хочу знать, что есть? Здорова ль, любитъ ли она меня теперь по прежнему?... О скоро ль, скоро ль, придетъ блаженное время, когда ни время, ни пространство не будутъ разлучать насъ! когда выраженія любви нашей не будутъ простывать на почтѣ, ниль наоборотъ, когда не станутъ писать письма любовію, можетъ быть, теперь уже остывшею!! Прости, прости меня, безцѣнная! всѣ такія черныя думы, принадлежатъ разлукѣ. Сердце близъ сердца — женихъ всему вѣритъ; въ *удаленіи* — по всемъ сомнѣвается.

Ты велишь мнѣ, т. е. ты желаешь, чтобы я описывалъ жизнь свою день за днемъ, часъ за часомъ... О какая бы грустная, скучная лѣтопись была, если бъ я на то рѣшился! Ты очень хорошо знаешь, злая женщина, что я не живу безъ тебя; зачѣмъ же морить меня дважды и одинъ разъ несносною разлукою! Мое бытіе — слѣдъ ноги на безплодномъ пескѣ. Одна служба, утомляя, если не развлекая меня, способляетъ коротать время. Брошенъ въ климатъ убійственный для здоровья, въ общество, удушающее душу, я не нахожу въ товарищахъ людей, которые бы могли понять мои мысли, не нахожу въ Азіатцахъ, кто бы раздѣлялъ мои чувства. Все окружающее меня такъ дико, или такъ ограниченно, что бе-

ретъ тоска и досада. Скорѣй добудешь огня, ударяя ледъ о камень, чѣмъ занимательность изъ здѣшняго быта. Но мнѣ святыня твое желаніе, и я хоть въ перечнѣ представлю произведеніе послѣдней моей недѣли: она еще болѣе разнообразна, чѣмъ другія.

Помните, я ужъ писалъ, что мы возвращаемся съ Главнокомандующимъ изъ похода въ Акушу. Мы свое справили: Шахъ-Али-Ханъ бѣжалъ въ Персію; мы... сожгли множество деревень; спалили сѣна, хлѣбъ, покушали мятежническихъ барановъ, и наконецъ, когда снѣгъ согналъ непокорныхъ съ вершинъ недоступныхъ, они поклонились головою, дали заложниковъ, и вотъ мы поднялись въ Бурную крѣпость. Оттуда отрядъ долженъ былъ разойтись по зимнимъ стоянкамъ, въ томъ числѣ и мой полкъ въ свою штабъ-квартиру Дербентъ. Назавтра Главнокомандующій хотѣлъ распрощаться съ нами, отправляясь въ другой походъ на линію, и потому народу собралось къ обожаемому начальнику болѣе обыкновеннаго. Алексѣй Петровичъ вышелъ къ намъ изъ палатки, къ чаю. Кто не знаетъ его лица по портрету? — Но тотъ вовсе не знаетъ Ермолова, кто станетъ судить о немъ по мертвому портрету. Мнѣ кажется, ни одно лицо не одарено такою бѣглостію выраженія,

какъ его! Глядя на эти черты, вылитыя въ исполинскую форму старины, невольно переносишься ко временамъ Римскаго величія: про него не даромъ сказалъ Поэтъ:

Бѣги, Чеченецъ — блещетъ мечъ
Карателя Кубани;
Его дыханье — градъ картечъ,
Глаголъ — перуны брани!
Окрестъ угрюмаго чела
Толпятся роки боя . . .
Взглянулъ — и гибель протекла
За маніемъ героя!

Надобно видѣть его хладнокровіе въ часъ битвы. Надо любоваться имъ въ день пріемовъ, то осыпающаго восточными цвѣтами Азіятцевъ, то смущающаго ихъ козни однимъ замѣчаніемъ. Напрасно прячутъ они свои коварные замыслы въ самыя сокровенныя складки сердца: его глазъ преслѣдуетъ, разрываетъ ихъ, какъ червей, и за 20 лѣтъ впередъ угадываетъ ихъ мысли и дѣла. То дружески, открыто привѣтствующаго храбрыхъ офицеровъ своихъ, то съ величавой осанкою пробѣгающаго ряды гражданскихъ чиновниковъ, пріѣхавшихъ въ Грузію. Забавно глядѣть, какъ всѣ, у которыхъ не чиста совѣсть, мнутся, краснѣютъ, блѣднѣютъ, когда онъ вперитъ въ нихъ пронзительный, медленный взоръ свой — вы, кажется, видите, какъ передъ глазами у вино-

затаго проходятъ взяточные рубли, а въ памяти — всѣ его бездѣльничества; видите, какія картины ареста, слѣдствія, суда, осужденія и наказанія рисуетъ имъ воображеніе, забѣгая въ будущее. За то какъ онъ умѣетъ отличить достоинство однимъ взоромъ, одною улыбкою, наградить отвагу словомъ, которое идетъ прямо отъ сердца и прямо къ сердцу — ну, право, дай Богъ вѣкъ жить и служить съ такимъ начальникомъ!

Но если любопытно видѣть его на службѣ, какъ пріятно быть съ нимъ запросто въ бесѣдѣ, куда каждый изъ людей отличныхъ чиномъ, храбростію или умомъ, имѣетъ свободный доступъ; тамъ нѣтъ чиновъ, нѣтъ завѣта: всякъ говори и дѣлай, что хочешь, потому что только тѣ, которые думаютъ и дѣлаютъ какъ *должно*, составляютъ общество. Алексѣй Петровичъ шутитъ со всѣми, какъ товарищъ, учитъ, какъ отецъ: онъ не боится, что его увидятъ вблизи.

По обыкновенію, во время чаю, одинъ изъ адъютантовъ его читалъ въ этотъ разъ вслухъ записки Наполеоновскаго похода въ Италію — эту поэму Военнаго Искусства, какъ называетъ ее Главнокомандующій. Дивились, разсуждали, спорили. Замѣчанія Алексѣя Петровича были свѣтозарны, поразительны истиною. По-

томъ пошли гимнастическія игры: бѣганье, прыганье черезъ огонь, пытанье силы разными образами. Видъ и вечеръ были прелестнѣйшіе: лагерь раскинутъ былъ о бокъ Тарковъ. Надъ нимъ виситъ крѣпость Бурная, за которую склонялось солнце; подъ скалою домъ шамхала, потомъ по крутому склону городъ, объемлющій лагерь, и къ востоку необозримая степь Каспійскаго моря. Татарскіе беки, Черкесскіе князья, казаки съ разныхъ рѣкъ необъятной Руси, аманаты съ разныхъ горъ мелькали между офицерами. Мундиры, чухи, кольчуги перемѣшаны были живописно; пѣсельники, музыка гремѣли посреди стана, и солдаты, гордо заломивъ шапки на бекрень, толпами гуляли вдали. Все плѣняло пестротою, изумляло разнообразіемъ, радовало свѣжестію, силою боевой жизни.

Капитанъ Бековичъ похвалился, что онъ отсѣчетъ кинжаломъ* голову буйволу, и сей часъ привели двѣ пары этихъ нескладныхъ животныхъ. Держали заклады, спорили, сомнѣвались: капитанъ улыбался, взмахнулъ лѣ-

---

* Очень забавно невѣріе Европейцевъ къ тому, что кинжаломъ можно отрубить голову: стóитъ пожить недѣлю въ Азіи для убѣжденія въ противномъ. Кинжалъ въ опытной рукѣ стóитъ и топора, и штыка, и сабли.

вою рукою огромный кинжалъ — и рогатая голова покатилась къ ногамъ удивленныхъ зрителей. Но за удивленіемъ, родилось желаніе сдѣлать то же: давай рубить — все напрасно. Въ свитѣ Алексѣя Петровича было много силачей и удальцевъ изъ Русскихъ и Азіятцевъ — но для этого нужна была не одна сила. Дѣти вы, дѣти! сказалъ Главнокомандующій — и всталъ — велѣлъ принести свою саблю, свой мечъ, «неударяющій дважды», какъ говаривалъ онъ. Притащили огромную, тяжелую саблю, и Алексѣй Петровичъ, какъ ни былъ увѣренъ въ силѣ своей, но подобенъ Улису въ Одиссеѣ, намазывающему елеемъ лукъ свой, котораго никто не могъ натянуть, сперва попыталъ лезвее, раза три махнулъ саблей въ воздухѣ, и потомъ уже приступилъ къ дѣлу. Закладчики не успѣли ударить по рукамъ, какъ голова буйвола вонзилась рогами въ землю. Ударъ былъ такъ быстръ и вѣренъ, что туловище нѣсколько минутъ стояло на ногахъ и потомъ тихо, тихо рухнуло. Крикъ изумленія вырвался у всѣхъ. Алексѣй Петровичъ хладнокровно посмотрѣлъ, не иззубрилась ли сабля, стоющая нѣсколько тысячъ, и подарилъ ее въ знакъ памяти, капитану Бековичу.

Мы еще жужжали между собою, когда къ Главнокомандующему явился офицеръ Липей-

ских казаков съ донесеніемъ отъ полковника Коцарева, который оставался на линіи. Прочитавъ рапортъ, Алексѣй Петровичъ разгладилъ челомъ: Коцаревъ славно поцапалъ Горцевъ, сказалъ онъ намъ. Бездѣльники эти сдѣлали набѣгъ за Терекъ, далеко прорвались за линію, ограбили одну деревню — но не только потеряли обратно полонъ, но всѣ легли жертвою безразсуднаго молодечества. Распросивъ подробно есаула, какъ было дѣло, онъ велѣлъ привести плѣнниковъ, которыхъ нашли раненными и оживили. Пятерыхъ привели передъ Главнокомандующаго.

Туча налетѣла на его чело, когда онъ ихъ увидѣлъ; брови сошлись, очи сверкнули. Мерзавцы! сказалъ онъ уздени. Вы три раза присягали не разбойничать и три раза нарушали присягу. Чего не достаетъ вамъ? Луговъ ли? Стадъ ли? Защиты ли того и другаго? Такъ нѣтъ, вы хотите брать съ Русскихъ награды за имя мирныхъ, и добычу, наводя Черкесъ на наши деревни, разбойничая съ ними вмѣстѣ! Повѣсить ихъ! сказалъ онъ грозно, повѣсить на собственныхъ воровскихъ аркканахъ. Пусть только бросятъ жеребій: четвертому воля — велѣть ему разсказать своимъ товарищамъ, что я приду научить ихъ держать слово и *заплатить* по своему.

Узденей вывели.

Остался одинъ Татарскій бекъ, и мы лишь тогда обратили на него вниманіе. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 23-хъ, красоты необыкновенной, строенъ, какъ Аполлонъ Бельведерскій. Онъ слегка поклонился Главнокомандующему, когда тотъ подошелъ къ нему, приподнялъ шапку и снова принялъ свою гордую, хладнокровную осанку: на лицѣ его была написана непоколебимая покорность къ судьбѣ своей.

Главнокомандующій смотрѣлъ ему въ очи грозными очами, но тотъ не измѣнился въ лицѣ, не опустилъ рѣсницъ.

— Аммалатъ-Бекъ, сказалъ наконецъ ему Алексѣй Петровичъ: помнишь ли ты, что ты Русскій подданный? Что надъ тобой стоятъ Русскіе законы?

— Мнѣ нельзя было забыть этого, отвѣчалъ Бекъ: если бъ въ нихъ я нашелъ защиту правъ моихъ, теперь бы не стоялъ предъ вами виновникомъ.

— Неблагодарный мальчикъ! возразилъ Главнокомандующій: отецъ твой, ты самъ враждовалъ противъ Русскихъ. Будь это при Персидскомъ владѣніи: семьи твоей не осталось бы прахомъ; но нашъ Государь былъ такъ великодушенъ, что вмѣсто казни, даровалъ тебѣ

владѣніе. И чѣмъ заплатилъ ты за милость? Тайнымъ ропотомъ и явнымъ возмущеніемъ! Этого мало: ты принялъ и скрылъ у себя заклятаго врага Россіи, ты позволилъ ему при своихъ глазахъ предательски зарубить Русскаго офицера! Со всѣмъ тѣмъ, если бъ ты принесъ покорную голову, я бы простилъ тебя за твою молодость, для обычаевъ вашихъ. Но ты бѣжалъ въ горы и вмѣстѣ съ Султанъ-Ахметъ-Ханомъ злодѣйствовалъ въ границахъ Русскихъ, былъ разбитъ, и снова сдѣлалъ набѣгъ съ Джембулатомъ. Ты долженъ знать, какая судьба ждетъ тебя.

— Знаю, отвѣчалъ Аммалатъ-Бекъ хладнокровно: меня разстрѣляютъ.

— Нѣтъ, пуля слишкомъ благородная смерть для разбойника, произнесъ разгнѣванный генералъ. Арбу вверхъ оглоблями — и узду на шею — вотъ тебѣ достойная награда.

— Все равно, какъ ни умереть, только бы умереть скоро, возразилъ Аммалатъ: я прошу одной милости, не терзать меня судомъ, это тройная смерть.

— Ты стоишь сотни смертей, дерзкій! но я обѣщаю тебѣ, такъ и быть, что завтра же тебя не станетъ. Нарядить военный судъ, сказалъ главнокомандующій, обращаясь къ начальнику своего штаба. Дѣло ясное, улики

на лице, и потому кончить все въ одно засѣданіе къ моему отъѣзду.

Онъ махнулъ рукой, и осужденнаго вывели.

Участь прекраснаго юноши тронула всѣхъ. Всѣ шептались о немъ, всѣ его жалѣли, тѣмъ болѣе, что не было средствъ его спасти. Каждый очень хорошо зналъ и необходимость наказанія за двукратную измѣну, и непзмѣнную волю Алексѣя Петровича въ дѣлахъ такой гласности, а потому никто не осмѣливался просить за несчастнаго. Главнокомандующій былъ необыкновенно угрюмъ во весь остатокъ вечера; гости разошлись рано. Я рѣшился замолвить за него слово — авось, думаю, выпрошу какое нибудь облегченіе. Я отдернулъ полу внутренней палатки и потихоньку вошелъ къ Алексѣю Петровичу. Онъ сидѣлъ одинъ, подпершись обѣими руками о столъ, на которомъ лежало недописанное имъ прямо на бѣло, донесеніе къ Государю. Алексѣй Петровичъ зналъ меня еще свитскимъ офицеромъ; мы знакомы съ нимъ съ Кульмскаго поля. Здѣсь онъ былъ всегда ко мнѣ очень хорошъ, и потому посѣщеніе мое не могло для него быть новостію. Значительно улыбнувшись, онъ сказалъ:

— Вижу, вижу, Евстафій Ивановичъ, ты

придешься подъ мое сердце! Обыкновенно ты входишь ко мнѣ, какъ на батарею, а теперь чуть ступаешь на цыпочкахъ — это не даромъ; я увѣренъ, что съ просьбой за Аммалата!

— Вы угадали, отвѣчалъ я Алексѣю Петровичу, не зная, съ чего начать.

— Садись же и потолкуемъ о томъ, произнесъ онъ; потомъ, помолчавъ минуты двѣ, дружески сказалъ мнѣ:

— Я знаю, что про меня идетъ слава, будто жизнь людей для меня игрушка, кровь ихъ вода. Самые жестокіе завоеватели скрывали подъ личиной милосердія кровожадность свою. Они боялись ненавистной молвы, совершая ненавистныя дѣла; но я — я умышленно создалъ себѣ такую славу, нарочно облекъ себя ужасомъ. Хочу и долженъ, чтобы имя мое стерегло страхомъ границы наши крѣпче цѣпей и крѣпостей, чтобы слово мое было для Азіятцевъ вѣрнѣй, неизбѣжнѣе смерти. Европейца можно убѣдить, усовѣстить, тронуть кротостію, привязать проценіемъ, закабалить благодѣяніями; но все это для Азіятца несомнѣнный знакъ слабости, и съ ними я, прямо изъ человѣколюбія, бываю жестокъ неумолимо. Одна казнь сохранитъ сотни Русскихъ отъ гибели и тысячи Мусульманъ отъ измѣны. Ев-

ставій Ивановичъ! многіе могутъ не вѣрить словамъ моимъ, потому что всякой скрываетъ природную злость и личную месть подъ отговорками въ необходимости . . . всякой съ чувствительною ужимкою говоритъ: право я бы сердечно хотѣлъ простить, но разсудите сами: могу ли я? — Что жъ послѣ этого законы? Гдѣ общая польза? Я никогда не говорю этого; на глазахъ моихъ не видятъ слезинки, когда я подписываю смертные приговоры, но сердце у меня обливается кровію!

Алексѣй Петровичъ былъ тронутъ; въ волненіи онъ прошелся нѣсколько разъ по палаткѣ, потомъ сѣлъ и продолжалъ:

— Никогда, со всѣмъ тѣмъ, не была столь тяжка для меня обязанность наказывать, какъ сегодня. Кто, подобно мнѣ, потерся между Азіятцами, тотъ, конечно, пересталъ вѣрить Лафатеру, и прекрасному лицу вѣрить не болѣе, какъ рекомендательному письму; но взглядъ, но поступь и осанка этого Аммалата произвели на меня необыкновенное впечатлѣніе: мнѣ стало жаль его.

— Великодушное сердце лучшій вдохновитель разума, сказалъ я.

— Сердце должностнаго человѣка, любезный другъ, должно быть на вытяжку предъ

умомъ. Конечно *я могу* простить Аммалата, но я *должень* казнить его. Дагестанъ еще кишитъ врагами Русскихъ, не смотря на поклоны и увѣренія въ преданности; самые Тарки готовы подняться при первомъ вѣтрѣ съ горъ; надобно пресѣчь эти ковы казнію, и показать Татарамъ, что никакая порода не спасаетъ преступника, что всѣ равны передъ лицемъ Русскаго закона. Прости же и Аммалата, какъ равъ всѣ родственники наказанныхъ прежде станутъ славить, что Ермоловъ побоялся шамхала.

Я замѣтилъ, что уваженіе къ обширному родству его будетъ имѣть доброе вліяніе на край. Особенно шамхалъ . . .

— Шамхалъ Азіятецъ, прервалъ меня Алексѣй Петровичъ: онъ будетъ радехонекъ, что этотъ претендентъ на шамхальство отправится въ Елисейскія. Впрочемъ я столь же мало забочусь угадывать или угождать желаніямъ его родственниковъ . . .

Видя, что Главнокомандующій поколебался, я сталъ его упрашивать убѣдительнѣе.

— Заставьте меня служить за троихъ—говорилъ я: — не отпускайте этотъ годъ въ отпускъ, только помилуйте этого юношу. Онъ молодъ и Россія можетъ найти въ немъ вѣрнаго слугу. Великодушіе никогда не падаетъ

напрасно. Алексѣй Петровичъ качалъ головою. Я уже дѣлалъ много неблагодарныхъ, сказалъ онъ: впрочемъ такъ и быть: я его прощаю — и не къ половинѣ: это не моя манера. Спасибо тебѣ, что ты помогъ мнѣ рѣшиться быть добрымъ, чтобъ не сказать слабымъ. Только помни мое слово: ты хочешь взять его къ себѣ — не довѣряйся же ему, не отогрѣвай змѣи на сердцѣ.

Я былъ такъ радъ успѣху, что, поблагодаря наскоро Главнокомандующаго, побѣжалъ въ палатку, въ которой содержался Аммалатъ-Бекъ. Трое часовыхъ окружали ее, въ срединѣ горѣлъ фонарь. Вхожу — плѣнникъ лежитъ на буркѣ: на лицѣ сверкаютъ слезы. Онъ не слышалъ моего прихода: такъ глубоко погруженъ былъ въ думу: кому весело разстаться съ жизнію! Я былъ счастливъ, что могъ обрадовать его въ такую горькую минуту.

— Аммалатъ, сказалъ я: Аллахъ великъ, а Сардарь милостивъ — онъ даруетъ тебѣ жизнь!

Восхищенный осужденникъ вскочилъ, хотѣлъ было говорить, но духъ занялся въ груди его — и вдругъ за тѣмъ, тѣнь сомнѣнія покрыла его лицо.

— Жизнь! произнесъ онъ . . . Я понимаю это великодушіе. Истомить человѣка въ душной тюрьмѣ безъ свѣта и воздуха, или за-

слать его въ вѣчную зиму, въ неразсвѣтающую ночь; погребсти его за-живо въ утробѣ земли, отнять у него не только волю дѣйствовать, не только удобства жить, но даже средства говорить съ родными о печальной судьбѣ своей; запрещать ему не только жалобу, но даже ропотъ на вѣтеръ — и это называете вы жизнію, и этою-то безконечною пыткою хвалитесь, какъ неслыханнымъ великодушіемъ! Скажите генералу, что я не хочу такой жизни, что я презираю такую жизнь.

— Ты ошибаешься, Аммалатъ, возразилъ я: ты прощенъ вполнѣ: останешься тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде; господинъ своимъ помѣстьямъ и поступкамъ — вотъ твоя сабля. Главнокомандующій увѣренъ, что ты отнынѣ будешь обнажать ее только за Русскихъ. Предлагаю тебѣ одно условіе: поживи со мной, покуда перенадетъ молва о твоемъ похожденіи. Ты будешь у меня, какъ другъ, какъ братъ родной.

Это изумило Азіятца. Слезы брызнули у него изъ глазъ.

— Русскіе меня побѣдили! вскричалъ онъ: простите, полковникъ, что я думалъ худо обо всѣхъ васъ. Съ этой поры я вѣрный слуга Русскому Царю, вѣрный другъ Русскимъ душей и саблею . . . сабля моя, сабля! при-

молвилъ онъ, разглядывая драгоцѣнный кинжалъ свой: пускай эти слезы смоютъ съ тебя Русскую кровь и Татарскую нефть*! Когда и чѣмъ могу заслужить я за жизнь, за волю!

Я увѣренъ, милая Марія, ты сохранишь для меня, за это дѣло, одинъ изъ самыхъ сладостныхъ поцѣлуевъ своихъ. Всегда, всегда поступая, чувствуя великодушно, я утѣшалъ себя мыслію: Марія меня похвалитъ за это! Но когда жъ это будетъ, безцѣнная? Судьба намъ мачиха. Твой трауръ длится, а мнѣ Главнокомандующій рѣшительно отказалъ въ отпускѣ, и я не сержусь, хоть очень досадно; полкъ мой разстроенъ, какъ только можно вообразить; къ тому же мнѣ поручены постройки новыхъ казармъ и поселеніе женатыхъ ротъ. Уѣзжай я на мѣсяцъ, и все пойдетъ вверхъ дномъ. Остаюсь: но что стоитъ эта жертва моему сердцу!

Вотъ уже мы три дня въ Дербентѣ. Аммалатъ живетъ со мною. Молчитъ, груститъ, дичится; но страхъ занимателенъ, не смотря на это. Онъ хорошо говоритъ по-Русски; я заставилъ его учиться грамотѣ. Понятливости необычайной; со временемъ я надѣюсь сдѣлать изъ него примѣрнаго Татарина.

---

* Для черноты и предохраненія отъ ржавчины клинки конятъ и мажутъ нефтью.

(Окончаніе письма не касается нашего предмета.)

Отрывокъ изъ другаго письма полковника Верховскаго къ его невѣстѣ, полгода спустя.

Изъ Дербента въ Смоленскъ.

. . . . Любимецъ твой Аммалатъ, милая Марія, скоро совсѣмъ обрусѣетъ. Татарскіе беки первою степенью образованія считаютъ обыкновенно беззарочное употребленіе вина и свинины: я, напротивъ, началъ перевоспитывать душу Аммалата. Выказываю, доказываю ему, что есть дурнаго въ ихъ обычаяхъ, что хорошаго въ нашихъ; толкую истины всемѣстныя и всевѣчныя. Читаю съ нимъ, пріохочиваю къ письму, и съ радостію вижу, что онъ пристрастился къ чтенію и къ сочиненію. Говорю: пристрастился, потому что каждое его желаніе, прихоть, воля, есть страсть и страсть пылкая, нетерпѣливая. Трудно вообразить, еще труднѣе понять Европейцу исплычивость необузданныхъ или лучше сказать, разнузданныхъ страстей Азіятца, у котораго съ самаго младенчества, одна воля была границею желаній. Наши страсти домашнія животныя, иль хоть и дикіе звѣри, но ручные,

смирные, выученные плясать по веревкѣ приличій, съ кольцомъ въ носу, съ обстриженными когтями; на Востокѣ онѣ вольны, какъ тигры и львы. Любопытно взглянуть на лице Аммалата, какимъ заревомъ загарается оно при первомъ противорѣчіи, какимъ огнемъ загараются очи при каждомъ спорѣ; но за то едва почувствуетъ онъ свою ошибку, онъ краснѣетъ, блѣднѣетъ, готовъ плакать. Я виноватъ, говоритъ онъ: прости меня, *тахсырумдамъ гичь!* (уничтожь вину), забудь, что я виноватъ и что ты простилъ меня! Онъ имѣетъ предоброе сердце, но сердце готовое вспыхнуть и отъ солнечнаго луча и отъ адской искры. Природа на зубокъ подарила ему все, чтобъ быть человѣкомъ въ нравственномъ и физическомъ смыслѣ, но предразсудки народные и небрежность воспитанія сдѣлали все, чтобъ изурочить, изувѣчить эти дары природы. Умъ его чудное смѣшеніе всякихъ несообразностей, мыслей самыхъ нелѣпыхъ и понятій самыхъ здравыхъ. Иногда онъ чрезвычайно быстро схватываетъ предметы отвлеченные, когда ихъ просто излагаютъ ему, и нерѣдко упорно противится самымъ близкимъ, самымъ очевиднымъ истинамъ, отъ того, что первые для него вовсе новы, а другія заслонены уже отъ него прежними вѣрованіями и впечатлѣніями. На-

чинаю вѣрить, что гораздо легче строить вновь, чѣмъ перестраивать старое.

Но отъ чего грустенъ и разсѣянъ Аммалатъ нашъ? Онъ дѣлаетъ большіе успѣхи во всемъ, что не требуетъ послѣдовательнаго размышленія, постепеннаго развитія; но когда дѣло коснется до далекихъ выводовъ, умъ его походитъ на короткое ружье, которое быстро, мѣтко и сильно, только не далеко. Но полно, умъ ли его виновать въ томъ? Не поглощено ли его вниманіе чѣмъ нибудь другимъ?... Для 23 года возраста легко можно сказать, что такое это другое. Иногда онъ, кажется, внимательно слушаетъ мои разсказы, — спрошу отвѣта, а онъ будто съ облаковъ падаетъ; иногда застаю, что слезы градомъ катятся у него по лицу — говорю ему — не видитъ и не слышитъ. Въ прошлую ночь, наконецъ, въ безпокойномъ снѣ, я слово: *Селтанетъ, Селтанетъ!* (власть, власть) вырывалось часто изъ устъ его. Ужели властолюбіе можетъ такъ мучить юное сердце? Нѣтъ, нѣтъ: иная страсть волнуетъ душу, возмущаетъ умъ Аммалата... Мнѣ ли сомнѣваться въ признакахъ божественной болѣзни — любви! Онъ влюбленъ; онъ страстно влюбленъ; но въ кого? О, я узнаю это!... дружба любопытна, какъ женщина.

ГЛАВА VI.

Выдержки изъ записокъ Аммалатъ-бека.

Переводъ съ Татарскаго.

. . . Спалъ ли я до сихъ поръ, или теперь по снѣ мечтаю? . . . Такъ этотъ-то новый міръ называется *мыслію!* . . . Прекрасный міръ! Ты долго былъ для меня мутенъ и слитенъ, какъ млечный путь, который, говорятъ, составленъ изъ тысячъ сверкающихъ звѣздъ! Мнѣ кажется, я всхожу на гору познанія изъ мрака и тумана . . . каждый шагъ открываетъ мнѣ зрѣніе шире и далѣе . . . грудь моя дышитъ свободнѣе, я гляжу въ очи солнцу . . . гляжу въ низъ — облака шумятъ подъ ногами! . . . досадныя облака! Съ земли вы мѣшаете видѣть небо, съ неба разглядывать землю!

Дивлюсь, какъ самые простые вопросы: *отъ чего* и *какъ*, не западали мнѣ въ голову прежде? Весь Божій свѣтъ, со всѣмъ, что въ немъ есть худаго и хорошаго, видѣнъ былъ въ душѣ моей, будто въ морѣ: только я зналъ о томъ столько же, какъ море, или какъ зеркало. На памяти, правда, сохранялось многое, но къ чему мнѣ служило это? Понимаетъ ли соколъ, для чего ему надѣваютъ на глаза шапочку? Понимаетъ ли конь, для чего куютъ его? Понималъ ли я, почему въ одномъ мѣстѣ необходимы горы, а въ другомъ степи, тамъ вѣчные снѣга, а тамъ океаны песковъ? Для чего нужны бури и трепетанія земли? И ты, всего чудеснѣйшій человѣкъ! мнѣ и на мысль не вспадало, чтобы слѣдить тебя отъ колыбели твоей, повѣшенной на кочевомъ вьюкѣ, до города пышнаго, какого я не видалъ, но какимъ по слухамъ восхищенъ!... Сознаюсь, что я плѣненъ уже одною оболочкою книги, не постигая смысла таинственныхъ буквъ... но В. не только манитъ меня къ познанію, но дастъ и средства присвоить ихъ. Съ нимъ, какъ съ матерью молодая ласточка, пытаю новыя крылья... Даль и вышина еще дивятъ меня, но не ужасаютъ. Придетъ пора, и я облечу поднебесье!...

. . . . Однако счастливѣй ли я съ тѣхъ поръ, какъ В. и его книги учатъ меня мыслить? Бывало, борзый конь, дорогая сабля, мѣткое ружье, радовали меня, какъ ребенка. Теперь, когда знаю преимущества ума надъ тѣломъ, для меня смѣшна, чуть не жалка прежняя моя похвальба стрѣльбой и скачкой! Стоитъ ли посвящать себя ремеслу, въ которомъ послѣдній широкоплечій пукеръ можетъ побѣдить меня? . . . Стоитъ ли полагать славу и счастье въ удальствѣ, котораго можетъ лишить первая рана, первый неловкій скачекъ? У меня вырвали эту гремушку; но чѣмъ замѣнили ее? . . . Новыми нуждами, новыми желаніями, коихъ не можетъ утомить, ни утолить самъ Алла. Я считалъ себя важнымъ человѣкомъ: я убѣдился теперь въ своемъ ничтожествѣ. Прежде, за памятью моего дѣда или прадѣда начиналась для меня ночь прошлаго, со своими сказками и грезами преданій . . . Кавказъ занималъ свѣтъ мой, но я спокойно спалъ въ этой ночи. Я полагалъ быть извѣстнымъ въ Дагестанѣ — вершина знаменитости. И что же? Исторія населила прежнюю пустыню мою народами, крутившими другъ друга со славою, героями, изумлявшими народы доблестію, до которой никогда намъ не удастся возвыситься. И гдѣ они? полузабыты, стлѣли

во прахѣ вѣковъ. И что жъ? Описаніе земель показало мнѣ, что Татары занимаютъ уголокъ свѣта, что они жалкіе дикари въ сравненіи съ Европейскими народами, и что о цѣломъ составѣ ихъ, не только объ ихъ наѣздникахъ, никто не думаетъ, не знаетъ, да и знать не хочетъ! Стоитъ ли труда быть свѣтлякомъ между червяками? Стоило ли напрягать умъ, чтобы убѣдиться въ такой горькой истинѣ?

Что мнѣ пользы въ познаніи силъ природы, когда я не могу перемѣнить души своей, повелѣвать своему сердцу! Меня учатъ заграждать море, а я не могу удержать слезы! . . . Отвожу молнію отъ кровли, а не могу стряхнуть кручины!! Не довольно ли я былъ несчастливъ одними чувствами, чтобы накликать мыслей, какъ легребовъ! Много ли выигрываетъ больной, узнавъ, что болѣзнь его неисцѣлима! . . . Мученія безнадежной любви моей стали тоньше, острѣе, разнообразнѣе съ тѣхъ поръ, какъ просвѣтлъ мой разумъ.

Нѣтъ, я несправедливъ. Чтеніе сокращаетъ мнѣ долгіе, какъ зимняя ночь, часы разлуки. Пріучивъ меня ловить на бумагу перелетныя

мысли, В. далъ мнѣ отраду сердечную. Когда нибудь свижусь я съ Селтанетою, и покажу ей эти страницы, на которыхъ имя ея чаще, нежели имя Аллы въ куранѣ... Вотъ лѣтопись моего сердца, скажу я ей... Погляди сюда: въ такой-то день я то-то о тебѣ думалъ — въ такую-то ночь я вотъ какъ видѣлъ тебя во снѣ! По этимъ листкамъ, какъ по четкамъ алмазнымъ, ты можешь счесть мои воздыханія, мои по тебѣ слезы. О милая, милая! ты не разъ улыбнешься моимъ причудливымъ мечтамъ; онѣ дадутъ надолго пищу разговорамъ нашимъ!... Но возмогу ли я вспоминать прошлое, подлѣ тебя, очаровательница?... Нѣтъ, нѣтъ... все исчезнетъ тогда передо мною и вокругъ меня, кромѣ настоящаго блаженства: быть съ тобою! О, какъ жарка и свѣтла будетъ душа моя! Растопленное солнце потечетъ мнѣ — я самъ буду плавать въ небѣ, какъ солнце! Забвеніе подлѣ тебя, сладостнѣе самой высокой мудрости!

Читаю разсказы о любви, о прелестяхъ женщинъ, объ измѣнахъ мужчинъ, и ни одна изъ нихъ не приблизится къ моей Селтанетѣ красотою души и тѣла, ни на одного изъ нихъ не похожъ самъ я. Завидую любезности, уму

любовниковъ книжныхъ: но за то какъ вяла, какъ холодна любовь ихъ! Это лучъ мѣсяца, играющій по льду! Откуда набрались Европейцы Фарсійскаго пустословія, этого пѣнія базарныхъ соловьевъ, этихъ цвѣтовъ, варенныхъ въ сахарѣ? Не могу вѣрить, чтобъ люди могли пылко любить и плодовито причитать о своей, словно наемная плакальщица по умершихъ. Расточитель раскидываетъ сокровище на вѣтеръ горстями; любитель хранитъ, лелѣетъ его, зарываетъ въ сердцѣ кладомъ!

Я молодъ — и спрашиваю: что такое дружба? Имѣю друга въ В., друга нѣжнаго, искренняго, предупредительнаго — и не есть другъ! Чувствую, упрекаю себя, что не отвѣтствую ему, какъ должно, какъ онъ заслуживаетъ: но въ моей ли это волѣ?... Въ душѣ нѣтъ мѣста никому, кромѣ Селтанеты; въ сердцѣ нѣтъ инаго чувства, кромѣ любви.

. . . Нѣтъ, не могу читать, не могу понимать, что толкуетъ мнѣ полковникъ! . . . Я обманывалъ себя, воображая, что мнѣ доступна лѣстница наукъ . . . Я утомленъ на первыхъ ступеняхъ, теряюсь на первомъ затрудненіи,

путаю нити, вмѣсто того, чтобъ развивать ихъ, дергаю, рву — и добыча моя ограничивается немногими обрывками. Обнадеживаніе полковника принялъ я за собственные успѣхи ... Но кто, но что мѣшаетъ этимъ успѣхамъ? ... То, что составляетъ счастіе и несчастіе моей жизни: любовь. Во всемъ, вездѣ вижу и слышу я Селтанету, и часто одну только Селтатанету. Устранить ее отъ мысли моей, почелъ бы я святотатствомъ; да если бъ и захотѣлъ, то не могъ бы исполнить этой рѣшимости. Могу ли я видѣть безъ воздуха? А Селтанета мой свѣтъ, мой воздухъ, жизнь моя, душа моя!

... Рука моя дрожитъ, сердце рыщетъ въ груди ... Если бъ я писалъ кровью моею, она бы сожгла бумагу. Селтанета! образъ твой преслѣдуетъ меня во снѣ и на яву! Воображеніе твоихъ прелестей опаснѣе для меня ихъ близости! Дума, что я никогда не буду владѣть ими, касаться ихъ, можетъ быть видѣть ихъ, бросаетъ меня въ страстную тоску: я вмѣстѣ таю и неистовствую!... Припоминаю себѣ каждую милую черту твоего лица, каждое положеніе твоего стройнаго стана ... и эту ножку — печать любви, и эту грудь — гранату блаженства!... Память о твоемъ голосѣ заставляетъ дро-

жать душу, какъ струну, готовую порваться отъ высокаго звука . . . И поцѣлуй твой! поцѣлуй, въ которомъ я выпилъ твою душу! . . . онъ сыплетъ розы и уголья на одинокое ложе мое . . . я сгараю; жаркія уста тонятся жаждою лобзанія; рука хочетъ обвить станъ твой, коснуться твоего колѣна ! . . О, приди . . . прилети . . . чтобы я умеръ отъ наслажденія, какъ теперь умираю отъ скуки! . . .

Полковникъ В., желая всѣми способами разсѣять печаль Аммалата, вздумалъ потѣшить его охотою на кабановъ, любимыхъ занятіехъ Дагестанскихъ бековъ.

На зовъ съѣхалось ихъ человѣкъ двадцать, каждый съ своими нукерами, каждый желая попытать счастья, погарцовать на полѣ, похвалиться удальствомъ.

Сѣдой декабрь осыпалъ уже верхъ окрестныхъ горъ порошею. По улицамъ Дербента кое-гдѣ лежалъ ледяной черепъ, но сверхъ его, густыми волнами катилась грязь по зубристой мостовой. Лѣниво плескало море въ затопленныя башни сходящихъ въ воду стѣнъ. Сквозь туманъ свистѣли крыльями стада стрепетовъ и

дудаковъ; вереницы гусей съ жалобнымъ крикомъ мелькали подъ валами: все было мрачно и угрюмо; даже глупоносносный ревъ ословъ, навьюченныхъ хворостомъ на продажу, походилъ на плачъ по красной погодѣ. Престарѣлые Татары сидѣли на базарахъ, завертывая носы свои въ шубы.

Но такая-то погода и жила охотникамъ.

Едва городскіе муллы прокричали молитву, полковникъ съ нѣсколькими изъ своихъ офицеровъ, съ городскими беками и Аммалатомъ, ѣхалъ, или лучше сказать, плылъ верхомъ, по грязи.

Поворотивъ къ сѣверу, всѣ они выѣхали за городъ въ главныя ворота (Кырхляръ-Капи), убитыя желѣзными пластами. Дорога, ведущая къ Таркамъ, бѣдна видами: кое-гдѣ вправо и влѣво гряды маренъ, потомъ обширныя кладбища и, только къ морю, рѣдкіе виноградники. За то виды сего предмѣстія гораздо величавѣе южныхъ. Вдѣлѣ, на скалахъ видѣлись Кейфары, казармы Куринскаго полка, а по обѣимъ сторонамъ дороги лежали, въ живописномъ безпорядкѣ, огромные камни, скаченные, сброшенные и оторванные силой водъ съ высотъ нагорныхъ.

Лѣсъ, осыпанный инеемъ, густѣлъ по мѣрѣ приближенія къ Велликенту, и на каждой вѣр-

ств свита В. возрастала прибывающими бегларами и агаларами *.

Облава была закинута влѣво, и скоро послышали крикъ гаяльщиковъ, собранныхъ съ окрестныхъ деревень. Охотники растянули цѣпь, кто на конѣ, кто спѣшась; скоро показались и кабаны.

Тѣнистые лѣса Дагестана, изобилующіе дубами, искони служатъ притономъ многочисленнымъ стадамъ вепрей, и хотя Татары, какъ мусульмане, считаютъ грѣхомъ прикоснуться къ нечистому животному, не только ѣсть его мясо, но истреблять ихъ почитаютъ они дѣломъ достойнымъ; но крайней мѣрѣ они учатся на нихъ стрѣлянью, и съ тѣмъ вмѣстѣ показываютъ свое удальство, ибо преслѣдованіе вепрей сопряжено съ большими опасностями, требуетъ искусства и твердости духа.

Растянутая цѣпь лонцевъ занимала большое пространство. Самые безстрашные стрѣлки выбирали мѣста самыя уединенныя, чтобы ни съ кѣмъ не дѣлить славы удачи, и для того, что на безлюдье вѣрнѣе бѣжитъ звѣрь.

Полковникъ В., надѣясь на свои исполин-

* Ларъ есть множественное число всѣхъ существительныхъ въ Татарскомъ языкѣ, а потому бегляръ — значитъ беки, агаларъ-аги. Русскіе, по незнанію, употребляютъ иногда и въ единственномъ также.

скія силы и мѣткій глазъ, забрался далеко въ чащу и остановился на полянкѣ, на которой сходилось много кабаньихъ слѣдовъ. Одинъ одинехонекъ, прислонясь къ суку обрушеннаго дуба, поджидалъ онъ добычи. То вправѣ, то влѣвѣ отъ него раздавались выстрѣлы; порой мелькалъ вдали кабанъ за деревьями; наконецъ послышался трескъ валежника и скоро потомъ показался необыкновенной величины вепрь, который несся черезъ поляну, какъ изъ пушки пущенное ядро.

Полковникъ приложился: пуля свистнула, и раненный вепрь вдругъ остановился, какъ будто отъ изумленія; но это было на мигъ; онъ съ остервенѣніемъ кинулся на выстрѣлъ: съ оскаленныхъ клыковъ его дымилась пѣна, глаза горѣли кровію, и онъ съ визгомъ близился къ непріятелю. Но В. не смутился, поджидая его ближе; въ другой разъ бракнулъ курокъ... осѣчка! отсырѣвшій порохъ не вспыхнулъ. Что оставалось дѣлать охотнику? У него не было даже кинжала на поясѣ. Бѣгство было бы напрасно; вблизи какъ нарочно ни одного толстаго дерева; только одинъ сухой сукъ возвышался отъ лежачаго подлѣ него дуба, и В. бросился на него, какъ единственное средство спасти себя отъ гибели. Едва успѣлъ онъ взобраться аршина на полтара отъ

земли, разсвирѣпѣлый кабанъ ударилъ въ сукъ клыкомъ своимъ: затрещалъ сукъ отъ удара и отъ тяжести, на немъ висящей... Напрасно В. порывался вскарабкаться выше по обледенѣлой корѣ: руки его скользили, онъ сползалъ, а звѣрь не отходилъ отъ дерева, грызъ его, поражалъ его своими острыми клыками, четвертью ниже ногъ охотника . . . Съ каждымъ мгновеніемъ ожидалъ В., что онъ падетъ въ жертву, и голосъ его умиралъ въ пустой окружности напрасно . . .

Нѣтъ не напрасно!

Конскій топотъ раздался вблизи и Аммалатъ-Бекъ прискакалъ, какъ изступленный, съ поднятою шашкою. Завидѣвъ новаго врага, вепрь обратился къ нему на встрѣчу, но прыжокъ коня въ сторону рѣшилъ бой; ударъ Аммалата повергъ его на землю.

Избавленный В. спѣшилъ обнять своего друга, но тотъ въ запальчивости еще рубилъ, терзалъ убитаго звѣря.

— Я не принимаю незаслуженной благодарности, отвѣчалъ онъ наконецъ, уклоняясь отъ объятій полковника. Этотъ самый кабанъ, въ глазахъ монхъ, растерзалъ одного Табасаранскаго бека, моего пріятеля, когда онъ, промахнувшись по немъ, занесъ ногу въ стремя. Я загорѣлся гнѣвомъ, увидѣвъ кровь то-

варища, и пустился въ погоню за кабаномъ. Чаща помѣшала мнѣ насѣсть на него по слѣду; я было совсѣмъ потерялъ его, и вотъ Богъ привелъ меня достичь это проклятое животное, когда оно готово было поразить еще благороднѣйшую жертву, васъ, моего благодѣтеля.

— Теперь мы квиты, любезный Аммалатъ! не поминай про старое. Сегодня же отомстимъ мы зубами этому клыкастому врагу за страхъ свой. Я надѣюсь, ты не откажешься прикушать запрещеннаго мясца, Аммалатъ?

— И даже запить его шампанскимъ, полковникъ. Не во гнѣвъ Магомету, я лучше люблю закаливать душу въ пѣнѣ вина, чѣмъ въ правовѣрной водицѣ.

Облава обратилась въ другую сторону; вдали слышались гай и крикъ и бубны гонящихъ Татаръ; въ другой сторонѣ по временамъ раздавались выстрѣлы. Полковнику подвели коня, и онъ, любуясь на двое разсѣченнымъ кабаномъ, потрепалъ по плечу Аммалата, примолвивъ: молодецкій ударъ!

— Въ немъ разразилась месть моя — возразилъ тотъ: а месть Азіятца тяжка!

— Ты видѣлъ, ты испыталъ, Аммалатъ, сказалъ ласково полковникъ: какъ мстятъ за зло Русскіе, т. е. Христіане, будь же это не въ упрекъ, а въ урокъ тебѣ!

И оба поскакали къ цѣпи.

Аммалатъ-Бекъ былъ чрезвычайно разсѣянъ: онъ то не отвѣчалъ, то не впопадъ отвѣчалъ на вопросы В., подлѣ котораго ѣхалъ, поглядывая во всѣ стороны. Тотъ, думая, что онъ какъ горячій охотникъ занятъ поисками, оставилъ его и поѣхалъ далѣе. Наконецъ Аммалатъ увидѣлъ, кого ждалъ такъ нетерпѣливо: къ нему на встрѣчу несся эмджекъ его, Сафиръ Али, весь забрызганъ грязью, на дымящейся лошади. Съ восклицаніями алейкюмъ-селамъ, оба они спрыгнули съ коней и сжали другъ друга въ объятіяхъ.

— И такъ ты былъ тамъ, ты видѣлъ ее, ты говорилъ съ нею? вскричалъ Аммалатъ, снимая съ себя кафтанъ и задыхаясь отъ торопливости. По лицу вижу, что ты привезъ добрыя вѣсти, и вотъ тебѣ моя новая чуха за это*. Живы ли, здоровы ли, любятъ ли меня по прежнему?

— Дай образумиться! возразилъ Сафиръ-Али. — Дай хоть духъ перевести! Ты насыпалъ сколько распросовъ, и самъ я везу столька порученій, что они столпились, какъ бабы у дверей мечети, и растеряли свои башмаки.

---

* У Татаръ непремѣнное обыкновеніе, отдавать вѣстнику чего нибудь пріятнаго свою верхнюю съ плеча одежду.

Во-первыхъ, по твоему желанью, я былъ въ Хунзахъ. Пробрался такъ тихо, что не спугнулъ ни одного дрозда съ дороги. Султанъ-Ахметъ-Ханъ здоровъ и дома. Онъ разспрашивалъ о тебѣ, преважно качалъ головою, и спросилъ, не нужно ли тебѣ веретена, разсучивать Дербентскій шелкъ? Ханша посылаетъ *тохъ селямлу.ив* (много привѣтствій,) и столько же сладкихъ пирожковъ. Я выбросилъ ихъ на первомъ привалѣ: всѣ наломались, проклятые. Сурхай-Ханъ, Нуцалъ-Ханъ . . .

— Чортъ ихъ побери однимъ разомъ! . . . Что же Селтанета?

— А га; наконецъ дотронулся до сердечной мозоли. Селтанета, милой мой, хороша, какъ небо съ звѣздами; только на этомъ небѣ я видѣлъ зарницу лишь тогда, какъ о тебѣ разговаривалъ. Она чуть не кинулась мнѣ на шею, когда наединѣ я открылъ ей причину моего пріѣзда. Я насказалъ ей верблюжій вьюкъ отъ тебя привѣтствій, увѣрилъ, что ты съ любви къ ней чуть жить, бѣдняга . . . а она такъ и заливается слезами!

— Милая, добрая душа!! Что жъ велѣла мнѣ сказать она?

— Спроси лучше, чего не велѣла! Говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ, она и во снѣ не радовалась; что зимній снѣгъ вы-

налъ на ея сердце, и одно только свиданіе съ милымъ, какъ весеннее солнце, можетъ растопить его... Впрочемъ, если бъ мнѣ дождаться конца ея наказовъ, а тебѣ моихъ пересказовъ, то мы оба пріѣхали бы въ Дербентъ съ сѣдыми бородами. Со всѣмъ тѣмъ, она чуть не выгнала меня, говоря: ей хотѣлось, чтобы ты ни минуты не сомнѣвался въ ея любви!

— Вѣтренная дѣвушка!... не знаешь ты, да и самъ я не умѣю высказать, какое блаженство мнѣ быть съ тобою, какое мученье быть въ разлукѣ, не видѣть тебя.

— То-то и есть, Аммалатъ; она крѣпко скучаетъ, что не можетъ наглядѣться на ненаглядную; говоритъ: неужели онъ не можетъ пріѣхать хоть на денекъ, хоть на часокъ, хоть на минуточку!

— Взглянуть на нее и потомъ умереть готовъ бы я!

— Эй, жить захочется, когда на нее взглянешь! Присмирѣла она противъ прежняго, а все еще такой живчикъ, что взглянетъ, такъ кровь заиграетъ.

— Разсказалъ ли ты ей, почему нельзя мнѣ выполнить ея воли и своего страстнаго желанія?

— Насказалъ такихъ небылицъ, что ты бы подумалъ, будто я стихотворецъ Персидскаго

шаха. Расплакалась Селтанета, словно горный ключъ послѣ дождя. Рюмитъ, да и все тутъ.

— Зачѣмъ же приводить ее въ отчаяніе! Нельзя теперь, не значитъ еще: на вѣкъ не возможно. Знаешь женское сердце, Сафиръ-Али: конецъ надеждѣ, для нихъ конецъ любви!

— Сѣешь слова на вѣтеръ, *джаннымъ* (душа моя). Надежда у влюбленныхъ безконечный клубокъ. Съ холодной кровью и глазамъ не вѣрится, а полюбишь, такъ и призракамъ станешь вѣрить. Я думаю, Селтанета надѣялась бы,что ты изъ гроба прискачешь къ ней, не то что изъ Дербента.

— Чѣмъ лучше гроба для меня этотъ Дербентъ! Не тѣмъ ли, что сердце чувствуетъ истлѣніе и не можетъ избѣжать его? Здѣсь одинъ трупъ мой: душа далеко, далеко!

— Кажется, и умъ у тебя нерѣдко изволитъ гулять ни вѣсть гдѣ, любезный Аммалатъ! Чѣмъ тебѣ не житье у В.! Воленъ и доволенъ: любимъ какъ братъ меньшой, лелѣемъ словно невѣста. Пусть такъ! мила твоя Селтанета; да вѣдь и В. не много. Развѣ нельзя принести въ жертву дружбѣ хоть частичку любви?

— Развѣ я этого не дѣлаю, Сафиръ-Али? Но, если бъ ты зналъ, чего мнѣ это стоитъ: все равно, если бъ я рвалъ на клочки сердце

свое. Дружба прекрасное дѣло, но она не замѣнитъ любви.

— По крайней мѣрѣ она можетъ утѣшить ее, можетъ быть, помочь ей. Говорилъ ли ты объ этомъ съ полковникомъ?

— Никакъ не рѣшусь. Слова замираютъ на губахъ, когда вздумаю завести рѣчь о любви своей. Онъ такъ разсудителенъ, что мнѣ совѣстно скучать ему своимъ безуміемъ; онъ такъ добръ, что я не смѣю употребить во зло его терпѣнія. Правду мольвить, онъ своею откровенностію вызываетъ, ободряетъ мою. Вообрази себѣ, что онъ влюбленъ отъ самаго младенчества въ женщину, съ которою выросъ, и вѣрно бы женился на ней, если бъ по ошибкѣ его не поставили въ спискѣ убитыхъ во время войны съ Фиренгами. Невѣста его поплакала, и разумѣется, ее выдали за-мужъ. Вотъ онъ летитъ на родину и находитъ свою милую женою другаго. Что жъ бы ты думалъ, что бы я сдѣлалъ въ такомъ случаѣ? вонзилъ кинжалъ въ грудь похитителя сокровища... увезъ бы ее на край свѣта, чтобы хоть часъ, хоть мигъ повладѣть ею... или хоть въ мести наслаждаться за отнятое счастіе! Ничего не бывало. Онъ узналъ, что соперникъ его предобрый и предостойный человѣкъ. Онъ имѣлъ хладнокровіе подружиться съ нимъ, имѣлъ тер-

нѣпье быть часто съ прежнею невѣстою, и ни словомъ, ни дѣломъ не измѣнить новому другу со старою подругою!

— Рѣдкій человѣкъ, если это не сказка! молвилъ Сафиръ-Али съ чувствомъ, бросивъ повода: твердый другъ!

— За то какой ледяной любовникъ! Этого мало. Чтобъ избавить отъ толковъ обоихъ супруговъ, онъ уѣхалъ сюда на службу. Недавно, къ счастію ли, къ несчастію ли его, умеръ его пріятель-соперникъ. И что же? Ты думаешь, онъ бросился скакать въ Россію? Нѣтъ, служба удержала его. Главнокомандующій сказалъ ему нѣсколько словъ, увѣрилъ, что онъ необходимъ здѣсь еще на годъ, и онъ остался, питая любовь свою бумагою. Можетъ ли такой человѣкъ, со всей своей добротою, понять страсть мою! Притомъ, между нами столько разницы въ лѣтахъ, въ понятіяхъ! Онъ убиваетъ меня своимъ недоступнымъ достоинствомъ; и все это холодитъ мою дружбу, вяжетъ искренность.

— Ты большой чудакъ, Аммалатъ: за то не любишь В., что онъ всѣхъ болѣе достоинъ любви и откровенности!

— Кто сказалъ тебѣ, что я не люблю его... Мнѣ не любить его, моего воспитателя, моего благодѣтеля? Да и могу ли кого нибудь не

любить съ тѣхъ поръ, какъ люблю Селтанету? Я люблю весь свѣтъ, всѣхъ людей!

— Не по многу же достанется на брата! сказалъ Сафиръ-Али.

— Стало бы не только напоить, но утопить весь міръ! возразилъ, улыбаясь, Аммалатъ.

— А га! Вотъ что значитъ, видѣть красавицъ безъ покрывала, и потомъ ничего не видѣть, кромѣ покрывалъ и бровей. Видно тебѣ, какъ Урмійскому соловью *, надобна для пѣсень клѣтка.

Такъ разговаривая, друзья скрылись въ чащѣ лѣса.

---

* Урмійская долина есть садъ печальной, каменистой Персіи. Весною, это царство розъ, осенью винограда.

ГЛАВА VII.

Отрывокъ изъ письма полковника В. къ его невѣстѣ.

Дербентъ, Апрѣль.

Прилети ко мнѣ, сердце моего сердца, милая Марія! полюбуйся на прелестную, нѣжную ночь Дагестана. Тихъ лежитъ подо мною Дербентъ, подобенъ черной, полосѣ лавы, упавшей съ Кавказа и въ морѣ застылой. Вѣтерокъ напѣваетъ мнѣ благоуханіе цвѣтущихъ миндальныхъ деревьевъ, соловьи перекликаются въ ущеліи, сзади крѣпости; все дышитъ жизнію и любовью, и стыдливая природа, полная симъ чувствомъ, какъ невѣста, задер-

нулась дымкой туманов. И как дивно разлилось их море надъ моремъ Каспійскимъ! Нижнее колышется, какъ вороненая кольчуга, верхнее ходитъ серебряной зыбью, озаренное полною луною, которая катится по небу словно золотая чаша, и звѣзды блещутъ кругомъ нее, какъ разбрызганныя капли. Каждый мигъ, отраженіе лучей луны въ парахъ ночи измѣняетъ картины, упреждая самое воображеніе, то изумляя чудесностію, то поражая новостію. Иногда, кажется, будто видишь скалы дикаго берега и объ нихъ въ пѣну разбитый прибой . . . Валы катятся въ битву, буруны крутятся, пѣнистки летятъ высоко; но безмолвно, медленно опадаетъ волненіе, и серебряныя пальмы возникаютъ изъ лона потопа, вѣтеръ движетъ ихъ стебли, играетъ ихъ долгими листьями — и вотъ они распахнулись парусами корабля, скользящаго по воздушному океану! Видишь, какъ онъ качается: брызги дождятъ на грудь его, волны скользятъ вдоль реберъ, и гдѣ онъ? . . . гдѣ самъ я? . . .

Не повѣришь, безцѣнная, какое сладостно-грустное чувство наводитъ на меня шумъ и видъ моря. Съ нимъ неразлучна во мнѣ мысль о вѣчности, о безконечности, о любви нашей. Видно, сама она безгранична, какъ вѣчность. Чувствую, душа моя будто разливается и объ-

емлетъ міръ, подобно океану, свѣтлыми волнами любви: она во мнѣ и окрестъ меня, она единственное, великое, безсмертное во мнѣ чувство. Искра его грѣетъ и озаряетъ меня въ зиму горестей, въ ночи сомнѣній. Тогда я такъ беззавѣтно люблю, такъ тепло вѣрю и вѣрую!!! Ты улыбаешься моей мечтательности, другъ и подруга души моей! Ты изумляешься этому туманному нарѣчію! . . . не вини меня. Духъ мой, какъ жилецъ инаго свѣта, не можетъ противостать призывному мерцанію мѣсячнаго луча... отрясаетъ могильный прахъ, разыгрывается и, какъ лучъ мѣсяца, обрисовываетъ всѣ предметы тускло, неопредѣленно. Впрочемъ, ты знаешь, что къ одной тебѣ пишу я все, что ни вспадетъ на стекло моего волшебнаго фонаря, сердца, увѣренный, что сердцемъ, а не привязчивымъ умомъ будешь ты разгадывать сказанное. Притомъ, въ августѣ мѣсяцѣ счастливый женихъ твой будетъ лично пояснять всѣ темныя мѣста въ своихъ письмахъ. Не могу вздумать безъ восхищенія о минутѣ встрѣчи нашей! . . . Я считаю песчинки часовъ, разлучающія насъ, считаю версты, между нами лежащія. И такъ въ половинѣ іюня ты будешь на Кавказскихъ водахъ? И такъ лишь одна ледяная цѣпь Кавказа останется между двумя пылкими сердца-

ми . . . . Какъ близко и какъ еще неизмѣримо далеко будемъ мы другъ отъ друга! О, сколько бы лѣтъ жизни отдалъ я, чтобы приблизить часъ свиданія! Души наши обручены такъ давно . . . для чего жъ разлучены доселѣ? . . . . . Аммалатъ мой скрытенъ и недовѣрчивъ. Я не виню. Я знаю, какъ трудно переломить привычки, всосанныя съ материнскимъ молокомъ и съ воздухомъ родины. Варварскій деспотизмъ Персіи, столь долго владѣвшей Адербиджаномъ, воспиталъ въ Кавказскихъ Татарахъ самыя низкія страсти, ввелъ въ честь самые презрительные пороки. Да и могло ли быть иначе въ правленіи, основанномъ на размѣнѣ крупнаго деспотизма на мелкій, гдѣ и самая справедливость суда поражаетъ украдкою, гдѣ хищеніе есть преимущество власти? Дѣлай со мною что хочешь, но позволь мнѣ дѣлать съ нижними что я хочу, вотъ Азіятское управленіе, честолюбіе и нравственность. Отъ этого каждый, находясь между двумя врагами, привыкалъ прятать свои мысли, какъ свои деньги. Отъ этого каждый старался лукавить передъ сильнымъ, чтобы добыть черезъ него силу, и передъ богатымъ, чтобы выжать изъ него взятку угнетеніемъ или доносомъ. Отъ этого здѣшній Татаринъ не скажетъ слова, не

ступитъ шага даромъ, не подарить огурца безъ надежды получить за него отдарокъ. Грубый до дерзости съ каждымъ, кто не облеченъ властію, онъ плашмя передъ чиномъ, передъ полнымъ карманомъ. Горстями сыплетъ лесть, отдастъ вамъ домъ, дѣтей, душу свою, для того, чтобы словами уклонить отъ себя дѣло, и если дѣлаетъ услугу, то вѣрно по расчету. Въ дѣлахъ денежныхъ (это самая слабая сторона Татаръ), червонецъ есть камень преткновенія: трудно вообразить, до какой степени падки они до выгодъ! Армяне тысячу разъ ниже ихъ въ характерѣ, но едвали они уступятъ имъ въ продажности, въ корыстолюбіи... et c'est tout dire. Мудрено ли же, что съ младенчества видя такіе примѣры, Аммалатъ, хотя и сохранилъ въ себѣ свойственное благородной крови отвращеніе ко всему низкому, но принялъ скрытность, какъ необходимое оборонительное оружіе противу явныхъ злодѣевъ своихъ и тайныхъ недоброхотовъ? Священные узы родства почти не существуютъ для Азіятца. У нихъ сынъ рабъ своего отца; братъ его соперникъ. Нѣтъ довѣрія къ ближнему, потому что нѣтъ вѣрности ни въ комъ. Ревность къ женамъ и подозрѣніе въ подъискахъ задушаютъ братство и дружество. Ребенокъ, воспитанный матерью невольницею, незнающій

ласки отца, и потомъ задушенный Арабскою грязотою, скрывается въ самомъ себѣ даже и отъ товарищей; съ первыхъ ногтей заботится только о себѣ. Съ первымъ пухомъ на бородѣ, для него закрыты всѣ двери и всѣ сердца: мужья смотрятъ на него изкоса, женщины бѣгутъ какъ отъ звѣря, и первыя, самыя невинныя движенія его сердца, первый голосъ человѣчества, первое стремленіе природы — суть уже преступленія передъ изувѣрскимъ Магометанствомъ. Онъ не смѣетъ открыть ихъ родному, довѣрить пріятелю . . . онъ долженъ даже плакать тайно отъ другихъ.

Все это говорю я, милая Марія, въ извиненіе Аммалату: полтора года живетъ онъ у меня, и до сихъ поръ не открылся мнѣ кого любитъ, хотя очень могъ видѣть, что не изъ пустаго любопытства, а изъ душевнаго участія хотѣлъ я вызнать тайны его сердца. Наконецъ онъ разсказалъ мнѣ все, и вотъ какъ это случилось.

Вчера я выѣхалъ съ Аммалатомъ прогуляться за городъ. Мы поднялись по ущелію въ гору, на западъ; далѣе и далѣе, выше и выше, мы незамѣтно очутились подлѣ деревни Кенкъ, рядомъ съ которою видна уже стѣна, защищавшая нѣкогда Персію отъ набѣговъ кочевыхъ народовъ Закавказскихъ степей, ча-

сто громившихъ ея границы. Дербентская лѣтопись (Дербентъ-наме) приписываетъ, но невѣрно, ея незапамятную постройку какому-то Исфендіару: вотъ начало молвы, передавшей сей трудъ Искендару, т. е. Александру Великому, никогда въ этихъ краяхъ не бывавшему. Царь Нушірванъ открылъ ее, возобновилъ, и поселилъ при ней стражу. Не разъ въ послѣдствіи была она поправляема, и снова падала въ прахъ, заростала, какъ теперь, вѣковыми деревьями. Осталось повѣрье, будто стѣна эта отъ Каспія шла до Чернаго моря *, пере-

* Я убѣжденъ, что Кавказскія ворота древнихъ, желѣзныя ворота Русскихъ историковъ, находились не въ Дербентѣ, а въ Дарьялѣ (*Дар-ель* — узкая дорога, тѣснина). Что Восточные историки, называя иногда Дербентъ *Темиръ-Капи*, это не доказательство: они и двадцать другихъ городовъ величали тѣмъ же именемъ; а нынѣ, вопреки разсказамъ иныхъ, вторящихъ одно и то же путешественниковъ, въ цѣлой Азіи никто не знаетъ Дербента подъ названіемъ желѣзныхъ воротъ. Плиній описываетъ Дарьялъ очень подробно. Прокопій называетъ оный Каспійскими воротами, но видимо разумѣетъ Дарьялъ, а не Дербентъ. И наконецъ ханъ Половецкій, разбитый Мономахомъ, ушелъ въ Абазинскую землю за Желѣзныя ворота, слѣдственно за Дарьялъ, а не Дербентъ, ибо черезъ сей послѣдній нѣтъ средства пробраться въ Абхазію. Грузинскія лѣтописи приписываютъ построеніе Дарьяльскаго замка Мирвану, царю своему; Прокопій отдастъ эту честь Александру, сыну Филиппа!!!

сѣкая весь Кавказъ, имѣя крайними *желѣзными воротами* Дербентъ, а средними Дарьялъ: но это болѣе чѣмъ сомнительно вообще, хотя несомнѣнно въ частномъ. Слѣды ея, видимые далеко въ горахъ, прерываются только обрывами и ущеліями до военной дороги, но оттуда къ Черному морю, кажется, по Мингреліи нѣтъ никакихъ признаковъ продолженія.

Я съ любопытствомъ разсматривалъ эту огромную стѣну, укрѣпленную частыми башнями, дивясь величію древнихъ даже въ самыхъ безумныхъ прихотяхъ деспотизма, величію, до котораго достигнуть не дерзаютъ и мыслію, не только исполненіемъ, нынѣшніе женоподобные властители Востока. Чудеса Вавилона, Меридово озеро, пирамиды Фараоновъ, безконечная ограда Китая, и эта стѣна, проведенная въ мѣстахъ дикихъ, безлюдныхъ, по высямъ хребтовъ, по безднамъ ущелій — свидѣтели желѣзной, исполинской воли и необъятной власти прежнихъ царей. Ни время, ни землетрясенія не могли совершенно разрушить трудовъ тлѣннаго человѣка, и пята тысящелѣтій не совсѣмъ раздавила, не совсѣмъ втоптала въ землю остатки древности назанамятной. Мѣста эти возбуждали во мнѣ еще благоговѣйнѣе думы . . . Я бродилъ по слѣдамъ великаго Петра, я воображалъ Его, основателя,

преобразователя юнаго царства, на сих развалинах дряхлеющих царств Азіи, из среды коих вырвалъ Онъ Русь и мочной десницею вкатилъ въ Европу. Какой огонь сверкалъ тогда въ орлиномъ взорѣ Его, брошенномъ съ выси Кавказа! Какія геніяльныя думы звѣздились въ умѣ, какія святыя чувства вздымали геройскую грудь! Великая судьба отечества развивалась передъ Его очами, вмѣстѣ съ горизонтомъ; въ зеркалѣ Каспія зрѣлась Ему картина будущаго благоденствія Россіи, Имъ посѣяннаго, окропленнаго кровавымъ Его потомъ. Не пустыя завоеванія, но побѣда надъ варварствомъ, но благо человѣчества были Его цѣлію. Дербентъ, Бака, Астрабатъ: вотъ звенья цѣпи, которою хотѣлъ Онъ опутать Кавказъ и связать торговлю Индіи съ Русскою. Полубогъ сѣвера! Ты, котораго создала природа, чтобы польстить гордости человѣка и привести въ отчаяніе недоступнымъ величіемъ! Твоя тѣнь возникла передо мной, огромна и лучезарна, и водопадъ вѣковъ, казалось, разсыпался въ пѣну у твоихъ стопъ*! Задумчивъ и безмолвенъ ѣхалъ я далѣе.

---

* Татары съ уваженіемъ вспоминаютъ Петра. Угловая комната, въ которой жилъ онъ въ ханскомъ домѣ въ крѣпости Дербента, сохранилась, какъ она бы-

Кавказская стѣна одѣта съ сѣвера тесаными плитами, чисто и крѣпко на извести сложенными. Многіе зубцы еще цѣлы, но слабыя сѣмена, запавшія въ трещины, въ спаи, раздираютъ камни корнями деревьевъ, изъ нихъ произросшихъ, и въ союзѣ съ дождями низвергаютъ долу громады: и по развалинамъ всходятъ, будто на приступъ, раины, дубы, гранаты. Орелъ невозмутимо вьетъ гнѣздо въ башнѣ, когда-то полной воинами, и на очагѣ, внутри ея, холодномъ уже нѣсколько вѣковъ, лежатъ свѣжія кости дикихъ козъ, натасканныя туда шакалами. Нидѣ исчезалъ вовсе слѣдъ развалинъ, и потомъ отрывки стѣны возникали снова изъ-подъ травы и лѣса. Такъ проѣхавъ версты три вдоль, достигли мы до воротъ и проѣхали на южную сторону, сквозь сводъ, подернутый мохомъ и заросшій кустарникомъ. Не успѣли мы сдѣлать 20 шаговъ, какъ вдругъ, за огромною и высокою башнею, наткнулись на шестерыхъ вооруженныхъ Горцевъ, по всѣмъ примѣтамъ принадлежавшихъ къ разбойничьимъ шайкамъ вольныхъ Табаса-

---

ла при немъ. Русскіе все передѣлали; не пощадили даже окна, изъ котораго любовался онъ моремъ. Петръ оставилъ здѣсь маіора Туркула, родомъ Венгерца, который усовершилъ винодѣліе; теперь нѣтъ въ Дербентѣ даже порядочнаго уксусу!

рацевъ. Они лежали въ тѣни, близъ пасущихся коней своихъ. Я обомлѣлъ. Я тогда только разсудилъ, какъ безразсудно поступилъ, заѣхавъ такъ далеко отъ Дербента безъ конвоя. Скакать назадъ было невозможно по кустамъ и каменьямъ; драться съ шестерыми удальцами было бы отчаянно; со всѣмъ тѣмъ я схватился за сѣдельный пистолетъ; но Аммалатъ-бекъ, увидѣвъ дѣло, опередилъ меня, сказавъ тихо: не беритесь за оружіе, или мы погибли.

Разбойники, замѣтивъ насъ, вскочили и выправили ружья; только одинъ широкоплечій, видный, съ самымъ звѣрскимъ лицемъ Лезгинъ, остался лежащимъ на землѣ: онъ хладнокровно приподнялъ голову, посмотрѣлъ на насъ и махнулъ своимъ рукою. Въ одну минуту мы очутились въ кругу ихъ, между тѣмъ какъ узкая тропа впередъ загражденна осталась атаманомъ.

— Прошу долой съ коней, милые гости, произнесъ онъ, улыбаясь; но видно было, что вторымъ приглашеніемъ будетъ пуля. Я мѣшкалъ, но Аммалатъ-бекъ проворно соскочилъ съ коня и прямо пошелъ къ атаману.

— Здорово, сказалъ онъ ему: здорово, сорви-голова! Не чаялъ я тебя видѣть: я думалъ, изъ тебя ужъ давно черти лапшу сдѣлали.

— Скоро ѣздишь, Аммалатъ-бекъ! отвѣчалъ тотъ. Я надѣюсь еще выкормить здѣшнихъ орловъ тѣлами Русскихъ, и вашей братьи Татаръ, у которыхъ киса больше, чѣмъ сердце.

— Ну что, какова ловля, Шемарданъ? спросилъ небрежно Аммалатъ-бекъ.

— Было плохо. Русскіе сторожки, и развѣ съ лезвія случалось угнать полковой табунъ, или продать въ горы человѣкъ двухъ солдатъ. Съ мареной и шелкомъ громоздко возиться, а Персидскихъ тканей стали мало возить на арбахъ. Приходилось и сегодня порыскать и повыть даромъ по-волчьи, да, спасибо, Аллахъ смилостивился: въ руки далъ богатаго бека и Русскаго полковника!

У меня замерло сердце, когда я услышалъ эти слова.

— Не продавай сокола въ небѣ, возразилъ Аммалатъ: продавай, когда посадишь его на перчатку.

Разбойникъ сѣлъ, схватился за курокъ ружья и устремилъ на насъ проницательные взоры.

— Послушай, Аммалатъ! — сказалъ онъ. Неужели вы думаете убѣжать отъ меня? неужели дерзнете защищаться?

— Будь покоенъ, возразилъ Аммалатъ. Что мы за глупцы итти двумъ на шестерыхъ? Лю-

бо намъ золото, однако душа дороже. Попались, такъ нечего дѣлать: лишь бы ты не заломилъ безпутной цѣны за выкупъ. У меня, самъ ты знаешь, ни отца, ни матери, а у полковника и подавно ни роду, ни племени.

— Нѣтъ отца, такъ есть наслѣдство отъ отца. Вѣдь мнѣ съ тобой не родней считаться. Впрочемъ, я человѣкъ совѣстливый: нѣтъ червонцевъ, такъ я возьму и баранами; а про полковника ты не пой мнѣ пѣсень: я знаю, что за него отдадутъ всѣ солдаты послѣднюю пуговицу съ мундира. Ужъ коли за Ш.* дали выкупу десять тысячъ рублевиковъ, за этого дадутъ и больше. Впрочемъ увидимъ, увидимъ! Коли будете смирны . . . Я вѣдь не Джеудъ (Жидъ) какой, не людоѣдъ, первіадеръ (всевышній) прости.

— Ну то-то же, пріятель: корми да пои насъ хорошенько, такъ прислугу даю и честью моей завѣрю, мы не задумаемъ ни бить тебя, ни бѣжать отъ тебя.

— Вѣрю, вѣрю! люблю, что безъ шуму дѣло сладили. Какой ты молодецъ сталъ, Аммалатъ: конь не конь, ружье не ружье; заглядѣнье да и только! Покажи-ка, другъ, кин-

---

* Полковникъ Ш. былъ выкупленъ офицерами Кавказскаго корпуса.

жалъ свой? Вѣрно Кубачинская насѣчка на ножнахъ.

— Нѣтъ, Кизлярская, отвѣчалъ Аммалатъ, покойно разстегивая поясокъ кинжала. Да клинокъ-то посмотри: диво! гвоздь пополамъ, словно свѣчку. На этой сторонѣ имя мастера: на, хоть самъ читай: *Али-уста Козанищскій!*

И между тѣмъ онъ повертывалъ обнаженнымъ клинкомъ передъ глазами жаднаго Лезгина, который хотѣлъ показать, что знаетъ грамотѣ, и со вниманіемъ разбиралъ связную надпись . . .

Но вдругъ кинжалъ сверкнулъ какъ молнія: Аммалатъ, улуча мигъ, рубнулъ Шемардана по головѣ со всего размаха, и ударъ былъ столь жестокъ, что кинжалъ остановился въ зубахъ нижней челюсти. Трупъ рухнулъ на траву. Не сводя глазъ съ Аммалата, я послѣдовалъ его примѣру и положилъ изъ пистолета ближняго ко мнѣ разбойника, державшаго за узду моего коня. Это было знакомъ къ бѣгству остальныхъ бездѣльниковъ: какъ будто со смертью атамана расторгся узелъ своры, на которую были они привязаны.

Между тѣмъ какъ Аммалатъ, по Азіятскому обычаю, снималъ съ убитыхъ оружіе и связывалъ вмѣстѣ поводья оставленныхъ коней, я выговаривалъ ему за его притворство и клятвы

передъ разбойникомъ. Онъ съ удивленіемъ поднялъ голову:

— Чудный вы человѣкъ, полковникъ! возразилъ онъ мнѣ. Этотъ злодѣй надѣлалъ, изподтишка, Русскимъ тьму вреда, то пожигая стоги сѣна, то уводя въ плѣнъ одинокихъ солдатъ, дровосѣковъ! Знаете ли, что онъ бы замучилъ, истиранилъ насъ для того, чтобы мы пожалобнѣе писали къ своимъ и тѣмъ болѣе дали выкупу.

— Все это такъ, Аммалатъ, сказалъ я: но лгать, но клясться не должно ни въ шуткѣ, ни въ бѣдѣ. Развѣ не могли мы прямо кинуться на разбойниковъ, и начать тѣмъ, чѣмъ кончили?

— Нѣтъ, полковникъ, не могли. Если бъ я не заговорилъ атамана, насъ бы при первомъ движеніи пронзили пулями. Притомъ, я знаю эту сволочь весьма хорошо: они храбры только въ глазахъ атамана, и съ него надобно было начать расправу.

Я качалъ головою. Азіятское коварство, хотя и спасло меня, но не могло мнѣ понравиться. Какую вѣру могу я имѣть къ людямъ, привыкшимъ играть честью и душею! Мы сбирались было садиться на коней, когда услышали стонъ раненаго мною Горца. Онъ очнулся, приподнялся и жалобно умолялъ насъ

не покидать его на съѣденье звѣрямъ лѣснымъ. Мы оба кинулись помочь несчастному, и каково было удивленіе Аммалата, когда онъ узналъ въ немъ одного изъ нукеровъ Султанъ-Ахметъ-Хана Аварскаго. На вопросъ, какъ онъ попалъ въ шайку разбойниковъ, онъ отвѣчалъ:

— Шайтанъ соблазнилъ меня. Ханъ послалъ меня въ сосѣднюю деревню Кемекъ, съ письмомъ къ славному гакиму (доктору) Ибрагиму, за какой-то травой, что, говорятъ, всякую болѣсть какъ рукой снимаетъ. На бѣду повстрѣчалъ меня на дорогѣ Шемарданъ! Пристаетъ: поѣдемъ, да поѣдемъ со мной наѣздничать. Изъ Кубы ѣдетъ Армянинъ съ деньгами: не утерпѣло сердце молодецкое... охъ, Алла гиль Алла! Вынулъ онъ изъ меня душу.

— Тебя послали за лекарствомъ, говоришь ты? спросилъ Аммалатъ. Да кто же у васъ боленъ?

— Наша ханумъ Селтанета при смерти: вотъ и писанье къ лекарю про болѣзнь ея.

При этомъ словѣ онъ отдалъ Аммалату серебряную трубочку, въ которую вложена была свитая бумажка.

Аммалатъ побѣлѣлъ, какъ смерть: руки его дрожали, очи скрылись подъ бровями, когда пробѣгалъ онъ записку... прерывающимся голосомъ повторялъ онъ несвязныя слова:

— Нѣтъ, не спитъ уже три ночи . . . бредитъ! жизнь ея въ опасности, спасите! — Боже правды! а я здѣсь веселюсь, праздничаю, въ то время, какъ душа души моей готова покинуть землю и оставить меня тлѣющимъ трупомъ! О, да падутъ на голову мою всѣ ея болѣзни*, да лягу я въ гробъ, если этимъ искупится ея здоровье! Милая, прелестная дѣвушка! Ты вянешь, роза Аваріи, и на тебя простерла судьба свои желѣзныя когти! Полковникъ! вскричалъ онъ наконецъ, схватилъ меня за руку. Исполните мою единственную, священную просьбу! позвольте мнѣ еще хоть однажды взглянуть на нее . . .

— На кого, другъ мой?

— На мою безцѣнную Селтанету, на дочь хана Аварскаго, которую люблю болѣе чѣмъ жизнь, чѣмъ душу свою . . . Она больна, она умираетъ, можетъ быть, ужъ умерла теперь, когда я терю слова даромъ! И не я принялъ въ сердце послѣдній взоръ, послѣдній вздохъ ея, не я отеръ ледяную слезу кончины. О зачѣмъ угли разрушеннаго солнца не падутъ на мою голову, зачѣмъ не погребетъ меня земля въ своихъ развалинахъ!

Онъ упалъ на грудь мою и, задушенный

---

* Это самое нѣжное выраженіе Татарскихъ пѣсенъ, и самый обязательный привѣтъ женщинѣ.

тоскою, рыдалъ безъ слезъ, не могши промолвить слова.

Не время было упрекать его въ недовѣрчивости, еще менѣе представлять причины, по которымъ ему бы неприлично было ѣхать ко врагу Русскихъ. Есть обстоятелства, предъ которыми разсыпаются въ прахъ всѣ приличія: и я чувствовалъ, что Аммалатъ находился въ подобныхъ. На свой страхъ рѣшился я отпустить его. Кто обвыкаетъ отъ чистаго сердца и скоро, тотъ обвыкаетъ дважды, моя любимая пословица и твердое правило. Я сжалъ въ объятіяхъ тоскующаго Татарина, и слезы наши смѣшались.

— Другъ Аммалатъ! сказалъ я: сѣвши, куда зоветъ тебя сердце. Дай Богъ, чтобы ты принесъ туда выздоровленіе, а оттуда покой душевный . . . Счастливый путь!

— Прощайте, благодѣтель мой! произнесъ онъ тронутый — и можетъ быть на вѣкъ. Я не ворочусь къ жизни, если Алла отниметъ у меня Селтанету. Богъ да хранитъ васъ.

Мы завезли раненаго Аварца къ такому Ибрагиму, взяли у него по реценту ханскому травы цѣлительной, и черезъ часъ Аммалатъ-бекъ съ четырьмя нукерами, уже выѣхалъ изъ Дербента.

И такъ загадка разгадалась: онъ любитъ. Это

плохо, а еще того хуже, что онъ любимъ взаимно. Я вижу, милая, я слышу твое изумленіе. Можетъ ли то быть несчастіемъ для другаго, чего ждешь ты для себя, какъ благополучія? спрашиваешь ты . . . Одно зернышко терпѣнія, ангелъ души моей! Ханъ, отецъ Селтанеты, непримиримый врагъ Россіи, тѣмъ болѣе, что, будучи взысканъ Царскими милостями, онъ измѣнилъ онымъ; слѣдственно бракъ возможенъ только въ такомъ случаѣ, когда Аммалатъ измѣнитъ Русскимъ, или ханъ смирится предъ ними и будетъ прощенъ: обѣ вещи малосбыточныя. Я самъ испыталъ горе, безнадежье въ любви; я много пролилъ слезъ на уединенное изголовье мое, и сколько разъ жаждалъ могильной тѣни, чтобы простудить въ ней бѣдное сердце! Могу ли же не жалѣть юноши, котораго люблю безкорыстно, который любитъ безнадежно! Но это не намоститъ моста къ счастью, и потому думаю, что если бъ онъ не имѣлъ несчастья быть любимымъ взаимно, онъ бы понемногу забылъ ее.

— Однако, говоришь ты (и мнѣ кажется, я слышу твой серебристый голосъ, любуюсь твоей ангельской улыбкою), однако обстоятельства могутъ перемѣниться для нихъ, какъ они перемѣнились для насъ. Неужели одно несчастіе имѣетъ привиллегію быть вѣчнымъ на

свѣтѣ? Не спорю, милая, но со вздохомъ признаюсь: сомнѣваюсь... даже и боюсь за нихъ и за насъ. Судьба улыбается намъ; надежда поетъ сладкія пѣсни: но судьба — море, надежда — сирена морская: опасна тишина перваго, гибельны обѣты второй. Все, кажется, споспѣшествуетъ нашему соединенію: но вмѣстѣ ли мы? Не понимаю, отъ чего, милая Марія, холодъ вникаетъ въ грудь вмѣстѣ съ самыми жаркими мечтами о будущемъ блаженствѣ, и мысль о свиданіи потеряла свою опредѣленность. Но это все минетъ, все обратится въ наслажденіе, когда я прижму твою ручку къ устамъ своимъ, твое сердце къ своему сердцу!! Ярче сверкаетъ радуга на черномъ полѣ тучъ, и самыя счастливѣйшія мгновенія жизни суть междометія горести.

ГЛАВА VIII.

Аммалатъ загналъ двухъ коней и бросилъ на дорогѣ пукеровъ своихъ; за то къ концу другаго дня былъ уже невдалекѣ отъ Хунзаха. Съ каждымъ шагомъ росло его нетерпѣніе и съ каждымъ шагомъ увеличивался страхъ не застать въ живыхъ свою жилую. Онъ затрепеталъ, когда показались ему изъ утесовъ верхи башенъ ханскаго дома . . . въ глазахъ померкло. Жизнь или смерть встрѣчу я тамъ? молвилъ онъ въ самомъ себѣ, и, скрѣпя сердце, удвоилъ бѣгъ коня.

Онъ настигъ всадника, вооруженнаго съ головы до ногъ; другой всадникъ ѣхалъ изъ Хунзаха ему на встрѣчу, и едва завидѣли и разглядѣли они другъ друга, пустили коней

вскачь, съѣхались, соскочили на землю, и вдругъ, обнаживъ сабли, съ ожесточеніемъ кинулись другъ на друга, не вымолвивъ ни одного слова, какъ будто бы удары были обычнымъ дорожнымъ привѣтствіемъ.

Аммалатъ-бекъ, которому они заградили узкую тропинку между скалъ, съ изумленіемъ смотрѣлъ на бой двухъ противниковъ: онъ былъ коротокъ. Попутный всадникъ упалъ на камни, обливая ихъ кровію изъ разверстаго черепа; побѣдитель, хладнокровно отирая полосу, обратилъ слово къ Аммалату.

— Кстати приходъ твой! Я радъ, что судьба привела тебя въ свидѣтели нашего поединка. Богъ, а не я, убилъ обидчика, и теперь родные его не скажутъ, что я умертвилъ врага украдкою изъ-за камня, не подымутъ на мою голову мести крови.

— За что встала у тебя ссора съ нимъ? спросилъ Аммалатъ. За что заключилъ ты ее такой ужасною местью?

— Этотъ харамъ-зада, отвѣчалъ всадникъ, не поладилъ со мной за подѣлъ грабленныхъ барановъ, въ досадѣ мы всѣхъ ихъ перерѣзали: не доставайся же никому . . . и онъ дерзнулъ выбранить жену мою. Пускай бы онъ лучше опозорилъ гробъ отца и доброе имя матери, нежели тронулъ славу жены! Я было

кинулся на него съ кинжаломъ, да насъ розняли; мы стакнулись при первой встрѣчѣ рубиться, и вотъ Аллахъ разсудилъ насъ. Бекъ вѣрно ѣдетъ въ Хунзахъ, вѣрно въ гости къ хану? примолвилъ всадникъ.

Аммалатъ, заставляя своего коня перепрыгнуть черезъ трупъ, лежащій поперегъ дороги, отвѣчалъ утвердительно.

— Не въ пору ѣдешь, бекъ, очень не въ пору!

Вся кровь кинулась въ голову Аммалата. — Развѣ въ домѣ хана случилось какое несчастье? — спросилъ онъ, удерживая коня, котораго за мигъ прежде, ударилъ плетью, чтобы скорѣй домчаться до Хунзаха.

— Не то, чтобы несчастье: у него крѣпко была больна дочь Селтанета, и теперь . . .

— Умерла? — вскричалъ Аммалатъ, блѣднѣя.

— Можетъ быть, и умерла; по крайней мѣрѣ умираетъ. Когда я проѣзжалъ мимо ханскихъ воротъ, на дворѣ поднялась такая бѣготня и плачъ и вой женщинъ, будто Русскіе берутъ Хунзахъ приступомъ . . . Заѣзжай, сдѣлай милость . . .

Но Аммалатъ уже не слыхалъ ничего болѣе: онъ стремглавъ ускакалъ отъ удивленнаго узденя, только пыль катилась дымомъ съ доро-

ги, словно зажженной искрами, сыплющимся изъ-подъ копытъ. Быстро прогремѣлъ онъ по извилистымъ улицамъ, взлетѣлъ на гору, спрыгнулъ съ коня среди двора ханскаго, и задыхаясь, пробѣжалъ по переходамъ до комнаты Селтанеты, опрокидывая, растаскивая нукеровъ и прислужницъ и наконецъ, не примѣтивъ ни хана, ни жены его, прорвался до самаго ложа больной, и почти безъ памяти упалъ при немъ на колѣни.

Внезапный, шумный приходъ Аммалата возмутилъ печальное общество присутствующихъ.

Селтанета, въ которой кончина пересиливала уже бытіе, будто проснулась изъ томительнаго забытья горячки: щеки ея горѣли обманчивымъ румянцемъ, какъ осенній листъ передъ паденьемъ, въ туманныхъ глазахъ догорали послѣдніе искры души; уже нѣсколько часовъ была она въ совершенномъ изнеможеніи, безгласна, неподвижна, отчаянна. Ропотъ неудовольствія въ окружающихъ и громкія восклицанія вступившаго Аммалата, казалось, воротили отлетающій духъ больной . . . она встрепнула . . . глаза ея заблистали . . .

— Ты ли это, ты ли? . . . вскричала она, простирая къ нему руки . . . Аллахъ берекетъ! . . . теперь я довольна! Я счастлива, примолвила она, опускаясь на подушки.

Улыбка сомкнула уста ея, рѣсницы упали, и она снова погрузилась въ прежнее безпамятство.

Отчаянный Аммалатъ не внималъ ни вопросамъ хана, ни выговорамъ ханши; никто, ничто не отвлекало его вниманія отъ Селтанеты, не исторгало изъ скорби глубокой. Его насилу могли вывести изъ комнаты больной. Прильнувъ къ ея порогу, онъ рыдалъ неутѣшно, то умоляя небо спасти Селтанету, то обвиняя, укоряя его въ ея болѣзни. Трогательна и страшна была тоска пылкаго Азіятца.

Между тѣмъ появленіе Аммалата произвело на больную спасительное вліяніе. То, чего не могли, или не умѣли сдѣлать горные врачи, произошло отъ случая. Надобно было пробудить опѣмѣвшую жизненную дѣятельность сильнымъ колебаніемъ; безъ этого она погибла бы, не отъ болѣзни, уже затихшей, но отъ изнеможенія, какъ лампа, гаснущая не отъ вѣтра, но отъ недостатка воздуха. Наконецъ молодость взяла верхъ: послѣ перелома, жизнь опять разыгралась въ сердцѣ умиравшей. Послѣ долгаго, кроткаго сна, она пробудилась съ обыкновенными силами, съ свѣжими чувствами.

— Мнѣ такъ легко, матушка, сказала она ханшѣ, весело озираясь: будто я вся изъ воз-

духа. Ахъ, какъ сладостно отдохнуть отъ болѣзни: кажется, и стѣны мнѣ улыбаются. Да, я была очень больна, долго больна; я много вытерпѣла; теперь, слава Аллаху, я только слаба, это пройдетъ скоро; я чувствую, что здоровье какъ жемчугъ катится у меня по жилахъ. Все прошлое представляется мнѣ въ какомъ-то мутномъ снѣ. Мнѣ видѣлось, будто я погружаюсь въ холодное море, и сгараю жаждою; вдали носились будто во мракѣ и въ туманѣ двѣ звѣздочки; тьма густѣла и густѣла; я погрязала ниже и ниже. И вдругъ показалось мнѣ, что кто-то назвалъ меня по имени, и могучею рукою выдернулъ изъ леденѣющаго, безбрежнаго моря . . . лице Аммалата мелькнуло передо мной, словно на яву, звѣздочки вспыхнули молніею, и она змѣей ударила мнѣ въ сердце; больше не помню!

На другой день Аммалату позволили видѣть выздоравливающую.

Султанъ-Ахметъ-Ханъ, видя, что отъ него не добиться путнаго отвѣта, покуда сомнѣніе не стихнетъ въ душѣ, кипучей страстью, склонился на его неотступныя просьбы.

— Пускай всѣ радуются, когда я радуюсь, сказалъ онъ, и внесъ гостя въ комнату дочери.

Селтанету предупредили, но со всѣмъ тѣмъ волненіе въ ней было чрезвычайно, когда очи

ея встрѣтились съ очами Аммалата, столь много любимаго, столь долго и напрасно ожидаемаго. Оба любовника не могли вымолвить слова, но пламенная рѣчь взоровъ изъяснила длинную повѣсть, начертанную жгучими письменами на скрижаляхъ сердца. На блѣдныхъ щекахъ другъ друга прочитали они слѣды тяжкихъ думъ и слезъ разлуки, слѣды безсонницы и кручины, страховъ и ревности. Плѣнительна цвѣтущая краса любимой женщины; но ея блѣдность, ея болѣзненная томность — очаровательны, восхитительны, побѣдны! Какое чугунное сердце не растаетъ отъ полнаго слезъ взора ея, который безъ упрека, нѣжно говоритъ вамъ:

— Я счастлива, и страдала отъ тебя и для тебя!

Слезы брызнули изъ глазъ Аммалата; но вспомнивъ наконецъ, что онъ тутъ не одинъ, онъ оправился, поднялъ голову, но голосъ отказывался вылиться словомъ, и онъ насилу могъ сказать: мы очень давно не видались, Селтанета!

— И едва не разстались навѣчно — отвѣчала Селтанета.

— Навѣчно? произнесъ Аммалатъ полуукорительнымъ голосомъ. И ты могла думать это, вѣрить этому? Развѣ нѣтъ иной жизни, жиз-

ни, въ которой невѣдомо горе, ни разлука съ родными и съ милыми? Если бы я потерялъ талисманъ своего счастія, съ какимъ бы презрѣніемъ сбросилъ я съ себя ржавыя, тяжкія латы бытія! для чего бы мнѣ тогда сражаться съ рокомъ!

— Жаль, что я не умерла, коли такъ — возразила Селтанета, шутя: ты такъ заманчиво описываешь замогильную сторону, что хочется поскорѣе перепрыгнуть въ нее.

— О нѣтъ: живи, живи долго, для счастія, для . . . *любви*, хотѣлъ прижолвить Аммалатъ, но покраснѣлъ и умолкнулъ.

Мало по малу розы здоровья опять раскинулись на щекахъ довольной присутствіемъ милаго дѣвушки. Все опять пошло обычной чередою.

Ханъ не устанавлъ разспрашивать Аммалата про битвы и походы и устройство войскъ Русскихъ; ханша скучала ему спросами о платьяхъ и обычаяхъ женщинъ ихъ, и не могла пропустить безъ воззванія къ Аллаху ни одного раза, слыша, что онѣ ходятъ безъ тумановъ. За то съ Селтанетой находилъ онъ разговоры и разсказы прямо по сердцу. Малѣйшая бездѣлка, другъ до друга касающаяся, не была опущена безъ подробнаго описанія, повторенія и восклицанія. Любовь, какъ Мидасъ, претворяетъ все, до чего не коснется,

въ золото, и ахъ, часто гибнетъ, какъ Мидасъ, не находя ничего вещественнаго для пищи.

Но съ крѣпнущими силами, съ расцвѣтающимъ здоровьемъ Селтанеты, на чело Аммалата чаще и чаще стали набѣгать тѣни печали. Иногда вдругъ, середи оживленнаго разговора, онъ останавливался внезапно, склонялъ голову, и прекрасные глаза его подергивались слезною пеленою, и тяжкіе вздохи, казалось, расторгали грудь; то вдругъ онъ вскакивалъ, очи сверкали гнѣвомъ, онъ съ злобной улыбкою хватался за рукоять кинжала, и послѣ того, будто пораженный невидимою рукою, впадалъ въ глубокую задумчивость, изъ которой не могли извлечь его даже ласки обожаемой Селтанеты.

Однажды, въ такую минуту, любовники были глазъ на глазъ. Съ участьемъ склонясь на его плечо, Селтанета молвила: — Азизъ (милый), ты грустишь, ты скучаешь со мной!

— Ахъ, не клевещи на того, кто любитъ тебя болѣе неба, — отвѣчалъ Аммалатъ: но я испыталъ адъ разлуки, и могу ли безъ тоски вздумать о ней! Легче, во сто разъ легче мнѣ разстаться съ жизнію, чѣмъ съ тобою, черноокая!

— Ты думаешь объ этомъ . . . стало быть желаешь этого.

— Не отравляй моей раны сожалѣніемъ, Селтанета. До сихъ поръ ты знала только цвѣсти подобно розѣ, порхать подобно бабочкѣ; до сихъ поръ твоя воля была единственною твоею обязанностію. Но я мужчина, я другъ; судьба сковала на меня цѣпь неразрѣшимую, цѣпь благодарности за добро; она влечетъ меня къ Дербенту.

— Долгъ! обязанность! благодарность! произнесла Селтанета, печально качая головою. Сколько золотошвейныхъ словъ изобрѣлъ ты, чтобы ими, какъ шалью, прикрыть свою нехоту остаться здѣсь. Развѣ не прежде ты отдалъ душу свою любви, нежели дружбѣ? . . . Ты не имѣлъ права отдавать чужое! О, забудь своего В., забудь Русскихъ друзей и Дербентскихъ красавицъ! . . . Забудь войну и славу, добытую убійствами. Я ненавижу съ тѣхъ поръ кровь, какъ увидѣла тебя, ею облитаго. Не могу безъ содроганія вздумать, что каждая капля ея стоитъ неосушимыхъ слезъ сестрѣ, или матери, или милой невѣстѣ. Чего не достаетъ тебѣ, чтобы жить мирно, покойно въ горахъ нашихъ? Сюда никто не придетъ возмутить оружіемъ счастія душевнаго. Кровля наша не каплетъ, плодъ у насъ не купленаго пшена, у отца моего много коней и оружія, много казны драгоцѣнной; у меня въ душѣ

много любви къ тебѣ. Не правда ли, милый, ты не ѣдешь, ты останешься съ нами?

— Нѣтъ, Селтанета, я не могу, я не долженъ здѣсь остаться! Съ тобою одной провести жизнь, для тебя кончить ее: вотъ моя первая мольба, мое послѣднее желанье; но исполненье обоихъ зависитъ отъ отца твоего. Священный союзъ связываетъ меня съ Русскими, и покуда ханъ не примирится съ ними, явный бракъ съ тобою мнѣ невозможенъ . . . и не отъ Русскихъ, но отъ хана . . .

— Ты знаешь отца моего, грустно сказала Селтанета: съ нѣкотораго времени ненависть къ невѣрнымъ усилилась въ немъ до того, что онъ не пожалѣетъ принести ей въ жертву и дочь и друга. Особенно онъ сердитъ на полковника за то, что убилъ его любимаго пукера, посланнаго за лекарствомъ къ гакому Ибрагиму.

— Я уже не разъ заводилъ рѣчь съ Ахметъ-Ханомъ о моихъ надеждахъ, и всегдашнимъ отвѣтомъ его было: поклянись быть врагомъ Русскихъ, и тогда я выслушаю тебя!

— Стало быть надобно сказать прости надеждѣ?

— Зачѣмъ же надеждѣ, Селтанета! Зачѣмъ не сказать только: *прости, Асарія!*

Селтанета устремила на него свои выразительныя очи.

— Я не понимаю тебя, произнесла она.

— Полюби меня выше всего на свѣтѣ: выше отца и матери и милой родины, и тогда ты поймешь меня. Селтанета! жить безъ тебя я не могу, а жить съ тобою не даютъ мнѣ . . . Если ты любишь меня: бѣжимъ отсюда! . . .

— Бѣжать! дочери ханской бѣжать, какъ плѣнницѣ, какъ преступницѣ! . . . это ужасно . . . это не слыхано!

— Не говори мнѣ этого . . . Если необыкновенна жертва, то необыкновенна и любовь моя. Вели мнѣ отдать тысячу разъ жизнь, и я кину ее съ усмѣшкою, будто мѣдную пулу*; брошу въ адъ душу свою за тебя, не только жизнь. Ты напоминаешь мнѣ, что ты дочь хана; вспомни, что и мой дѣдъ носилъ, что мой дядя носитъ корону шамхальскую!... Но не по этому сану, а по этому сердцу я чувствую, что достоинъ тебя, и если есть позоръ быть счастливымъ вопреки злобы людей

* Пулъ вообще деньги. Карапулъ — наша денежка, или полушка (которая произошла вовсе не отъ полъушка, а отъ Татарскаго: пулъ). Да и слово рубль происходитъ, по мнѣнію моему, не отъ рубки, а отъ Арабскаго слова *руб* — четверть и перешло къ намъ отъ кочевыхъ Азіятцевъ древности. Погатъ значитъ точка.

и прихотей рока, то онъ весь падетъ на мою, не на твою голову.

— Но ты забылъ месть отца моего!

— Придетъ пора, и онъ самъ забудетъ ее. Видя, что дѣло свершено, онъ отброситъ неумолимость; сердце его не камень; да если бъ было и камень, то слезы повинныя пробьютъ его, наши ласки его тронутъ! ... Счастіе приголубитъ тогда насъ крылами, и мы съ гордостью скажемъ: мы сами поймали его!

— Милый мой! я мало живу на свѣтѣ, а что-то въ сердцѣ говоритъ, что неправдой не изловишь счастья! ... Подождемъ, посмотримъ, что Аллахъ дастъ. Можетъ и безъ этого средства совершится союзъ нашъ.

— Селтанета! Аллахъ далъ мнѣ эту мысль... вотъ его воля! ... Умоляю тебя: сжалься надо мною! ... Бѣжимъ, если ты не хочешь, чтобы часъ брака пробилъ надъ моею могилою. Я далъ честное слово возвратиться въ Дербентъ, и должень сдержать его, сдержать скоро; но уѣхать безъ надежды увидать тебя, и съ опасеніемъ узнать тебя женою другаго: это ужасно, это нестерпимо! Не изъ любви, такъ изъ сожалѣнія раздѣли судьбу мою, не лишай меня рая, не доводи меня до безумства. Ты не знаешь, до какой степени можетъ увлечь обманутая страсть: я могу забыть и гостепріим-

ство и родство, розорвавъ всѣ связи человѣческія, попрать ногами святыню, смѣшать кровь свою съ драгоцѣнною мнѣ кровью, заставить злодѣевъ содрогаться отъ ужаса при моемъ имени, и ангеловъ плакать отъ моихъ дѣлъ . . . Селтанета! спаси меня отъ чужихъ проклятій, отъ своего презрѣнія, спаси меня отъ самого меня! . . . Шуперы мои безстрашны, кони — вѣтеръ, ночь темна: бѣжимъ въ благодѣтельную Россію, покуда перейдетъ гроза. Въ послѣдній разъ умоляю тебя: жизнь и смерть, слава и душа моя въ одномъ словѣ твоемъ: да или нѣтъ?

Обуреваемая то страхомъ дѣвическимъ и уваженіемъ къ обычаямъ предковъ, то любовью и краснорѣчіемъ любовника, неопытная Селтанета, какъ легкая пробка, летала по мятежнымъ бурунамъ противоположныхъ страстей. Наконецъ она встала; съ гордымъ, рѣшительнымъ видомъ отерла слезы, сверкавшія на рѣсницахъ, какъ янтарная смола на иглахъ лиственницы, и сказала:

— *Аммалать! не обольщай меня: огонь любви не ослѣпитъ, дымъ ея не задушитъ во мнѣ совѣсти; я всегда буду знать, что хорошо и что худо, и очень вѣдаю, какъ стыдно, какъ неблагодарно покинуть домъ отеческій, огорчить любимыхъ, любящихъ меня родителей; знаю, и теперь изнѣрь же цѣну моей*

жертвы: я бѣгу съ тобою . . . я твоя! Не языкъ твой убѣдилъ, а сердце твое побѣдило меня. Аллахъ судилъ мнѣ встрѣтить и полюбить тебя: пусть же будутъ связаны сердца наши вѣчно и крѣпко, хотя бы терновымъ вѣнкомъ! Теперь все кончено: твоя судьба, моя судьба!

Если бы небо обняло Аммалата необъятными своими крыльями, прижавъ къ сердцу міра, солнцу, и тогда бы восторгъ его былъ не сильнѣе, какъ въ эту божественную минуту. Онъ излился въ нестройныхъ словахъ и восклицаніяхъ благодарности. Когда стихли первые порывы, любовники условились во всѣхъ подробностяхъ побѣга. Селтанета согласилась спуститься на простыняхъ, изъ спальни своей, на крутой берегъ Узени. Аммалатъ выѣдетъ вечеромъ изъ Хунзаха со своими нукерами, будто на дальнюю соколиную охоту, и окольными путями воротится къ ханскому дому, когда ночь падетъ на землю; онъ на руки свои приметъ милую спутницу. Потомъ они тихомолкомъ доберутся до коней — и тогда прочь съ дороги!

Поцѣлуй запечатлѣлъ обѣты, и счастливцы разстались со страхомъ и надеждою въ сердцахъ.

Аммалатъ-бекъ, изготовивъ къ побѣгу и бою удалыхъ нукеровъ своихъ, съ истерпѣніемъ сно-

трѣлъ на солнце, которое, будто ревнуя, не хотѣло сойти съ теплаго неба въ холодные Кавказскіе ледники. Какъ женихъ, жаждалъ онъ ночи, и какъ докучнаго гостя, провожалъ онъ глазами свѣтило дня. Сколь медленно шло, ползло оно къ закату! еще цѣлый вѣкъ пути оставался между желаньемъ и счастіемъ. Безразсудный юноша! Что порука тебѣ за удачу? Кто увѣритъ тебя, что твои шаги не сочтены, твои слова не пойманы на лету? Можетъ быть, съ солнцемъ, которое ты бранишь, закатится твоя надежда.

Часу въ четвертомъ за полдень, въ обычное время мусульманскаго обѣда, Султанъ-Ахметъ-Ханъ былъ обыкновенно дикъ и мраченъ. Глаза его недовѣрчиво блистали изъ-подъ нахмуренныхъ бровей; долго останавливалъ онъ ихъ то на дочери, то на молодомъ гостѣ своемъ; иногда черты лица его принимали насмѣшливое выраженіе, но оно исчезало въ рудницѣ гнѣва; вопросы его были колки, разговоры отрывисты — и все это пробуждало въ душѣ Селтанеты раскаяніе, въ сердцѣ Аммалата опасенье. За то ханша-мать, словно предчувствуя разлуку съ милою дочерью, была такъ ласкова и предупредительна, что эта незаслуженная нѣжность исторгала слезы у доброй Сел-

тапеты, и взоръ, брошенный украдкою Аммалату, былъ ему пронзительнымъ укоромъ.

Едва совершили послѣ обѣда обычное умовенье рукъ, ханъ вызвалъ на широкій дворъ Аммалата: тамъ ждали ихъ осѣдланные кони и толпа нукеровъ сидѣла уже верхомъ.

— Поѣдемъ попытать удали новыхъ моихъ соколовъ, сказалъ ханъ Аммалату: вечеръ славный, зной опалъ и мы успѣемъ еще до сумерекъ заполевать птичку, другую!

Съ соколомъ на рукѣ, безмолвно ѣхалъ ханъ рядомъ съ бекомъ; влѣвѣ, по крутой скалѣ лѣпился Аварецъ, забрасывая желѣзные когти, на шестѣ прикрѣпленные, въ трещины, и потомъ на гвоздѣ опершись, подымался выше и выше. На поясѣ у него привязана была шапка съ сѣменами пшеницы; длинная винтовка висѣла за плечами. Ханъ остановился, указалъ на него Аммалату и значительно сказалъ:

— Посмотри на этого старика, Аммалатъ-бекъ. Онъ въ опасности жизни ищетъ стопы земли на голомъ утесѣ, чтобы посѣять на ней горсть пшеницы. Съ кровавымъ потомъ онъ жнетъ ее и часто кровью своею платитъ за охранъ стада отъ людей и звѣрей. Бѣдна его родина; но спроси, за что любитъ онъ эту родину, зачѣмъ не промѣняетъ ее на наши

тучныя нивы, на ваши роскошныя пастбы? Онъ скажетъ, здѣсь, я дѣлаю, что хочу, здѣсь я никому не кланяюсь; эти снѣга, эти гольцы берегутъ мою волю. И эту-то волю хотятъ отнять у него Русскіе, и этимъ-то Русскимъ сталъ ты рабомъ, Аммалатъ!

— Ханъ! ты знаешь, что не Русская храбрость, а Русское великодушіе побѣдило меня: не рабъ я, а товарищъ ихъ.

— Тѣмъ во сто разъ хуже и постыднѣе для тебя! Наслѣдникъ шамхаловъ ищетъ серебрянаго темляка! хвалится тѣмъ, что онъ застольникъ полковника!

— Умѣрь слова свои, Султанъ-Ахметъ! Я обязанъ я болѣе, чѣмъ жизнію: союзъ дружбы связалъ насъ!

— Можетъ ли существовать какая нибудь священная связь съ гяурами? Вредить имъ, истреблять ихъ, когда можно, обманывать, когда нельзя, суть заповѣди Курана и долгъ всякаго правовѣрнаго!

— Ханъ! перестанемъ играть костями Магомета и грозить тѣмъ другому, чему сами не вѣримъ. Ты не мулла, я не факиръ: я имѣю свои понятія о долгѣ честнаго человѣка.

— Въ самомъ дѣлѣ, Аммалатъ-бекъ? Не худо, однако жъ, если бъ ты чаще держалъ это на сердцѣ, чѣмъ на языкѣ. Въ послѣд-

ній разъ позволь спросить тебя: хочешь ли послушать совѣтовъ друга, котораго мѣняешь ты на гяура? Хочешь ли остаться съ нами навсегда?

— Жизнь бы свою отдалъ я за счастье, которое предлагаешь ты мнѣ такъ щедро; но я далъ обѣтъ возвратиться, и сдержу его.

— Это рѣшительно?

— Непремѣнно.

— И такъ тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я узналъ тебя, ты меня знаешь издавна: обиняки и лесть между нами не кстати. Не скрою, что я всегда желалъ видѣть тебя зятемъ своимъ; я радовался, что тебѣ полюбилась Селтанета. Плѣнъ твой на время удалилъ мои замыслы; твое долгое отсутствіе, слухи о твоемъ превращеніи, огорчали меня. Наконецъ ты явился къ намъ, и все пошелъ по прежнему; но ты не принесъ къ намъ прежняго сердца. Я надѣялся, ты опять попадешь на прежній путь и обманулся, горько обманулся! Жаль, но дѣлать нечего: я не хочу имѣть зятемъ слугу Русскихъ . . .

— Ахметъ-Ханъ! я однажды . . .

— Дай мнѣ кончить. Твой шумный пріѣздъ, твое наступленіе у порога больной Селтанеты, открыли всѣмъ и твою привязанность и наши взаимныя намѣренія. Во всѣхъ горахъ про-

славили тебя женихомъ моей дочери . . . но теперь, когда разорванъ союзъ, пора разсѣять и слухи. Для доброй славы моего семейства, для спокойствія моей дочери, тебѣ должно оставить насъ и теперь же. Это необходимо, это неизмѣнно. Аммалатъ! мы разстанемся добрыми друзьями; но здѣсь увидимся только родными, не иначе. Да обратитъ Алла твое сердце и приведетъ къ намъ нераздѣльнымъ другомъ . . . до тѣхъ поръ, прости!

Съ этимъ словомъ ханъ поворотилъ коня и поскакалъ во весь опоръ, вправо къ своему поѣзду.

Еслибъ на сонного Аммалата упалъ громъ небесный, и тогда онъ не былъ бы такъ изумленъ, испуганъ, какъ этимъ неожиданнымъ объясненіемъ. Уже давно и пыль легла на слѣдъ хана, но Аммалатъ все еще стоялъ неподвиженъ на томъ же холмѣ, чернѣя въ заревѣ заката.

ГЛАВА IX.

Для укрощенія мятежныхъ Дагестанцевъ, полковникъ В. съ полкомъ своимъ стоялъ въ селеніи Кяфиръ-Кумыкъ лагеремъ. Палатка Аммалатъ-Бека разбита была рядомъ съ его палаткою, и въ ней Сафиръ-Али, развалившись небрежно на коврѣ, потягивалъ донское, не смотря на запрещеніе пророка. Аммалатъ-Бекъ, худой, блѣдный, задумчивый, лежалъ, склонивъ голову на валекъ, и курилъ трубку. Уже три мѣсяца прошли съ той поры, какъ онъ, изгнанникъ рая, скитался съ отрядомъ въ виду горъ, куда летѣло его сердце и не смѣла ступить нога. Тоска источила его, досада про-

лила желчь на его, прежде радушный нравъ. Онъ принесъ жертву своей привязанности къ Русскимъ, и казалось, упрекалъ въ ней каждаго Русскаго. Неудовольствіе пробивалось въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ взглядѣ.

— Прекрасная вещь, вино! приговаривалъ Сафиръ-Али, преисправно осушая стаканы. Вѣрно Магомету попались на Аравитскомъ солнцѣ прокислые подонки, когда онъ запретилъ виноградный сокъ правовѣрнымъ. Ну, право, эти капли такъ сладки, будто сами ангелы съ радости наплакали своихъ слезъ въ бутылки. Эй, выпей еще хоть стаканчикъ, Аммалатъ-Бекъ! Сердце твое всплыветъ на винѣ легче пузырька. Знаешь, что пѣлъ про него Гафизъ! . . .

— А ты знаешь? Не докучай, добро, Сафиръ-Али, мнѣ своимъ вздоромъ, ни даже подъ именемъ Саади и Гафиза.

— Эка бѣда! ну да хоть бы этотъ вздоръ былъ мой дохорощеный, онъ не серьга: въ ухѣ не повиснетъ. Не-бось, когда заведешь сказку про свою царицу Селтанету, я гляжу тебѣ въ ротъ, какъ тому искуснику, который ѣлъ огонь и мотался изъ-за щекъ безконечныя ленты. Тебя заставляетъ говорить чепуху любовь, а меня донское: вотъ мы и квиты! . . . Путко, за здравіе Русскихъ!

— Что полюбились тебѣ эти Русскіе!

— Скажи лучше, отъ чего разлюбилъ ты ихъ?

— Отъ того, что разглядѣлъ поближе. Право, ничѣмъ не лучше нашихъ Татаръ! Такъ же падки на выгоды, такъ же охочи пересуживать, и не для того, чтобы исправить ближняго, а чтобы извинить себя; а про лѣнь ихъ и говорить нечего. Долго они властвуютъ здѣсь, а что сдѣлали добраго, какіе постановили твердые законы, какіе ввели полезные обычаи, чему насъ выучили, что устроили они порядочнаго! В. открылъ мнѣ глаза на недостатки одноземцевъ, но съ этимъ вмѣстѣ я увидѣлъ и недостатки Русскихъ, которымъ тѣмъ больше непростительно, что они знаютъ полезное, выросли на добрыхъ примѣрахъ, и здѣсь, будто забывъ свое назначеніе, свою дѣятельную природу, понемногу утопаютъ въ животномъ ничтожествѣ.

— Надѣюсь, ты не включишь въ это число В.!

— Не только его, и другихъ наберемъ въ особый кругъ; за то много ли ихъ!

— Ангелы и въ небѣ на перечетъ, Аммалатъ-Бекъ, а В., право, хоть молиться можно за его правду, за его доброту. Есть ли хоть одинъ Татаринъ, который бы сказалъ про него худо? . . . есть ли солдатъ, что не отдастъ

за него души? . . . Абдулъ-Гамидъ! еще вина! Путко, за здоровье В.!

— Избавь! я не стану теперь пить за самого Магомета!

— Если у тебя сердце не такъ черно, какъ глаза Селтанеты, ты неотмѣнно выпьешь за В., хоть бы это было при краснобородыхъ яхунтахъ Дербенскихъ шагидовъ*, хотя бы всѣ имамы и шихи* не только облизывались, но огрызались на тебя за такое святотатство!

— Не выпью, говорю я тебѣ.

— Послушай, Аммалатъ! я готовъ за тебя напоить до пьяна чорта своей кровью, а ты не хочешь для меня выпить вина!

— То есть, въ этотъ разъ не стану пить; а не стану потому, что не хочу, а не хочу потому, что кровь и безъ вина бродитъ во мнѣ, какъ молодая буза.

— Пустыя отговорки! Не въ первый разъ мы пьемъ, не впервые у насъ кровь кипитъ... Скажи лучше прямо: ты сердитъ на полковника!

— Очень сердитъ!

— Можно ли узнать, за что?

— За многое. Давно уже сталъ подливать онъ каплю по каплѣ яду въ медъ дружбы сво-

---

* Тарковцы секты Сунни. Яхунтъ старшій мулла.

** Имамъ — святой; шихъ — пророкъ.

ей . . . Теперь эти капли переполнили и пролили чашу. Терпѣть не могу такихъ полутеплыхъ друзей! Щедръ онъ на совѣты, не скупъ и на поученіе, т. е. на все, что не стоитъ ему никакого труда, никакого риска.

— Понимаю, понимаю! Вѣрно, онъ не пустилъ тебя въ Аварію?

— Если бъ ты носилъ въ груди мое сердце, ты бы понялъ, каково было мнѣ услышать такой отказъ. Какъ давно манилъ онъ меня этимъ, и вдругъ отринулъ самыя нѣжныя просьбы, разбилъ въ пыль, какъ хрустальный кальянъ, самыя лестныя ожиданія . . . Ахметъ-Ханъ вѣрно смягчился, когда присылалъ сказать, что желаетъ видѣть меня; и я не могу спѣшить къ нему, летѣть къ Селтанеть!

— Поставь-ка брата, себя на его мѣсто, и потомъ скажи, не такъ ли же бы поступилъ ты самъ!

— Нѣтъ, не такъ. Я бы просто сказалъ съ самаго начала: Аммалатъ! не жди отъ меня никакой помощи! Я и теперь не прошу отъ него помощи: прошу только, чтобы онъ не мѣшалъ мнѣ; такъ нѣтъ! Онъ, заграждая отъ меня солнце всѣхъ радостей, увѣряетъ, что дѣлаетъ это изъ участія, что это впереди при-

несетъ мнѣ счастіе! . . . Не значитъ ли это, отравлять въ сонномъ питьѣ?

— Нѣтъ, другъ . . . Если оно и въ самомъ дѣлѣ такъ, то сонное питье даютъ тебѣ, какъ человѣку, у котораго хотятъ что нибудь вырѣзывать для исцѣленія. Ты думаешь объ одной любви своей, В. же надобно хранить безъ пятна и твою и свою честь, а вы оба окружены недоброхотами. Повѣрь, что такъ или иначе, только онъ вылечитъ тебя!

— Кто просилъ его лечить меня? Эта божественная болѣзнь, любовь, моя единственная отрада! И лишить меня ея, все равно, что вырвать изъ меня сердце за то, что оно не умѣетъ биться по барабану! . . .

Въ это время вошелъ въ ставку незнакомый Татаринъ, подозрительно осмотрѣлся кругомъ, и, съ низкимъ наклоненіемъ головы, поставилъ передъ Аммалатомъ туфли свои. По Азіятскому обычаю это значило, что онъ проситъ тайнаго разговора. Аммалатъ понялъ его, кивнулъ головою, и оба вышли на воздухъ. Ночь была темна, огни погасли, и цѣпь часовыхъ раскинута далеко впереди.

— Здѣсь мы одни, сказалъ Аммалатъ-бекъ Татарину. Кто ты и что тебѣ надобно?

— Мое имя Самитъ. Я Дербентскій житель, секты сунни, и теперь служу въ отрядѣ, въ

числѣ мусульманскихъ всадниковъ. Порученье мое важнѣе для тебя, чѣмъ для меня... *орелъ любитъ горы!*

Аммалатъ вздрогнулъ и недовѣрчиво взглянулъ на посланца: то была условная поговорка, которой ключъ написалъ ему Султанъ-Ахметъ заранѣе.

— Какъ не любить горъ! . . . отвѣчалъ онъ. Въ горахъ много ягнятъ для орла, *много серебра для человѣка.*

— *И булата для витязей (князей).*

Аммалатъ схватилъ посланца за руку. Здоровъ ли Султанъ-Ахметъ-Ханъ? спросилъ онъ торопливо. Какія вѣсти принесъ ты отъ него? Давно ли видѣлъ его семью? . . .

— Не отвѣчать, а спросить я присланъ. Хочешь ли ты за мною слѣдовать?

— Куда? зачѣмъ?

— Ты знаешь кто прислалъ меня: этого довольно: если не вѣришь ему, не вѣрь и мнѣ: въ томъ твоя воля и моя выгода. Чѣмъ лѣзть въ петлю ночью, я и завтра успѣю извѣстить хана, что Аммалатъ не смѣетъ выѣхать изъ лагеря!

Татаринъ попалъ въ цѣль. Щекотливый Аммалатъ вспыхнулъ.

— Сафиръ-Али! вскричалъ онъ громко.

Сафиръ-Али встрепенулся и выбѣжалъ изъ палатки.

— Вели подвесть себѣ и мнѣ хоть неосѣдланныхъ коней, и съ тѣмъ вмѣстѣ сказать полковнику, что я поѣхалъ осмотрѣть поле за цѣпью: не крадется ли какой бездѣльникъ подъ часоваго. Ружье и шашку, да мигомъ.

Коней подвели. Татаринъ вскочилъ на своего привязаннаго неподалеку, и всѣ трое поскакали къ цѣпи. Сказали пароль и отзывъ, и мимо секретовъ поскакали влѣво по берегу быстрой Узени.

Сафиръ-Али, которой очень неохотно разстался съ бутылкою, ворчалъ на темноту, на кусты и овраги, и очень сердито покрякивалъ подлѣ Аммалата, но видя, что никто не начинаетъ разговора, рѣшился самъ завести его.

— Прахъ на голову этого проводника! сказалъ онъ. Чортъ знаетъ, куда ведетъ и куда заведетъ онъ насъ! Пажалуй, еще продасть Лезгинамъ ради богатаго выкупа... Не вѣрю я этимъ косымъ!

— Я и прямоглазымъ мало вѣрю, отвѣчалъ Аммалатъ. Но этотъ косой присланъ отъ друга. Онъ не измѣнитъ намъ!

— А чуть задумаетъ что нибудь похожее, такъ при первомъ движеніи я распластаю его,

какъ дыню. Эй, пріятель! закричалъ Сафиръ-Али проводнику. Ради самого царя джиніевъ (духовъ), ты, кажется, сговорился съ терновникомъ оборвать съ чухи моей галуны. Неужто не нашелъ ты попросторнѣе дороги? Я, право, не фазанъ, и не лисица!

Проводникъ остановился.

— Правду сказать, я слишкомъ далеко завелъ такого нѣженку, какъ ты, возразилъ онъ. Оставайся здѣсь постеречь коней, покуда мы съ Аммалатъ-Бекомъ сходимъ, куда слѣдуетъ.

— Неужели ты пойдешь въ лѣсъ безъ меня съ этой разбойничьей харею? шепнулъ Сафиръ-Али Аммалату.

— То есть, ты боишься остаться здѣсь *безъ меня?* возразилъ Аммалатъ, слѣзая съ коня и отдавая ему поводъ. Не скучай, милый. Я оставляю тебя въ прелюбезной бесѣдѣ волковъ и шакаловъ. Слышишь, какъ они распѣваютъ?

— Дай Богъ, чтобы мнѣ не пришлось выручать твои кости отъ этихъ пѣвчихъ! сказалъ Сафиръ-Али.

Они разстались.

Самитъ повелъ Аммалата между кустами, надъ рѣкою, и пройдя съ полверсты между каменьями, начали спускаться книзу. Съ большою опасностію лѣзли они по обрыву,

хватаясь за корни шиповника, и наконецъ, послѣ труднаго пути, спустились до узкаго жерла небольшой пещеры, вровень съ водою. Она была вымыта потокомъ, когда-то быстрымъ, но теперь пересохшимъ. Известковые, трубчатые канельники и селитряные кристаллы сверкали отъ огня, разложеннаго по срединѣ. Въ глуби лежалъ Султанъ-Ахметъ-Ханъ на буркѣ, и, казалось, нетерпѣливо ожидалъ, чтобы Аммалатъ оглядѣлся въ густомъ дымѣ, клубившемся въ пещерѣ. Ружье, со взведеннымъ куркомъ, лежало у него на колѣнахъ; косы его шапки играли на вѣтрѣ, который дулъ изъ разсѣлины. Онъ приподнялся привѣтливо, когда Аммалатъ-Бекъ кинулся къ нему съ привѣтомъ.

— Я радъ тебя видѣть! сказалъ онъ, сжимая руку гостя: радъ, и не скрываю чувства, котораго не должно бы мнѣ хранить. Впрочемъ, я не для пустаго свиданія ступилъ ногою въ клинцы и потревожилъ тебя. Садись, Аммалатъ, и посудимъ о нашемъ дѣлѣ.

— Для меня, Султанъ-Ахметъ-Ханъ?

— Для насъ обоихъ. Съ отцемъ твоимъ водилъ я хлѣбъ-соль; было время, когда и тебя считалъ я своимъ другомъ. . . .

— Только считалъ? . . .

— Нѣтъ, ты и былъ имъ, и навсегда бы

остался имъ, если бъ между нами не прошелъ лукавецъ В.

— Ханъ, ты не знаешь его.

— Не только я, скоро ты самъ его узнаешь!... Но начнемъ съ того, что касается до Селтанеты. Аммалатъ, тебѣ извѣстно, ей нельзя вѣкъ сидѣть въ дѣвкахъ. Это былъ бы зазоръ моему дому, и я откровенно скажу тебѣ, что за нее уже сватаются.

Сердце будто оторвалось въ Аммалатѣ; долго не могъ онъ собраться съ духомъ. Наконецъ, оправясь, онъ дрожащимъ голосомъ спросилъ: — Кто этотъ смѣльчакъ-женихъ!

— Второй сынъ шамхала, Абдулъ Мусселимъ. Послѣ тебя, по высокой крови своей, онъ больше другихъ горскихъ князей имѣетъ права на Селтанету....

— Послѣ меня? послѣ меня? вскричалъ вспыльчивый бекъ, закипая гнѣвомъ. Развѣ меня схоронили? Развѣ и память моя погибла между друзьми?

— Ни память, ни сама дружба не умерла, но крайней мѣрѣ въ моемъ сердцѣ. Но будь справедливъ, Аммалатъ, столько же, какъ я откровенъ. Забудь, что ты судья въ своемъ дѣлѣ, и рѣши: что должно намъ дѣлать? Ты не хочешь разстаться съ Русскими, а я не могу съ ними помириться . . .

— О, только пожелай этого, только скажи слово, и все забыто, все прощено тебѣ! Въ этомъ ручаюсь я тебѣ своей головою и честью В., которой не разъ мнѣ обѣщалъ свое ходатайство. Для собственнаго блага, для спокойствія Аварцевъ, для счастія твоей дочери и моего блаженства, умоляю тебя: склонись къ примиренію, и все будетъ забыто, все прежнее возвращено тебѣ!

— Какъ смѣло ручаешься ты, довѣрчивый юноша, за чужую пощаду, за чужую жизнь!... Увѣренъ ли ты въ своей собственной жизни, въ собственной свободѣ.

— Кому нужна моя бѣдная жизнь! Кому дорога воля, которой не цѣню я самъ?

— Кому! Дитя, дитя! Неужели ты думаешь, что у шамхала не вертится подъ головой подушка, когда въ голову забирается дума, что ты, настоящій наслѣдникъ шамхальства Тарковскаго, въ милости у Русскаго правительства!

— Я никогда не надѣялся на его пріязнь, и никогда не побоюсь его вражды.

— Не бойся, но и не призирай ее. Знаешь ли, что гонецъ, посланный къ Ермолову, минутою опоздалъ пріѣхать и упросить его: не давать пощады, казнить тебя, какъ измѣнника! Онъ и прежде готовъ бывалъ убить тебя поцѣлуемъ, если бъ могъ, а теперь, когда ты

отослалъ къ нему слѣпую дочь его, онъ не скрываетъ къ тебѣ своей ненависти. . . .

— Кто посмѣетъ тронуть меня подъ защитой В.?

— Послушай, Аммалатъ, я скажу тебѣ побасенку: баранъ ушелъ на поварню отъ волковъ, и радовался своему счастью и хвалился ласками приспѣшниковъ. Черезъ три дня онъ былъ въ котлѣ. Аммалатъ, это твоя исторія! Пора открыть тебѣ глаза. Человѣкъ, котораго считалъ ты своимъ первымъ другомъ, первый предалъ тебя. Ты окруженъ, опутанъ измѣною: главное желаніе мое свидѣться съ тобою, было долгомъ предупредить тебя. Сватая Селтанету, мнѣ дали отъ шамхала почувствовать, что черезъ него я вѣрнѣе могу примириться съ Русскими, нежели черезъ безвластнаго Аммалата; что тебя скоро удалятъ, такъ или сякъ, безвозвратно, слѣдственно нечего бояться твоего совмѣстничества. Я подозрѣвалъ еще болѣе, и узналъ болѣе, чѣмъ подозрѣвалъ. Сегодня перехватилъ я шамхальскаго нукера, которому поручены были переговоры съ В., и пыткою вывѣдалъ отъ него, что шамхалъ дастъ пять тысячъ червонцевъ, чтобы извести тебя . . . В. колеблется и хочетъ послать только въ Сибирь навѣчно. Дѣло еще не рѣшено, но завтра отрядъ идетъ

по домамъ, и они согласились съѣхаться въ твоемъ домѣ, въ Буйнакахъ торговаться о крови или кровавомъ потѣ твоемъ: будутъ составлять ложные доносы и обвиненія, будутъ отравлять тебя за твоимъ же хлѣбомъ, и ковать въ чугунныя цѣпи, суля золотыя горы!

Жалко было видѣть Аммалата во время этой ужасной рѣчи. Каждое слово, какъ раскаленное желѣзо, вторгалось въ сердце его. Все, что доселѣ таплось въ немъ утѣшительнаго, благороднаго, высокаго, вспыхнуло вдругъ и превратилось въ пепелъ. Все, во что онъ вѣровалъ такъ охотно и такъ долго, рушилось, распадалось въ пожарѣ негодованія. Нѣсколько разъ порывался онъ говорить, но слова умирали въ какомъ-то болѣзненномъ стонѣ, и наконецъ дикій звѣрь, котораго укротилъ В., котораго держалъ въ усыпленіи Аммалатъ, сорвался съ цѣпи: потокъ проклятій и угрозъ пролился изъ устъ разъяреннаго бека.

— Месть, месть! восклицалъ онъ: неумолимая месть, и горе лицемѣрамъ!

— Вотъ первое достойное тебя слово, сказалъ ханъ, скрывая радость удачи. Довольно ползалъ ты змѣемъ, подставляя голову подъ пяту Русскихъ; пора взвиться орломъ подъ облака, чтобы сверху блюсти врага, недося-

гаемаго стрѣлами. Отражай измѣну измѣною, смерть смертью!

— Такъ, смерть и гибель шамхалу, хищнику моей свободы; гибель Абдулъ-Мусселиму, который дерзнулъ простерть руку на мое сокровище!

— Шамхалъ? сынъ его, семья его? стоютъ ли они первыхъ подвиговъ? Ихъ всѣхъ мало любятъ Тарковцы, и если мы пойдемъ на шамхала войною, намъ все его семейство выдадутъ руками. Нѣтъ, Аммалатъ, ты долженъ сперва нанести ударъ подлѣ себя: сверзить своего главнаго врага; ты долженъ убить В.!

— В.! произнесъ Аммалатъ, отступая. — Да! . . . онъ врагъ мой, но онъ былъ моимъ другомъ, онъ избавилъ меня отъ позорной смерти!

— И вновь продалъ на позорную жизнь!... Хорошъ другъ! Притомъ же ты самъ избавилъ его отъ кабаньихъ клыковъ, достойной смерти свиноѣду! Первый долгъ заплаченъ; остается отплатить за второй: за участь, которую онъ готовитъ тебѣ такъ коварно . . .

— Чувствую . . . это должно . . . но что скажутъ добрые люди? что будетъ вопіять совѣсть моя?

— Мужу ли трепетать передъ бабьими сказками и плаксивымъ ребенкомъ — совѣстью,

когда идетъ дѣло о чести и мести! Я вижу, Аммалатъ, что безъ меня ты ни на что не рѣшишься: не рѣшишься даже жениться на Селтанетъ! Слушай: если ты хочешь быть достойнымъ зятемъ моимъ, первое условіе смерть В. Его голова будетъ-калымъ за невѣсту, которую ты любишь, которая любитъ тебя. Не одна месть, но и сама здравая расчетливость требуетъ смерти полковника. Безъ него весь Дагестанъ останется безъ головы и оцѣпенѣетъ на нѣсколько дней отъ ужаса. Въ это время налетимъ мы на разсѣянныхся по квартирамъ Русскихъ. Я сажусь на коня съ двадцатью тысячами Аварцевъ и Акушинцевъ, и мы падемъ съ горъ на Тарки, словно снѣжная туча. Тогда Аммалатъ — шамхалъ Дагестанскій! — обниметъ меня, какъ друга, какъ тестя. Вотъ мои замыслы, вотъ судьба твоя! Выбирай любое: или вѣчную ссылку, или смѣлый ударъ, который сулитъ тебѣ силу и счастье. Думай, рѣшайся; но знай, что въ слѣдующій разъ мы встрѣтимся или родными, или врагами непримиримыми!

Ханъ исчезъ.

Долго стоялъ Аммалатъ обуреваемый, пожираемый новыми, ужасными чувствами. Наконецъ Самитъ напомнилъ ему, что время возвратиться въ лагерь. Не зная самъ, какъ и

гдѣ, взобрался онъ, вслѣдъ за своимъ таинственнымъ провожатымъ, на берегъ, нашелъ коня, и не отвѣчая ни слова на тысячу вопросовъ Сафиръ-Али, примчался въ свою палатку. Тамъ всѣ муки душевнаго ада ожидали его. Тяжка первая ночь бѣдствія, но еще ужаснѣе первая ночь кровавыхъ думъ злодѣйства.

ГЛАВА X.

— Замолчишь ли ты, змѣенышъ! говорила Татарка старуха внуку своему, который, проснувшись передъ свѣтомъ, плакалъ отъ бездѣлья. Умолкни, говорю, или я выгоню тебя на улицу.

Старуха эта была мамка Аммалата. Сакля, въ которой жила она, стояла вблизи палатъ бекскихъ и подарена ей была ея воспитанникомъ. Она состояла изъ двухъ, чистенько выбѣленныхъ комнатокъ. Полъ въ обѣихъ устланъ цѣновками (гасиль); въ частыхъ нишахъ, безъ оконъ, стояли сундуки, обитые жестью, и на нихъ наложены перины, одѣяла и вся рухлядь. По карнизамъ, на половинѣ высоты стѣны,

разставлены были фаянсовыя чашки для плову, съ жестяными на нихъ, въ видѣ шлемовъ, колпаками, и повѣшены ребромъ на проволокѣ тарелочки, въ коихъ просверленныя скважины доказывали, что онѣ служатъ не для употребленія, а для красы. Лице старухи покрыто было морщинами и выражало какую-то злую досаду, обыкновенное слѣдствіе одинокой, безрадостной жизни всѣхъ мусульманокъ. Какъ достойная представительница своихъ ровесницъ и землячекъ, она ни на одну минуту не переставала ворчать про себя и вслухъ бранить внука, изъ-подъ стеганаго своего одѣяла.

— Кесь (молчи)! вскричала наконецъ она еще сердитѣе, кесь! или я отдамъ тебя гоулямъ (чертямъ)! Слышишь, какъ они царапаются по кровлѣ и стучатся за тобой въ двери!

Ночь была ненастная: крупный дождь по плоской кровлѣ, составляющей вмѣстѣ потолокъ, и стонъ вѣтра въ трубѣ, вторили ея хриплому голосу. Мальчикъ притихъ и, выпучивъ глаза, со страхомъ прислушивался. Въ самомъ дѣлѣ послышалось, будто кто-то стучитъ въ двери. Старуха перепугалась въ свою очередь. Всегдашняя ея собесѣдница, мохнатая собака, подняла съ просонковъ морду и залаяла прежалобнымъ голосомъ.

Но между тѣмъ удары въ дверь усилились и незнакомый голосъ грозно проревѣлъ за нею:

— Ачь капины, ахырынъ ахырыси (отвори дверь, на конецъ концевъ)!

Старуха поблѣднѣла.

— Аллахъ бисмаллахъ! произнесла она, то обращаясь къ небу, то грозя собакѣ, то унимая плачущаго ребенка. Цыцъ, проклятая! молчи говорю я тебѣ, харамзада (бездѣльникъ, сынъ позора)! Кто тамъ? Какой добрый человѣкъ пойдетъ, ни свѣтъ, ни заря, въ домъ къ бѣдной старухѣ! Если ты шайтанъ, ступай къ сосѣдкѣ Кичкинѣ: ей давно пора въ адъ показать дорогу! Если чоушъ (десятникъ), что правду сказать, немножко похуже шайтана, такъ убирайся прочь. Зятя нѣтъ дома, онъ въ нукерахъ при Аммалатъ-бекѣ, да меня же бекъ давнымъ-давно освободилъ отъ постоя, а на угощенье пріѣзжихъ дармоѣдовъ не жди отъ меня ни лйца, не то, чтобы утенка. Развѣ я даромъ выкормила грудью Аммалата?

— Да отворишь ли ты, чортово веретено? съ нетерпѣніемъ вскричалъ голосъ: или я изъ этой двери не оставлю тебѣ на гробъ дощечки!

Хилые затворы затрещали на петляхъ своихъ.

— Милости просимъ, милости просимъ! сказала старуха, дрожащей рукой отстегивая накладку.

Дверь распахнулась и вошелъ человѣкъ средняго роста, прекрасной, но угрюмой наружности.

Онъ былъ въ Черкесскомъ платьѣ: съ башлыка его и бѣлой бурки струилась вода; онъ безъ всякихъ обиняковъ сбросилъ ее на перину и началъ развязывать лопасти башлыка, которыя закрывали ему лице до половины. Фатьма, вздувъ въ это время свѣчу, стояла передъ нимъ со страхомъ и трепетомъ: усатая сабака, прижавъ хвостикъ, съежилась въ углу, а мальчикъ съ испугу залѣзъ въ камелекъ, который для красы никогда не былъ топленъ.

— Ну, Фатьма, свѣсила стала, сказалъ незнакомецъ: не узнаешь нынѣ старыхъ знакомцевъ . . .

Фатьма вглядѣлась въ черты пришельца, и у ней отлегло отъ сердца: она узнала Султанъ-Ахметъ-Хана, который отъ Кяфиръ-Кумыка примчался въ одну ночь въ Буйнакъ.

— Пусть песокъ засыплетъ глаза, которые не узнали своего стараго господина! произнесла она, почтительно сложивъ руки на груди. Правду молвить, потухли они въ сле-

захъ по своей родинѣ, по Аваріи. Прости, ханъ, старухѣ! . . . . . .

— Что твои за лѣта, Фатьма! Я тебя помню маленькою дѣвочкою въ Хунзахѣ, когда сажъ я насилу могъ доставать поропять изъ гнѣзда.

— Чужая сторона хоть кого старитъ, ханъ! Въ родимыхъ горахъ я бы по сихъ поръ была свѣжа, какъ яблочко, а здѣсь такъ словно снѣжный комъ, съ горы упавшій на долину. Прошу сюда, ханъ, здѣсь покойнѣе; да чѣмъ мнѣ подчивать дорогаго гостя: не угодно ли чего душѣ ханской?

— Душѣ ханской угодно, чтобъ ты его поподчивала своей доброй волею.

— Я въ твоей волѣ, ханъ. Говори, приказывай.

— Слушай, Фатьма, мнѣ некогда терять ни словъ, ни часовъ. Вотъ зачѣмъ я пріѣхалъ сюда. Сослужи мнѣ службу языкомъ, такъ будетъ чѣмъ потѣшить твои старые зубы. Я подарю тебѣ десять барановъ, и одѣну въ шелкъ съ головы до башмаковъ!

— Десять барановъ и платье, шелковое платье! О, милостивый Ага! о добрый мой ханъ! Не видывала я здѣсь такихъ господъ, съ тѣхъ поръ, какъ увезли жениха эти проклятые Тата-

ры и выдали за немилаго . . . Все готова сдѣлать, ханъ, хоть ухо рѣжь!

— Рѣзать не зачѣмъ, надобно только востро держать его. Вотъ въ чемъ дѣло: къ вамъ сегодня пріѣдетъ Аммалатъ съ полковникомъ; пріѣдетъ и шамхалъ Тарковскій. Полковникъ этотъ приколдовалъ къ себѣ молодаго твоего бека, и научивъ ѣсть свинину, хочетъ окрестить его христіанином, отъ чего да сохранитъ его Магометъ.

Старуха оплевывалась, возводя очи къ небу.

— Чтобы спасти Аммалата, надо поссорить его съ полковникомъ. Для этого ты приди къ нему, кинься въ ноги, расплачься, какъ на похоронахъ: вѣдь слезъ тебѣ не занимать ходить къ сосѣдкамъ; разбожись, какъ Дербентскій лавочникъ, вспомнивъ, что каждую клятву твою повезетъ дюжій баранъ; и наконецъ скажи ему, что ты подслушала разговоръ полковника съ шамхаломъ; что шамхалъ жаловался за отсылку дочери, что онъ ненавидитъ его изъ боязни, чтобы онъ не завладѣлъ шамхальствомъ; что онъ умолялъ полковника позволить убить его изъ засады или отравить въ кушаньѣ, а тотъ соглашался только заслать его въ Сибирь за тридевять горъ. Однимъ словомъ: выдумай и распиши все покрасиѣе. Ты искони славилась сказками: не съѣшь же

теперь грязи, и пуще всего упирай на то, что полковникъ, ѣдучи въ отпускъ, возьметъ его съ собою въ Георгіевскъ, чтобы разлучить съ родными и преданными цукерами, и оттолѣ скованнаго отправить къ чорту.

Султанъ Ахметъ прибавилъ къ сему всѣ нужныя подробности, для придапія этой сказкѣ самой правдоподобной наружности, и раза два училъ старуху, какъ ловче ввернуть ихъ въ рѣчь.

— Ну, помни же все хорошенько, Фатьма! сказалъ онъ, надѣвая бурку. Не забудь и того, съ кѣмъ имѣешь дѣло!

— Валла, билла! пусть будетъ мнѣ пепелъ вмѣсто соли, пусть нищенскій чурекъ закроетъ мнѣ глаза, пусть . . .

— Не корми шайтановъ своими клятвами, а услужи мнѣ рѣчами. Я знаю, что Аммалатъ вѣритъ тебѣ крѣпко, и если ты для пользы же его, хорошо сладишь дѣло, онъ уѣдетъ ко мнѣ, и тебя привезетъ туда же. Заживешь подъ моимъ крылышкомъ припѣваючи. Но повторяю тебѣ: если ты нечаянно или нарочно измѣнишь мнѣ, или помѣшаешь своею болтовнею, то я изъ твоего стараго мяса напеку шайтанамъ кебаба *.

---

* Кусочки жареного мяса на вертелѣ (*шашлыкъ*).

— Будь покоенъ, ханъ; нѫ нечего дѣлить ни за меня, ни со мною. Я буду хранить тайну, какъ могила, а на Аммалата надѣну сорочку свою *.

— Ну то-то же, старуха! Вотъ тебѣ золотая печать на губы: постарайся!

— Башуста, гез-уста **! вскричала старуха, съ жадностію схвативъ червонецъ и цѣлуя руки хана за этотъ подарокъ.

Султанъ-Ахметъ-Ханъ съ презрѣніемъ взглянулъ на это ползающее существо, выходя изъ сакли.

— Гадина! проворчалъ онъ: за барана, за кусокъ парчи готова бы ты продать и тѣло дочери и душу сына и счастіе воспитанника! Онъ не подумалъ, какое имя заслуживалъ онъ самъ, опутывая друга коварствомъ и напивая для низкой клеветы, для злодѣйскихъ намѣреній, подобныхъ существъ.

---

* То есть, передастъ ему свои чувства. Татарское выраженіе.

** Охотно, извольте! Слово въ слово значитъ: *на мою голову, на мои очи.*

Отрывокъ изъ письма полковника В. къ его невѣстѣ.

Лагерь близъ селенія Кяфирь-Кумыкъ.

Августъ.

. . . «Аммалатъ любитъ, но какъ любитъ!! Никогда, и въ самомъ пылу моей юности, не доходила любовь моя до такого изступленія. Я горѣлъ какъ кадило, зажженное лучемъ солнца: онъ пышетъ, какъ запаленный молніею корабль на бурномъ морѣ. Съ тобою, Марія, мы не разъ, читали Шекспирова Отелло, и только неистовый Отелло можетъ дать идею о тропической страсти Аммалата. Онъ часто и долго любитъ говорить о своей Селтанетѣ, и я самъ люблю внимать его огнедышащему краснорѣчію. Порой это мутный водопадъ, извергнутый глубокою пещерою; порой это пламенный ключъ нефти Бакинской. Какія звѣзды сыплютъ тогда его очи, какой зарницею играютъ щеки, какъ онъ прекрасенъ бываетъ тогда! Въ немъ нѣтъ ничего идеальнаго, но за то земное величаво, плѣнительно. Увлеченный, тронутый самъ, я принимаю на грудь свою изнемогшаго отъ восторга юношу, и онъ долго, медленными вздохами дышитъ, и

потомъ, склонивъ очи, опустивъ голову, будто стыдясь глядѣть на свѣтъ, не только на меня, сжимаетъ мнѣ руку и невѣрною стопою уходитъ прочь, а послѣ того цѣлый день не выманишь отъ него слова.

Со времени возврата своего изъ Хунзаха, онъ сталъ еще мрачнѣе прежняго; особенно въ послѣдніе дни. Онъ такъ старательно кроетъ самое высокое, самое благородное чувство, сближающее человѣка съ божествомъ, какъ будто бы оно позорная слабость или ужасное преступленіе. Онъ убѣдительно просился съѣздить еще разъ въ Хунзахъ, повздыхать на свою красавицу, и я отказалъ ему: отказалъ для его же пользы. Я уже давно писалъ къ Алексѣю Петровичу о моемъ баловнѣ, и онъ велѣлъ привезти его съ собой на воды, гдѣ будетъ самъ. Онъ хочетъ дать ему порученія къ Султанъ-Ахметъ-Хану, которыя принесутъ несомнѣнныя выгоды и Россіи и Аммалату . . . О, какъ счастливъ буду я его счастіемъ! Мнѣ будетъ обязанъ онъ блаженствомъ жизни, не только пустою жизнію. Я заставлю его стать передъ тобой на колѣни и скажу: *благотвори ей!* Если бъ сердце мое не было проникнуто любовію къ Маріи, ты не овладѣлъ бы Султанетой.

Вчера получилъ я летучку отъ Главнокомандующаго: великодушный человѣкъ! Онъ да-

ств крылья счастливых вѣстник. Все кончено, милая, безцѣнная! Я ѣду къ тебѣ на воды. Только доведу полкъ до Дербента — и въ сѣдло. Не буду знать усталн днемъ, ни дремоты ночью, покуда не отдохну въ твоихъ объятіяхъ. О, кто мнѣ дастъ крылья на перелетъ! кто дастъ силъ вынести мое, *наше* благополучіе! . . . Я въ сладкомъ страхѣ сжималъ грудь, чтобы не выпорхнуло сердце. Долго не могъ я уснуть: воображеніе рисовало мнѣ встрѣчу въ тысячѣ видахъ, и въ промежуткахъ мелькали самыя надорныя, но пріятныя заботы о свадебныхъ безделкахъ, подаркахъ, уборахъ: ты будешь въ моемъ любимомъ зеленомъ цвѣтѣ . . . не правда ли, душа моя?... Мечты мѣшали мнѣ заснуть, какъ сильное благоуханіе розъ. За то тѣмъ сладостнѣе, тѣмъ свѣтлѣе былъ сонъ. Я видѣлъ тебя въ сіяніи зари, и разъ за разомъ иначе, и каждый разъ прелестнѣе, чѣмъ сперва. Сновидѣнія вились цвѣточною вязью . . . иль нѣтъ, между ними не было никакой связи: то были чудные образы, выпадающіе въ калейдоскопѣ, столь же пестрые, столь же неуловимые. Со всѣмъ тѣмъ я проснулся сегодня грустенъ; пробужденіе отняло у младенческой души моей любимую игрушку. Я зашелъ въ палатку къ Аммалату . . . Онъ еще спалъ, лице его бы-

ло блѣдно и сердито. Пускай сердится на меня: я предвкушаю уже благодарность бурнаго юноши. Я, какъ судьба, втайнѣ созидаю ему наслажденіе . . . . . .

Сегодня я прощался съ здѣшними горами, надолго, желалъ бы навсегда. Я очень радъ, что покидаю Азію, эту колыбель рода человѣческаго, въ которой умъ доселѣ остался въ пеленкахъ. Изумительна неподвижность Азіятскаго быта въ теченіе стольких вѣковъ. Объ Азію расшиблись всѣ попытки улучшенія и образованія; она рѣшительно принадлежитъ не времени, а мѣсту. Индійскій браминъ, Китайскій мандаринъ, Персидскій бекъ, Горскій уздень неизмѣнны, тѣ же, что были за 2000 лѣтъ. Печальная истина! Они изображаютъ собою однообразную, хотя и пеструю, живую природу. Мечи и бичи покорителей не оставили на нихъ, какъ на водѣ, никакихъ рубцовъ; книги и примѣры миссіонеровъ не произвели ни малѣйшаго вліянія. Иногда мѣняли они еще пороки, но никогда не пріобрѣтали чужихъ познаній или доблестей. Я покидаю землю плода, чтобы перенестись въ землю труда, этого великаго изобрѣтателя всего полезнаго, одушевителя всего великаго, этого будильника души человѣческой, заснувшей здѣсь нѣгою, на персяхъ прелестницы приро-

ды. И въ самомъ дѣлѣ, какъ прелестна здѣсь природа! Всякакъ на высокую гору влѣво отъ Кяфиръ-Кумыка, я любовался на разсвѣтающія вершины Кавказа. Глядѣлъ и не наглядѣлся на нихъ! Что за дивная прелесть облекаетъ ихъ вѣнцемъ своимъ! Еще тонкая завѣса, сотканная изъ свѣта и сумрака, лежитъ надъ нижними холмами, но далекіе льды уже теплились въ небѣ, и небо, словно ласковая мать, припавъ къ нимъ необъятнымъ лономъ, кормило ихъ млекомъ облаковъ, заботливо повивая туманною пеленою, освѣжая вѣтромъ тиховѣйнымъ! О, такъ бы летомъ и полетѣла туда душа моя, туда, гдѣ священный холодъ простерся границею между земнымъ и небеснымъ! Сердце проситъ и жаждетъ вздохнуть воздухомъ небожителей. Хочется побродить по снѣгамъ, на которыхъ не печатлѣлъ человѣкъ кровавыхъ стопъ своихъ, коихъ не омрачала никогда тѣнь орла, до коихъ не долетали перуны, и на вѣчноюномъ темени которыхъ время — слѣдъ вѣчности — не оставило слѣдовъ своихъ!

Время? Мнѣ пришла въ голову странная мысль. Сколько дробныхъ названій изобрѣлъ щепетильный человѣкъ, для дѣланія безконечно малаго отрѣзка времени отъ безконечно великаго круга вѣчности. Годы, мѣсяцы, дни,

часы, минуты . . . . У Бога нѣтъ ничего этого, нѣтъ даже ни вечера, ни завтра: у Него все это слилось въ одно вѣчное *нынѣ*! . . . Увидимъ ли мы когда нибудь этотъ океанъ, въ которомъ тонемъ доселѣ? Но, вопросъ: къ чему послужитъ это человѣку? Неужели для удовлетворенія пустаго любопытства? Нѣтъ: познанія истины, т. е. всеразумой благости, жаждетъ душа человѣка мыслящаго. Она хочетъ полною чашею черпать изъ источника свѣта, который падаетъ на нее изрѣдка желтыми росинками! . . .

И я буду черпать его . . . Тайный страхъ смерти таетъ какъ снѣгъ передъ лучемъ такой надежды! . . . Я буду черпать изъ него . . . чистая любовь моя къ ближнему тому залогомъ; свинцовыя путы заблужденій распадутся отъ немногихъ слезъ раскаянія, и повергну сердце свое, какъ жертву очистительную, передъ судомъ, для меня не страшнымъ!

Чудная вещь, моя милая! Едва взгляну я на горы, на море, на небо . . . какое-то грустное и вмѣстѣ невыразимо-сладостное чувство гнететъ и расширяетъ сердце. Мысль о тебѣ сливается съ нимъ, и, будто во снѣ, убѣгаетъ отъ меня твой образъ. Предвкушеніе ли это земнаго блаженства, которое зналъ я лишь по имени, или предчувствіе . . . вѣч . . . ?

О, безцѣнная, добрая, ангельская душа . . . одинъ взоръ твой, и я исцѣленъ отъ мечтательности! Какъ счастливъ я, что могу теперь съ увѣренностію сказать: *„до свиданья.“*

ГЛАВА XI.

Ядъ клеветы пожигалъ внутренность Аммалата.

По наущенію хана, кормилица его Фатьма, со всѣми признаками преданности и безкорыстной искренности, передала ему условленную заранѣ сказку, въ тотъ же самый вечеръ, какъ онъ съ В. пріѣхалъ въ Буйнаки, гдѣ встрѣтилъ ихъ шамхалъ, изъ учтивости и уваженія къ полковнику. Отравленная стрѣла вонзилась глубоко . . . Теперь сомнѣніе было бы отрадою Аммалату, но убѣжденіе, казалось, озарило всѣ прежнія дружественныя и родственныя связи его свѣтомъ яркимъ, хотя и погребальнымъ. Въ порывѣ ярости, онъ хо-

тѣлъ къ ту же минуту утолить месть свою въ крови обоихъ измѣнниковъ, но уваженіе къ святынѣ гостепріимства преодолѣло кровожадность. Онъ отложилъ на время убійство . . . но могъ ли забыть о немъ? Каждый мигъ отсрочки, какъ разожженная мѣдь, капалъ на его сердце. Воспоминанія, доказательства, ревность, любовь вырывали оное другъ у друга, и это положеніе было для него такъ ново, такъ странно, что онъ впадалъ въ безуміе, тѣмъ болѣе тяжкое, что долженъ былъ скрывать внутреннюю борьбу отъ своего прежняго друга. Такъ протекли цѣлыя сутки. Отрядъ остановился лагеремъ близъ селенія Бугдень, въ которомъ ворота, построенныя въ ущеліи, служащемъ дорогою въ Акушу, замыкаютъ оную по произволу жителей Бугденскихъ. Вотъ что писалъ Аммалатъ, желая хоть чѣмъ нибудь облегчить тоску души, готовящейся на черное злодѣяніе . . .

ПОЛНОЧЬ.

. . . «Зачѣмъ бросилъ ты, Султанъ-Ахметъ-Ханъ, молнію въ грудь мою? Братская дружба и братопредательство, братоубійство . . . Какія ужасныя крайности? И между ними только одинъ шагъ, одно мгновеніе . . .

Я не могу спать, не могу думать о другомъ: я прикованъ къ этой мысли, какъ преступникъ къ колодѣ своей. Кровавое море ходитъ, плещетъ, бушуетъ кругомъ меня, и надъ нимъ сверкаютъ только молніи вмѣсто звѣздъ!... Душа моя подобна теперь голой скалѣ, на которую слетаются одни хищныя птицы и злые духи дѣлить добычу или готовить гибель. В., В! что сдѣлалъ я тебѣ? За что хочешь ты сорвать съ неба звѣзду моей свободы? Не за то ль, что я такъ нѣжно любилъ тебя!! . . . И почему ты подкрадываешься, какъ воръ, клевещешь, коварствуешь, лицемѣришь? Сказалъ бы просто: мнѣ нужна жизнь твоя, и я бы отдалъ ее безропотно . . . легъ жертвою, какъ сынъ Ибрагима (Авраама); я бы простилъ тебя, если бъ ты посягалъ только на жизнь мою: но продать мою свободу, похитить у меня, заживо погребеннаго, Селтанету! Злодѣй! и ты еще дышишь! . . .

Но поврежденно, какъ опаленный голубь сре-

ди пожарнаго дыма, является мнѣ образъ твой, Селтанета! . . . . Отъ чего жъ я не радостенъ, мечтая о тебѣ, какъ бывало прежде . . . Насъ хотятъ разлучить, милая, отдать тебя другому, женить меня на могильной плитѣ ... но я пройду до тебя по кровавому ковру, я исполню страшный завѣтъ, чтобы овладѣть тобою. Не однѣхъ подругъ зови на свадебный пиръ нашъ: зови коршуновъ и вороновъ . . . всѣхъ угощу я до сыта! Я заплачу богатое вѣно (калымъ) . . . Въ изголовье невѣсты положу я сердце, которое недавно еще цѣнилъ я дороже тронной подушки Персидскаго падишаха*. . . . . .

. . . . Чудная судьба! . . . . Невинная дѣвушка! Ты будешь виною неслыханнаго злодѣйства. Добрѣйшее созданіе! за тебя друзья станутъ терзать другъ друга съ звѣрскою лютостію. Для тебя? . . . . за тебя? . . . Въ самомъ ли дѣлѣ за одну тебя? . . . Съ лютостію? съ одною ли лютостію? В. говорилъ, что убить непріятеля украдкою, врасплохъ, подло, низко; но если я не могу иначе сдѣлать этого?... Но можно ли ему вѣрить? Хитрецъ хотѣлъ заранѣе опутать, не только руку, но даже и совѣсть мою! . . . . Напрасно.

* Подушка сія, унизанная дорогими камнями и жемчугомъ, не имѣетъ цѣны.

. . . Я зарядилъ теперь винтовку свою . . . Какой славный витой стволъ, что за чудесная насѣчка! Винтовка досталась мнѣ отъ отца, отцу отъ прадѣда. Мнѣ разсказывали про множество знаменитыхъ изъ нея выстрѣловъ, и ни одинъ, ни одинъ не былъ пущенъ украдкою . . . всегда въ бою, всегда въ глазахъ цѣлаго войска бросала она смерть; а теперь? . . . Но обида, но измѣна, но ты, Селтанета! . . . О, рука моя не дрогнетъ нанести ударъ тому, котораго имя и написать она трепещетъ. Одинъ зарядъ, одинъ ударъ, и все кончено!

Зарядъ! . . . Какъ онъ легокъ . . . но какъ тяжко, можетъ быть, станетъ каждое зернышко пороху на вѣсахъ Аллы! . . . Какъ далеко, какъ невообразимо далеко заброситъ этотъ зарядъ душу человѣка! . . . О, да будетъ проклятъ тотъ, кто изобрѣлъ тебя, сѣрая пыль, предающая героя во власть послѣдняго труса, поражающаго издали врага, который бы однимъ взоромъ обезоружилъ поднятую на него руку! Такъ, этотъ ударъ расторгнетъ всѣ прежнія связи мои: но онъ проложитъ мнѣ дорогу къ новымъ! Въ прохладѣ Кавказа, на груди Селтанеты освѣжится вновь мое упялое сердце. Какъ ласточка, я совью себѣ гнѣздо на чужбинѣ, какъ для ласточки, весна будетъ

моимъ отечествомъ; я сброшу съ себя всѣ печали, какъ старыя перья . . .

. . . Но линяютъ ли угрызенія совѣсти?... Послѣдній Лезгинъ, завидя въ бою того, съ кѣмъ дѣлилъ хлѣбъ-соль, отворачиваетъ коня въ сторону и стрѣляетъ мимо: а я пронжу сердце, на которомъ отдыхалъ, какъ братъ родной! Конечно, онъ обманывалъ меня своею дружбою: но развѣ отъ того менѣе былъ я счастливъ? О, если бы этими слезами я могъ выплакать гнѣвъ свой, залить имъ жажду мщенія, купить на нихъ Селтанету!!

Что же медлитъ заря! Пускай выходитъ она . . . Я не красивѣя, взгляну на солнце, не блѣдивѣя, въ очи В. — Сердце мое закалено противъ состраданія . . . измѣна зоветъ измѣну . . . Я рѣшился . . . скорѣй, скорѣй! »

Такъ безпорядочно, безсвязно писалъ Аммалатъ, чтобы обмануть время и развлечь душу; такъ старался онъ обмануть самого себя, подстрекая себя жестію, когда истинная вина его кровожадности, то есть желаніе владѣть Селтанетою, пробивалась въ каждомъ словѣ. Чтобы придать себѣ дерзости на злодѣяніе,

онъ выпилъ много вина, и опьянѣлый, съ ружьемъ кинулся къ палаткѣ полковника; но увидѣвъ часовыхъ у входа, разсудилъ, врожденное въ Авіятцѣ чувство самохраненія не погасло и въ самомъ безуміи. Аммалатъ отложилъ до утра совершеніе убійства, но спать не могъ онъ, но разгулять тоски своей не могъ онъ . . . и возвратясь снова въ палатку свою, онъ схватилъ за грудь крѣпкоспящаго Сафиръ-Али и сильно потрясъ его.

— Вставай, соня! закричалъ онъ ему: уже заря!

Сафиръ-Али приподнялся съ недовольнымъ видомъ, и зѣвая отвѣчалъ:

— Я вижу только винное зарево на твоихъ щекахъ. Спокойной ночи, Аммалатъ!

— Вставай, говорю я тебѣ! Мертвые должны покинуть гробы на встрѣчу новаго пришельца, котораго обѣщалъ я имъ для бесѣды!

— Помилуй, братецъ, развѣ я мертвый?... Пускай себѣ встаютъ хоть сорокъ имамовъ* съ Дербентскаго кладбища, а я хочу спать!

— Но ты любишь пить, гяуръ, и ты долженъ пить со мною!

---

* Мусульмане вѣрятъ, что въ часовнѣ, на сѣверномъ кладбищѣ Дербента, положены сорокъ первыхъ правовѣрныхъ, замученныхъ язычниками.

— Это иное дѣло . . . Наливай полнѣе . . . *Алла серды**! Я всегда готовъ пить и любить!

— И врага убить! . . . Ну, еще . . . за здоровье чорта, который друзей оборачиваетъ смертельными врагами!

— Такъ и быть! . . . катай за здоровье чорта! Бѣдняжкѣ нужно здоровье; мы изгоним его въ чахотку съ досады, что не удается насъ поссорить!

— Правда, правда, люди не нуждаются въ немъ для злобы . . . Съ В. и со мной онъ бросилъ бы карты . . . Но и ты не отстанешь, надѣюсь, отъ меня? . . .

— Аммалатъ, я не только вино изъ одной бутылки, да и молоко сосалъ изъ одной груди съ тобою. Я твой, если даже тебѣ вздумается, словно коршуну, спить себѣ гнѣздо на скалѣ Хунзаха . . . Впрочемъ мой бы совѣтъ . . .

— Никакихъ совѣтовъ, Сафиръ-Али . . . никакихъ возраженій! . . . Теперь уже не время.

— И въ самомъ дѣлѣ, они перетонутъ, какъ мухи въ винѣ; теперь пора спать . . .

Спать, говоришь ты? Мнѣ спать? Нѣтъ, я сказалъ прости сну . . . мнѣ пора пробу-

* Богъ далъ т. е. на здоровье.

диться. Осмотрѣлъ ли ты ружье, Сафиръ-Али? Хорошъ ли кремень? Не отсырѣлъ ли отъ крови порохъ на полкѣ?

— Что съ тобою, Аммалатъ? Что у тебя за свинцовая тайна на сердцѣ? Лице твое страшно, рѣчи еще страшнѣе . . .

— А дѣла будутъ еще ужаснѣе! Не правда ли, Сафиръ-Али: моя Селтанета прекрасна! Замѣть это: моя Селтанета . . . Неужели это свадебныя пѣсни, Сафиръ-Али? . . . Да, да, да, понимаю . . . это шакалы просятъ добычи! . . . Духи и звѣри! погодите немного, я насыщу васъ. Гей! подайте вина, еще вина, еще крови . . . говорю я вамъ!

Аммалатъ упалъ въ безпамятствѣ опьяненія на постель: пѣна била клубомъ съ его устъ, судорожныя движенія волновали все тѣло; онъ произносилъ со стономъ невнятныя слова. Сафиръ-Али заботливо раздѣлъ его, уложилъ, укуталъ и просидѣлъ остатокъ ночи надъ молочнымъ братомъ своимъ, напрасно прислушивая въ умѣ разрѣшенія загадочныхъ для него рѣчамъ и поведенію Аммалата.

ГЛАВА XII.

По утру, предъ выступленіемъ, дежурный по отряду капитанъ пришелъ къ полковнику В., съ рапортомъ и за новыми приказаніями. Послѣ обычнаго размѣна словъ по службѣ, онъ со встревоженнымъ видомъ сказалъ:

— Полковникъ! я обязанъ сообщить вамъ важную вещь. Вчерашній вѣстовой вашъ, рядовой моей роты, Хамитовъ, подслушалъ разговоръ Аммалатъ-бека съ его кормилицею въ Буйнакахъ. Онъ Казанскій Татаринъ и порядочно понимаетъ здѣшнее нарѣчіе. Сколько могъ онъ разобрать и разслушать, старуха увѣряла его, что вы съ шамхаломъ собираетесь отправить его на каторгу. Аммалатъ бѣсился, бранился, говорилъ, что все это знаетъ отъ хана Аварскаго, и клялся погубить васъ

своею рукою. Не довѣряя однако жъ своему слуху, вѣстовой не рѣшился ничего объявить, а сталъ присматривать за всѣми его шагами. Вчера ввечеру, говоритъ онъ, Аммалатъ разговаривалъ съ какимъ-то издалека пріѣхавшимъ всадникомъ; на прощаньи сказалъ онъ: скажи хану, что завтра чуть встанетъ солнце, все будетъ кончено. Пусть готовится онъ самъ, я съ нимъ скоро увижусь!

— И только, г-нъ капитанъ? спросилъ В.

— Болѣе ничего не имѣю я сказать, но очень многое могу думать. Я измыкалъ свой вѣкъ между Татарами, и удостовѣрился, полковникъ, что безразсудно довѣряться самому лучшему изъ нихъ. Родной братъ не безопасенъ, отдыхая на рукѣ брата.

— Тому вина зависть, капитанъ: Каинъ передалъ ее въ вѣчное и потомственное владѣніе всѣмъ людямъ, но преимущественно сосѣдамъ Арарата. Намъ же съ Аммалатомъ нечего дѣлить; притомъ же я ничего не сдѣлалъ ему, кромѣ добра, ничего не хочу дѣлать, кромѣ благодѣяній. Будьте покойны, капитанъ: я очень вѣрю усердію вѣстоваго, но мало его знанію Татарскаго языка. Нѣсколько сходныхъ звуковъ ввели его въ заблужденіе; а ужъ разъ создалъ онъ въ умѣ умыселъ, все прочее казалось ему доказательствами. Право

я, не такой важный человѣкъ, чтобы ханы и беки дѣлали заговоръ на жизнь мою. Я очень хорошо знаю Аммалата: онъ вспыльчивъ, но добраго сердца, и не могъ бы двухъ часовъ потаить злодѣйскаго умысла.

— Не ошибитесь, полковникъ! Аммалатъ все таки Азіатецъ, а это слово аттестатъ. Здѣсь, не какъ у насъ, здѣсь слово скрываетъ мысль, а лице душу. На иного взглянешь, ну, кажется сама невинность, а попытайте имѣть съ нимъ дѣло: это бездна подлости, коварства и лютости!

— Вы имѣете полное право такъ думать, любезный капитанъ, по опыту. Султанъ-Ахметъ-Ханъ далъ вамъ наказную помпику въ Буйнакахъ, въ домѣ Аммалата. Но я, я не имѣю никакого повода подозрѣвать въ чемъ либо ужасномъ Аммалата. Да и какую выгоду найдетъ онъ убить меня? Во мнѣ все его блага, вся надежды. Онъ сумасбродъ, но не сумасшедшій; при томъ же, какъ видите, солнце высоко, а я живъ и здоровъ. Сердечно благодарю васъ, капитанъ, за участіе, но прошу васъ: не сомнѣвайтесь въ Аммалатѣ, и видя, какъ цѣню я старую дружбу, будьте увѣрены, что я буду высоко цѣнить и новую. Прикажите бить подъемъ!

Капитанъ вышелъ, сомнительно качая головою. Барабаны загремѣли, и выстроенный въ

боевой порядокъ отрядъ двинулся съ ночлега далѣе. Утро было свѣжо и ясно; путь вился по зеленымъ паламъ предгорій Кавказскихъ, гдѣ-инде увѣнчанныхъ лѣсомъ или кустарникомъ. Строй былъ подобенъ стальному потоку, то катящемуся съ горъ, то востекающему на холмы. Туманы еще лежали въ удоліяхъ, и В., въѣзжая на вершины, каждый разъ оглядывался, чтобы полюбоваться чудною игрою арѣнія. Спускаясь съ крутизны, строй точно будто тонулъ въ дымной рѣкѣ, подобно войску Фараона, и наконецъ съ глухимъ шумомъ вновь сверкали штыки изъ волнъ тумана; потомъ являлись головы, плеча, люди росли, выростали, взбѣгали на высь и снова окунывались въ туманы другаго ущелія.

Аммалатъ ѣхалъ блѣденъ и угрюмъ, подлѣ самаго взвода застрѣльщиковъ. Казалось, онъ желалъ, чтобы грохотъ барабановъ заглушилъ въ немъ голосъ совѣсти. Полковникъ подозвалъ его къ себѣ и очень ласково сказалъ:

— Тебя надобно пожурить, Аммалатъ: черезъ-чуръ ты началъ слѣдовать урокамъ Гафиза. Вспомни, что вино хорошій слуга, но злой баринъ. Впрочемъ, головная боль и желчь, разлитая по твоему лицу, вѣрно подѣйствуетъ на тебя гораздо лучше словъ. Ты провелъ буйную ночь, Аммалатъ!

— Бурную, мучительную ночь, полковникъ! Дай Богъ, чтобы такая ночь была послѣднею... Мнѣ снились страшные сны!

— Ага, дружокъ! Вотъ каково преступать завѣтъ Магомета: правовѣрная совѣсть тебя мучила, какъ стѣнь!

— Хорошо, у кого совѣсть спорить съ однимъ виномъ.

— Какова совѣсть, любезный! По несчастію, она такъ же подвержена предразсудкамъ, какъ и самъ разсудокъ. У каждаго вѣка, у каждаго народа была своя совѣсть, и голосъ вѣчной, неизмѣнной истины умолкалъ передъ самозванкою. Такъ было, такъ есть. Что вчера почиталъ иной грѣхомъ смертнымъ, тому завтра молится; что считаютъ правымъ и славнымъ на этомъ берегу, за рѣчкой доводитъ до висѣлицы.

— Однако жъ, я думаю, лицемѣріе и измѣна никогда и нигдѣ не считались добродѣтелями.

— Не скажу и этого. Мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, гдѣ лишь удача рѣшитъ, хороши или нѣтъ были средства ея достигнуть, гдѣ люди самые совѣстные изобрѣли для себя очень покойное правило: что цѣль освящаетъ средства.

Аммалатъ-бекъ въ раздумьи повторилъ эти

слова, потому что ихъ оправдывалъ. Ядъ ѳгонизма снова начиналъ въ немъ разыгрываться, и слова В., которыя считалъ онъ коварствомъ, лились, какъ масло на пламя.

— Лицемѣръ! — говорилъ онъ про себя: часъ твой близокъ!

И между тѣмъ В., какъ жертва, ничего неподозрѣвающая, ѣхалъ рядомъ съ своимъ палачемъ. Не доѣзжая верстъ восьми до Каякента, съ горы открылось передъ ними Каспійское море, и думы В. понеслись надъ нимъ, какъ лебедь. Зеркало вѣчности! произнесъ онъ, впадая въ мечтанія . . . Отъ чего не радуетъ сегодня меня лицо твое? Какъ прежде, на тебѣ играетъ солнце, словно Божья улыбка, и лоно твое также величаво дышитъ вѣчною жизнію, но это жизнь не здѣшняго міра! Ты кажешься мнѣ сегодня печальною степью: ни лодки, ни корабельнаго паруса, никакого признака бытія человѣческаго . . . Все пусто!!

— Да, Аммалатъ! прижолвилъ онъ: мнѣ наскучило ваше, почти всегда сердитое, пустое море, вашъ край, населенный болѣзнями и людьми, которые хуже всѣхъ болѣзней въ свѣтѣ; мнѣ наскучила сама война съ незримыми врагами, самая служба съ недружными товарищами. Этого мало, что мнѣ мѣшали въ

дѣлѣ, портили, что я приказывалъ дѣлать . . . но порочили то, что я думалъ дѣлать, и клеветали на сдѣланное. Вѣрой и правдой служилъ я Государю, безкорыстно отечеству и здѣшнему краю; отказался я, добровольный изгнанникъ, ото всѣхъ удобствъ жизни, ото всѣхъ радостей общества, осудилъ свой умъ на неподвижность, безъ книгъ; похоронилъ сердце въ одиночествѣ, безъ милой . . . и что было мнѣ наградою? О, скоро ль настанетъ минута, когда я брошусь въ объятія моей невѣсты, когда я, усталый отъ службы, отдохну подъ сѣнью родной хижины на злачномъ берегу Днѣпра . . . когда, мирный селянинъ и нѣжный отецъ семейства, въ кругу родныхъ и добрыхъ крестьянъ моихъ, буду бояться только града небеснаго за жатву, сражаться только съ дикими звѣрями за стадо! Сердце ноетъ по этомъ часѣ! Отпускъ у меня въ карманѣ, отставка обѣщана . . . такъ бы летомъ летѣлъ къ невѣстѣ . . . И черезъ пять дней я непремѣнно буду въ Георгіевскѣ, а все кажется, будто пески Ливіи, будто ледяное море, будто цѣлая вѣчность могилы разлучаютъ насъ! . . .

В. умолкъ; по щекамъ его катились слезы; конь его, почуявъ брошенные повода, ускорилъ ходъ, и такимъ образомъ, вдвоемъ съ

Аммалатомъ, они далеко опередили отрядъ... Казалось, сама судьба предавала полковника въ руки злодѣя.

Но жалость проникла въ душу нечестоваго, виномъ пылающаго, Аммалата, подобно лучу солнечному, упавшему въ разбойничью пещеру. Онъ увидѣлъ тоску и слезы человѣка, котораго столь долго считалъ другомъ своимъ, и поколебался . . . Нѣтъ, думалъ онъ самъ съ собою: до такой степени невозможно притворяться! . . .

Въ эту минуту В. очнулся, поднялъ голову, и сказалъ Аммалату: Приготовься; ты ѣдешь со мною!

Несчастныя слова! Все доброе, все благородное, возникавшее вновь въ груди Азіятца, въ одинъ мигъ было подавлено ими: мысль о предательствѣ, о ссылкѣ, огненнымъ потокомъ протекла по всему его существу.

— Съ нами? возразилъ онъ съ злобною усмѣшкою, съ нами, въ Россію? О, безъ сомнѣнія, если вы сами поѣдете!

И въ порывѣ гнѣва онъ пустилъ искать коня своего, чтобы имѣть время справиться съ оружіемъ, и вдругъ обратился на встрѣчу полковнику, проѣхалъ мимо и сталъ давать быстрые круги около. Съ каждымъ скокомъ сильнѣй разгаралось въ немъ пламя бѣшен-

ства. Ему казалось, что свистящій мимо ушей воздухъ жужжалъ ему: убей, убей! это врагъ твой! вспомни Селтанету . . . Онъ схватилъ изъ-за плеча мѣткое ружье свое, взвелъ курокъ, и ободряя себя крикомъ, поскакалъ съ кровожадною рѣшительностію къ обреченной жертвѣ.

Между тѣмъ В., не питая ни малѣйшаго подозрѣнія, спокойно смотрѣлъ на скачку Аммалата, воображая, что онъ, по напутному обычаю Азіятцевъ, хочетъ поджигитовать.

— Стрѣляй въ цѣль, Аммалатъ-бекъ! закричалъ онъ несущемуся на него убійцѣ.

— Какая цѣль лучше груди врага! отвѣчалъ Аммалатъ-Бекъ, наскакивая, и въ десяти шагахъ спустилъ курокъ! . . . выстрѣлъ грянулъ . . . и молча, медленно свалился полковникъ съ сѣдла. Испуганный конь его, вздувъ ноздри, ощетинивъ гриву, обнюхивалъ всадника, въ рукѣ котораго немерли досель поселительные поводья, а конь Аммалата сталъ вдругъ предъ тѣломъ, упершись передними ногами. Аммалатъ соскочилъ съ него, и опершись на дымящееся ружье, нѣсколько мгновеній пристально смотрѣлъ на лицо убитаго, какъ будто желая доказать самому себѣ, что онъ не страшится этого неподвижнаго взора, потухающихъ очей, этой холодѣющей крови...

Трудно было узнать, невозможно передать того, что крутилось вихрем въ груди его. Сафиръ-Али прискакалъ стремглавъ, и кинулся на колѣни подлѣ полковника... Приложилъ ухо къ устамъ его: не дышитъ! ощупалъ сердце: не бьется! Онъ мертвъ! произнесъ Сафиръ-Али отчаяннымъ голосомъ.

— Мертвъ? совсѣмъ мертвъ! Тѣмъ лучше . . . мое счастіе свершено! произнесъ Аммалатъ, будто пробуждаясь отъ сна.

— Для тебѣ счастіе! для тебя, братоубійцы!... Если ты найдешь его, свѣтъ станетъ молиться шайтану, вмѣсто Аллы!

— Сафиръ-Али! вспомни, что ты не судья мнѣ! грозно сказалъ Аммалатъ, ступая въ стремя. Слѣдуй за мною!

— Пускай одно раскаяніе преслѣдуетъ тебя, какъ тѣнь; отнынѣ я не товарищъ твой!

Произнесенный до глубины души нежданнымъ укоромъ отъ человѣка, съ которымъ связанъ былъ дружествомъ отъ младенчества, Аммалатъ не вымолвилъ слова, указалъ своимъ изумленнымъ пукерамъ на ущеліе, и, видя погоню, какъ стрѣла рванулся въ горы.

Тревога распространилась по фронту; передовые офицеры и Донскіе казаки кинулись на выстрѣлъ, но они поздно прискакали туда: они

не могли ни воспрепятствовать злодѣйству, ни достичь убѣгающаго злодѣя. Черезъ пять минутъ, окровавленный трупъ изувѣрски убитаго полковника окруженъ былъ толпами солдатъ и офицеровъ. Недоумѣніе, негодованіе, жалость были написаны на всѣхъ лицахъ. Гренадеры, опершись на штыки, плакали навзрыдъ; и нелестивыя слезы текли у нихъ градомъ по храбромъ, любимомъ начальникѣ.

ГЛАВА XIII.

Трои сутки скитался Аммалатъ по горамъ Дагестана. Какъ мусульманинъ, онъ и въ деревняхъ, покоренныхъ Русскому владычеству, между людьми, для коихъ воровство, разбой и бѣгство — доблесть, безопасенъ былъ отъ всякаго преслѣдованія; но могъ ли уйти отъ сознанія въ собственномъ преступленіи? Ни умъ, ни сердце его не оправдывали кроваваго поступка, и образъ падающаго съ коня В. неотступно возникалъ даже передъ закрытыми очами. Это еще болѣе ожесточало, раздражало его. Азіятецъ, совратясь однажды съ пути, быстро пробѣгаетъ поприще злодѣйства. Завѣтъ хана, чтобъ не являться передъ него

безъ головы В., запѣлъ въ ушахъ его. Не смѣя открыть такого намѣренія пукерамъ своимъ, еще менѣе надѣясь на ихъ отвагу, онъ рѣшился ѣхать къ Дербенту одинъ одинехонекъ, цѣликомъ, черезъ горы и долы.

Глухая, темная ночь раскинула уже креповыя крылья свои надъ приморскими хребтами Кавказа, когда Аммалатъ переѣхалъ ущеліе, лежащее сзади крѣпости Нарынь-Кале, служащее цитаделью Дербенту. Онъ поднялся къ развалинамъ башни, замыкавшей нѣкогда Кавказскую стѣну, поперегъ горъ тянувшуюся, и привязалъ коня своего у подножія того кургана, съ котораго Ермоловъ громилъ Дербентъ, бывши еще Артиллерійскимъ поручикомъ. Зная, гдѣ хоронятъ чиновниковъ, онъ прямо вышелъ на верхнее Русское кладбище. Но какъ найти ему свѣжую могилу В. во тмѣ ночи? Въ небѣ ни звѣздочки; облака налегли на горы; горный вѣтеръ, какъ ночная птица, хлопалъ по лѣсу крыльями; невольный трепетъ проникъ Аммалата посреди края мертвецовъ, конхъ покой дерзалъ онъ нарушить. Прислушивается: море бушуетъ, напирая и отшибаясь отъ подводныхъ плитъ. Протяжное: *слушай!* часовыхъ, обтекало стѣны города, и въ слѣдъ за нимъ раздавался вой шакаловъ, и наконецъ все стихло, сливаясь съ шумомъ

вѣтра. Сколько разъ вмѣстѣ съ В., бодрствовалъ онъ въ подобныя ночи — и гдѣ теперь онъ? И кто низвергнулъ его въ могилу? И его убійца пришелъ теперь обезглавить трупъ недавняго друга, наругаться надъ его останками; какъ воръ гробокопный, пришелъ похитить достояніе могилы, спорить съ шакалами о добычѣ.

— Чувства человѣческія! произнесъ Аммалатъ, отирая холодный потъ съ чела: зачѣмъ посѣщаете вы сердце, которое отверглось человѣчества? Прочь, прочь! Мнѣ ль бояться отнять голову у мертвеца, у котораго похитилъ я жизнь! Ему это не потеря, а мнѣ сокровище! . . . Прахъ безчувственъ!

Аммалатъ дрожащей рукою высѣкъ огня, раздулъ его на сухомъ бурьянѣ, и пошелъ съ нимъ искать новой могилы. Рыхлая земля и большой крестъ указали ему послѣднее жилище полковника. Онъ выдернулъ крестъ и началъ разгребать имъ холмикъ; разбилъ еще неокрѣпшій кирпичный сводъ, и наконецъ сорвалъ крышку съ гроба. Бурьянъ, вспыхивая, проливалъ неровный кровянистый блескъ на предметы. Склонясь надъ покойникомъ, убійца, блѣднѣе самого покойника, глядѣлъ на трупъ неподвижно. Онъ забылъ, зачѣмъ пришелъ туда, голова его

кружилась отъ запаха тлѣнія, сердце въ немъ обратилось при видѣ кровоглавыхъ червей, которые вились уже изъ-подъ платья. Прервавъ свою страшную работу, они, испуганные свѣтомъ, расползались, сбирались, прятались другъ подъ друга! Наконецъ, ожесточась, онъ нѣсколько разъ взмахивалъ кинжаломъ, и всякій разъ нетвердая рука его падала мимо. Ни месть, ни честолюбіе, ни любовь, словомъ: ни одна страсть, подвигшая его на убійство, не ободряли теперь на безъименное неистовство. Отворотивъ голову, въ какомъ-то забытьи, сталъ онъ рубить В. по шеѣ . . . на пятомъ ударѣ, голова отдѣлилась отъ туловища. Съ отвращеніемъ, бросилъ онъ ее въ приготовленный мѣшокъ и спѣшилъ выдѣзть изъ могилы. До сихъ поръ онъ еще побѣждалъ себя; но когда съ страшнымъ кладомъ своимъ карабкался вверхъ, когда камни съ шумомъ обрушились подъ его ногами, и онъ, осыпанный пескомъ, снова упалъ на трупъ В., присутствіе духа оставило святотатца: ему казалось, что пламя охватило его, что адскіе духи, плеща и хохоча, взвились окрестъ его . . . Съ тяжкимъ стономъ вырвался, выползъ онъ безъ памяти изъ душной могилы и бросился бѣжать, страшась оглянуться. Вскочивъ на коня, онъ погналъ

его, не разбирая утесовъ и овраговъ, и каждый, цѣпляющійся за платье кусть, казался ему рукою мертвеца, и каждый шелестъ вѣтки и стонъ шакала голосомъ дважды зарѣзаннаго друга.

Вездѣ, гдѣ ни проѣзжалъ Аммалатъ, встрѣчалъ онъ вооруженныя толпы Акушинцевъ и Аварцы, пріѣзжихъ Чеченцевъ и тайныхъ хищниковъ изъ Татарскихъ деревень, подвластныхъ Россіи. Всѣ они спѣшили на сборныя мѣста, ближе къ границѣ, между тѣмъ какъ беки, уздени и князьки съѣзжались въ Хунзахъ, для совѣта съ Султанъ-Ахметъ-Ханомъ, подъ предводительствомъ и по приглашенію котораго собирались они ударить на Тарки. Время къ тому было самое благопріятное: хлѣбъ въ амбарахъ, сѣно въ стогахъ, и Русскіе, взявъ аманатовъ, въ совершенной безпечности расположились на зимнія стоянки. Вѣсть объ убійствѣ В. разлетѣлась по всѣмъ горамъ и весьма ободрила Горцевъ. Весело сходились они отовсюду: вездѣ слышались ихъ пѣсни о будущихъ битвахъ и добычахъ, а тотъ, за кого шли сражаться они, проѣз-

жалъ между ними, какъ бѣглецъ и преступникъ, скрывая лице отъ солнца, не смѣя взглянуть никому прямо въ глаза. Все, что случилось съ нимъ, все, что видѣлъ онъ, теперь представлялось ему будто въ удушливомъ снѣ . . . онъ не смѣлъ сомнѣваться въ томъ, и не могъ вѣрить. На третій день къ вечеру доѣхалъ онъ до Хунзаха.

Трепеща отъ нетерпѣнія, спрыгнулъ онъ съ коня, измученнаго бѣгомъ, и взялъ изъ тороковъ роковой мѣшокъ. Переднія комнаты были полны воинами. Наѣздники въ кольчугахъ расхаживали, или вдоль стѣнъ лежали на коврахъ, шопотомъ разговаривая между собою . . . но повисшія брови ихъ, но угрюмыя лица доказывали, что въ Хунзахѣ получены вѣрно худыя вѣсти. Нукеры бѣгали взадъ и впередъ торопливо, и никто не спросилъ, никто не проводилъ Аммалата, никто не обратилъ на него вниманія. У самыхъ дверей спальни ханской, сидѣлъ Сурхай-Хань-Джинка, т. е. побочный сынъ Султанъ-Ахмета, и горько плакалъ.

— Что это значитъ? съ безпокойствомъ спросилъ его Аммалатъ. Ты, у котораго и въ младенчествѣ не добивались слезъ, ты плачешь? . . .

Сурхай безмолвно указалъ на двери, и

Аммалатъ съ недоумѣніемъ переступилъ за рѣшительный порогъ.

Сердце раздирающее зрѣлище представилось глазамъ пришельца. Посреди комнаты, на тюфякѣ, лежалъ ханъ, обезображенный быстрою болѣзнію. Незримая, но уже неотразимая кончина посилась надъ нимъ, и погасающій взоръ встрѣчалъ ее съ ужасомъ. Грудь вздымалась высоко и потомъ тяжело опадала; дыханіе шипѣло въ гортани, жилы рукъ напрягались и снова исчезали; въ немъ совершалось послѣднее бореніе жизни съ разрушеніемъ . . . пружина бытія уже лопнула, но колеса еще двигались неровнымъ ходомъ, задѣвая другъ за друга. Едва искры памяти мелькали въ немъ, какъ падучія звѣзды сквозь ночь, густѣющую надъ душею, и отражались на мертвѣющемъ лицѣ. Жена и дочь рыдали на колѣнахъ у его ложа; старшій его сынъ, Нуцалъ, въ безмолвномъ отчаяніи стоялъ въ ногахъ, склонивъ чело на сжатую руку. Нѣсколько женщинъ и пукеровъ плакали тихо поодаль.

Все это однако жъ не поразило, не образумило Аммалата, преисполненнаго одною мыслію. Онъ твердою поступью приблизился къ хану и громко сказалъ ему:

— Здравствуй, ханъ! Я привезъ тебѣ пода-

рокъ, отъ котораго бы оживился мертвецъ. Готовь свадьбу: вотъ мой выкупъ за Селтанету! Вотъ голова В.! Съ этимъ словомъ, онъ бросилъ ее къ ногамъ хана.

Знакомый голосъ пробудилъ на мигъ Султанъ-Ахмета отъ послѣдняго сна: онъ поднялся съ усиліемъ, чтобы взглянуть на подарокъ и трепетъ волной пробѣжалъ по его тѣлу, когда онъ увидѣлъ мертвую голову.

— Пускай съѣстъ свое сердце тотъ, кто подчуетъ умирающаго такой ужасною яствою! произнесъ онъ едва внятно. Мнѣ надо помириться съ врагами, а не..... Ахъ, горю! дайте воды, воды .... Зачѣмъ вы напоили меня горячею нефтью? Аммалатъ! я проклинаю тебя!...

Усиліе истратило послѣднія капли жизни въ ханѣ: онъ упалъ бездушнымъ трупомъ на изголовье. Ханша съ негодованіемъ смотрѣла на кровавый, неумѣстный подарокъ Аммалата; но когда увидѣла она, что это ускорило смерть ея мужа, вся тоска ея вспыхнула огнемъ гнѣва.

— Посолъ ада! вскричала она, сверкая взоромъ. Любуйся: вотъ твои подвиги! Если бъ не ты, мужъ мой не задумалъ бы подымать на Русскихъ Аварлу, и теперь здоровъ и покоенъ сидѣлъ бы дома; но для тебя, посѣщая узденей, онъ упалъ съ крутизны и слегъ въ по-

стелю.... и ты, кровопійца, вмѣсто того, чтобъ утѣшить больнаго кроткими словами, чтобы молитвою и милостыней помирить его съ Аллахомъ, принесъ, какъ людоѣду, мертвую голову, и чью голову? твоего благодѣтеля, защитника и друга!

— На то была воля хана! угрюмо возразилъ Аммалатъ.

— Не клевещи на мертваго, не марай его памяти лишнею кровью! воскликнула ханша. Недовольный тѣмъ, что измѣннически зарѣзалъ человѣка, ты съ его головою пріѣхалъ сватать дочь мою у смертнаго одра отца, и ты надѣялся получить награду отъ людей, заслуживъ месть отъ Бога? Безбожникъ, бездушникъ! Нѣтъ, гробомъ предковъ и саблями сыновей клянусь: ты никогда не будешь зятемъ моимъ, знакомцемъ, гостемъ моимъ. Удались изъ моего дома, измѣнникъ! У меня есть сыновья, которыхъ можешь ты зарѣзать обманомъ, у меня есть дочь, которую можешь ты зачаровать, отравить измѣнными своими взорами. Ступай скитаться въ ущельяхъ горъ, учи тигровъ терзать другъ друга, и отбивай падаль у волковъ. Ступай, и вѣдай, что дверь моя не отворяется для братоубійцы!

Аммалатъ стоялъ, какъ опаленный молніею. Все, что роптала нечистая его совѣсть, высказано было ему вдругъ, и такъ неожиданно,

такъ жестоко! Онъ не зналъ, куда дѣвать очи свои. Тамъ лежала голова В; съ обвинительною кровью, тамъ видѣлось укорительное челохана съ печатью мучительной кончины, тамъ встрѣчалъ онъ грозныя очи ханши .... лишь плачущія очи Селтанеты казались ему привѣтными звѣздочками сквозь дождевую тучу. Къ ней-то рѣшился приблизиться онъ, робко произнеся:

—Селтанета! для тебя совершилъ я то, за что тебя теряю .... судьба хочетъ этого: да будетъ! Одно скажи мнѣ: неужели и ты разлюбила меня; ужели и ты ненавидишь?

Знакомый, милый голосъ проникъ ея сердце. Селтанета подняла свои рѣсницы, блистающія слезами, свои глаза полные тоскою: но увидѣвъ страшное, кровью забрызганное лице Аммалата, закрыла опять ихъ рукою. Она указала перстомъ на трупъ отца, на голову В., и твердо сказала:

—Прощай, Аммалатъ; я жалѣю тебя, но не могу быть твоею.— Сказавъ слова сіи, она пала безъ чувствъ на тѣло отца.

Вся природная гордость, вмѣстѣ съ кровью прилила къ сердцу Аммалата. Духъ его вспыхнулъ негодованіемъ.

— Такъ-то принимаютъ меня здѣсь; — молвилъ онъ, бросая презрительный взглядъ на

обѣихъ женщинъ! Такъ то
здѣсь обѣты; я радъ, что глаз
ли. Я былъ слишкомъ простъ,
переходчивую любовь пѣтреной
шкомъ терпѣливъ, слушая бродни
ны. Вижу, что съ Султаномъ-
умерли здѣсь честь и гостепріи

Онъ вышелъ гордо.

Онъ дерзко заглядывалъ въ
сжавъ рукоять кинжала, какъ
ихъ на бой. Всѣ однако жъ
дорогу, но, кажется, болѣе изб
упажая; никто не привѣтствова
вомъ, ни знакомъ. Онъ выш
кликнулъ нукеровъ своихъ, бе
въ сѣдло, и тихими шагами п
сгымъ улицамъ Хунзаха.

Съ дороги, въ послѣдній р
онъ на ханскій домъ, черпѣю
и мракъ, между тѣмъ какъ рѣш
блистали огнями. Сердце его об
оскорбленное самолюбіе вонзил
лѣзные когти свои, а напрасно
любовь, отнынѣ презрѣнная,
пролили отраву на раны. Съ т
вомъ, съ сожалѣніемъ бросилъ
ный взоръ на гаремъ, въ кото
потерялъ всѣ радости земныя. —

Селтанета! — болѣе не могъ произнести онъ. Свинцовая гора лежала на груди; совѣсть его уже чувствовала страшную руку, на ней тяготѣющую; минувшее его ужасало, будущее приводило въ трепетъ.... Куда приклонитъ онъ свою оцѣненную голову? Какая земля упокоитъ кости измѣнника? Не о любви, не о дружбѣ, не о счастіи отнынѣ будетъ его забота, но о скудной жизни, о скитальческомъ хлѣбѣ.... Аммалатъ хотѣлъ плакать: глаза его горѣли.... и какъ богачъ, кипящій въ огнѣ, сердце его молило объ одной каплѣ, объ одной слезинкѣ: залить нестерпимую жажду.... онъ силился плакать, и не могъ. Провидѣніе отказало въ этой отрадѣ злодѣямъ.

И куда скрылся убійца В.? Гдѣ влачилъ онъ свое жалкое бытіе? Никто навѣрно не зналъ этого. По Дагестану ходили слухи, что онъ скитался между Чеченцами и Койсубулинцами, утративъ красоту и здоровье, и даже самую отвагу; но кто жъ могъ сказать про то утвердительно? Мало по малу запала и молва объ Аммалатѣ, хотя злодѣйская измѣна его до сихъ поръ свѣжа на памяти Русскихъ и мусульманъ, обитателей Дагестана; до сихъ поръ имя его никѣмъ не произносится безъ укора.

ГЛАВА XIV.

Анапа, эта оружейница горскихъ разбойниковъ, этотъ базаръ, на которомъ продавались слезы и потъ и кровь христіанскихъ невольниковъ, этотъ плацдармъ мятежей для Кавказа, Анапа, говорю, въ 1828 году обложена была Русскими войсками съ моря и отъ угорья. Канонерскія лодки, бомбарды и всѣ суда, которыя могли подходить близко къ берегу, громили прибрежныя укрѣпленія. Сухопутныя войска переправились черезъ рѣку, которая впадаетъ въ Черное море подъ сѣверною стѣною Анапы и расплывается кругомъ всего города топкими болотами. Потомъ повели они бревенчатыя трапши, вырубая для

того окрестный лѣсъ. Съ каждою ночью возникали новыя бойницы ближе и ближе къ стѣнамъ города. Внутри домы пылали отъ бомбъ, наружныя стѣны рушились ядрами; но Турецкій гарнизонъ, усиленный Горцами, дрался отчаянно, дѣлалъ смѣлыя вылазки, и на всѣ предложенія о сдачѣ отвѣчалъ пушечными выстрѣлами. Между тѣмъ осаждающіе безпрестанно обезпокоиваемы были Кабардинскими наѣздниками и пѣшими стрѣлками Абазеховъ, Шапсуговъ, Натухайцевъ и другихъ свирѣпыхъ Горцевъ Черноморья, сбѣжавшихся, подобно шакаламъ, искать добычи и крови. Противъ нихъ должно было строить обратные редуты, а эта двойная работа, производимая подъ пушечными выстрѣлами съ крѣпости и ружейными изъ лѣса, въ почвѣ неровной и болотистой, очень замедляла покореніе города.

Наконецъ, наканунѣ взятія Анапы, на единственномъ сходолѣ съ юго-восточной стороны, Русскіе открыли брешь-батарею. Дѣйствіе ея было ужасно. По пятой очереди зубцы и брустверъ были опрокинуты, орудія обнажены и сбиты. Ядра, ударяясь въ каменную одежду, вспыхивали молніею и потоками, въ черной тучѣ пыли, взлетали куски расторгнутыхъ камней. Стѣна сыпалась, распадалась, но крѣпость, по толщинѣ оной долго противостояли

разрушительной силѣ чугуна, и крутымъ обваломъ осыпанная стѣна не представляла еще возможности къ штурму.

Для разгорѣвшихся орудій и долгою стрѣльбою утомленныхъ артиллеристовъ, необходимъ былъ отдыхъ. Мало по малу пальба стихла на всѣхъ батареяхъ суши и моря. Густыя облака дыма катились съ берега и растилались по волнамъ, то скрывая, то открывая опять флотилію. Изрѣдка срывался клубъ дымный съ орудій крѣпости, и вслѣдъ за раскатами пушечнаго грома, отзывающагося въ далекихъ горахъ, нѣсколько пуль свистали кой-откуда... И вотъ все умолкло кругомъ, все притаилось внутри Анапы и траншей; ни одной чалмы между зубцами, ни одного граненаго штыка въ завалахъ. Только Турецкія знамена по башнямъ и Русскіе флаги на судахъ, гордо играли въ воздухѣ, неомраченномъ ни одною струйкою дыма; только звучный голосъ муэцциновъ раздавался далеко, призывая мусульманъ къ полдневной молитвѣ.

Въ это время, съ пролома, противъ самой брешь-батареи, спустился, или, лучше сказать, скатился всадникъ на бѣломъ конѣ, поддерживаемый веревками, перескочилъ черезъ полузасыпанный ровъ, и какъ стрѣла ударилъ влѣво между батарей, перепорхнулъ черезъ

завалы, черезъ дремлющихъ за ними солдатъ, которые не ждали и не гадали ничего подобнаго, и преслѣдуемый торопливыми ихъ выстрѣлами, скрылся въ лѣсу. Никто изъ всадниковъ не успѣлъ его разсмотрѣть, не только за нимъ гнаться; всѣ только ахали отъ удивленія и досады, и скоро забыли про удальца въ тревогѣ, поднятой пальбою съ крѣпости, заведенною нарочно, чтобы дать время безстрашному вѣстнику убраться въ горы.

Къ вечеру, брешь-батарея, гремѣвшая неумолчно, почти совершила свое дѣло разрушенія: опрокинутая стѣна легла мостомъ для осаждающихъ, и они съ нетерпѣніемъ отваги готовились къ приступу, какъ вдругъ неожиданное нападеніе Черкесовъ, снявшихъ наши пикеты и цѣпь, заставило обратить огонь редантомъ противъ неистовыхъ, дерзкихъ Горцевъ. Громовое: «Алла, гилъ Алла!» понеслось на встрѣчу имъ со стѣнъ Анапы. Пушечная и ружейная пальба закипѣла съ нихъ вдвое сильнѣе, но Русская картечь остановила, смѣшала, разсѣяла толпы всадниковъ и пѣшихъ Черкесовъ, готовыхъ ударить на орудія въ шашки, и они съ грознымъ перекликами: «гяуръ гяурларъ,» обратились назадъ, покидая за собой усталыхъ. Въ одинъ мигъ все поле было усѣяно ихъ трупами, ихъ ранеными, кото-

рые пытались уползти, карабкались и падали снова, пораженные пулями и картечью, между тѣмъ какъ ядра посѣкали лѣсъ, а гранаты лопаясь въ немъ довершали истребленіе.

По съ самаго начала дѣла, до тѣхъ поръ покуда ни одного непріятеля не осталось вблизи, Русскіе съ изумленіемъ видѣли передъ собою статнаго Черкеса, на бѣломъ конѣ, который тихимъ шагомъ проѣзжался взадъ и впередъ мимо нашихъ редантовъ. Всѣ узнали въ немъ того самаго всадника, что перескочилъ черезъ траншеи въ полдень, вѣроятно, для подговора Черкесовъ напасть на Русскихъ сзади, въ то время, какъ они хотѣли выпустить изъ воротъ неудавшуюся теперь выласку. Брызжа и урча прыгали около него картечи. Конь его рвался на поводахъ, но самъ онъ, хладнокровно поглядывая на батареи, ѣхалъ вдоль ихъ, будто съ нихъ осыпали его цвѣтами. Артиллеристы грызли зубы съ досады, видя ненаказанную дерзость этого наѣздника; выстрѣлъ за выстрѣломъ рвали воздухъ и землю, но онъ оставался невредимъ, какъ очарованный. — Посылай ядро! сказалъ фейерверкеру молодой артиллерійскій офицеръ, только что выпущенный изъ корпуса, раздосадованный болѣе всѣхъ неудачею. Я готовъ зарядить пушку своею головою:

такъ хочется мнѣ убить этого хвастуна. Картечью не стоитъ стрѣлять по одному: — картечь авось; ядро сыщетъ виноватого. Такъ говоря онъ подвинчивалъ клинъ и наводилъ сквозь діоптръ орудіе, и вѣрно разсчитавъ въ какое мгновеніе всадникъ наѣдетъ на черту прицѣла, вставъ съ хобота, и скомандовалъ роковое: пли!

На нѣсколько мгновеній дымъ одѣлъ батарею мракомъ..... его разнесло.... испуганный конь мчалъ окровавленное тѣло всадника, запутавшагося ногами въ стременахъ.

— Попалъ, убилъ, — закричали со всѣхъ траншей, и молодой артиллеристъ, набожно снявъ фуражку, перекрестился и съ веселымъ лицемъ спрыгнулъ съ батареи, чтобы поймать заслуженную добычу. Ему скоро удалось схватить за поводья коня поверженнаго въ прахъ Черкеса, потому что онъ кружился, влача его съ боку. Несчастному оторвало руку близъ плеча, но онъ еще дышалъ, еще стенялъ и бился. Жалость взяла доброго юнгу: онъ кликнулъ солдатъ и заботливо велѣлъ перенести раненнаго въ траншею, послалъ за лекаремъ и при своихъ глазахъ дождался конца операціи.

Ночью, когда уже все утихло, артиллеристъ сидѣлъ надъ полумертвымъ своимъ плѣнникомъ,

съ участіемъ разсматривая его при тускломъ свѣтѣ фонаря. Змѣиный слѣдъ тоски, проторенный на щекахъ слезами, глубокія морщины лба, нарѣзанныя не лѣтами, но страстями и кровавыя царапины, обезображивали его прекрасное лице, и на немъ выражалось что-то мучительнѣе боли, что-то страшнѣе кончины.... Артиллеристъ не могъ удержать невольнаго содроганія. Плѣнникъ вздохнулъ тяжело, и съ усиліемъ подпявъ руку до лба, открылъ ею свои отяжелѣвшія вѣки, произнося про себя несвязные звуки, несвязныя слова.... —Кровь, сказалъ онъ разглядывая свою руку... все кровь! Зачѣмъ на меня надѣли *его* кровавую рубашку;.... Я и безъ того плаваю въ крови .... Зачѣмъ же не топу въ ней... Какъ холодна сегодня она;.... Бывало, она жгла меня. ... да и это не легче. На свѣтѣ было такъ душно..... въ могилѣ такъ холодно!.... страшно быть мертвецомъ!.... Глупецъ я! искалъ смерти... О, дайте мнѣ воротиться на свѣтъ!. дайте пожить, еще хоть денекъ, хоть часокъ пожить!....

— Что такое? что! зачѣмъ я спряталъ въ могилу другаго? *шепчешь ты*... Узнай самъ, каково въ ней! узнай, коково умирать!.... Судорожное движеніе прервало бредъ его; но выразимо страшный стонъ вырвался изъ груди

страдальца, и онъ впалъ въ томительное забытье, въ которомъ одна душа живетъ еще, чтобы страдать.

Артиллеристъ, тронутый до глубины сердца, приподнялъ голову несчастнаго, спрыснулъ ему лице холодною водою и теръ спиртомъ виски, чтобы привести его въ чувство. Медленно открылъ онъ очи, нѣсколько разъ потрясъ головою, будто желая отряхнуть съ рѣсницъ туманъ и пристально устремилъ зрачки на лице артиллериста, блѣдно озареннаго мерцаніемъ свѣчи. И вдругъ, съ пронзительнымъ крикомъ, будто магическою силою приподнялся онъ съ ложа... волосы его стали дыбомъ, все тѣло дрожало лихорадочной дрожью, руки искали что-то оттолкнуть отъ себя.... неописанный ужасъ изобразился на его лицѣ... — Твое имя? вскричалъ онъ наконецъ, обращаясь къ артиллеристу. Кто ты, пришлецъ изъ гроба?

— Я В....ій! отвѣчалъ молодой артиллеристъ. Это былъ выстрѣлъ прямо въ сердце плѣнному: лигатура на главной артеріи лопнула отъ прилива и кровь хлынула сквозь перевязки!... Еще нѣсколько трепетаній, нѣсколько хрипѣній — и ледяная рука смерти задушила въ груди раненаго послѣдній вздохъ,

сохранила на челѣ печать послѣдней тоски, собирающей медленно цѣлыя лѣта раскаянія въ одинъ быстрый мигъ, въ который душа, отрываясь отъ тѣла, чувствуетъ равно муки жизни и ничтожества, чувствуетъ вдругъ всѣ угрызенія минувшаго и всѣ страхи будущаго. Страшно было видѣть обезображенное лице этого мертвеца.

— Онъ вѣрно былъ большой грѣшникъ! тихо сказалъ В. стоявшему подлѣ него генеральскому переводчику, содрогаясь невольно.

— Большой злодѣй! примолвилъ переводчикъ. Мнѣ кажется, онъ былъ Русскій бѣглецъ. Мнѣ не случалось слышать, чтобы какой нибудь Горецъ говорилъ такъ чисто по-Русски, какъ этотъ плѣнникъ. Дайте-ка мнѣ посмотрѣть его оружіе: не найдемъ ли на немъ какихъ примѣтъ. Говоря такъ, онъ съ любопытствомъ обнажилъ кинжалъ, снятый съ убитаго, и приблизивъ его къ фонарю, разобралъ и перевелъ слѣдующую надпись:

—Будь медленъ на обиду — къ отмщенью скоръ!

— Самое разбойничье правило! сказалъ В; Бѣдный братъ мой Евстафій! ты палъ жертвою подобнаго изувѣрства!— Глаза добраго юноши

наполнялись слезами.... — Нѣтъ ли чего еще? — спросилъ онъ.

— Вотъ кажется, имя убитаго, отвѣчалъ переводчикъ:

— Оно: Аммалатъ-Бекъ!—

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Аммалатъ-Бекъ 3

Цѣна за всѣ двѣнадцать частей 40 рубл. ассиг. съ пересылкою 50 рубл.

Stanford University Libraries
3 6105 001 348 742

PG
3321
.B45
1838
v.5

DATE DUE

DEC - 1 1978

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305